

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

На правах рукописи

Хоменко Мария Владимировна

**РАССКАЗ О ПРИЖИЗНЕННОМ ЧУДЕ В РУССКОЙ АГИОГРАФИИ:
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ
И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Рогожникова Татьяна Павловна

Омск – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗА О ПРИЖИЗНЕННОМ ЧУДЕ.....	15
1.1. Рассказ о чуде как составная часть жития.....	15
1.1.1. Изучение феномена чуда в разных научных парадигмах.....	15
1.1.2. Жанрово-стилистические особенности агиографии.....	18
1.1.3. Изучение житийных чудес в отечественной медиевистике.....	29
1.2. Методологические основы исследования рассказа о прижизненном чуде в составе житийных текстов.....	33
1.2.1. Речевой жанр как основное понятие современного жанроведения: жанр и жанрообразующие признаки.....	33
1.2.2. Современные тенденции в изучении речевых жанров.....	37
1.2.3. Проблема моделирования речевого жанра.....	40
1.2.4. Проблема жанра в аспекте диахронического лингвожанроведения.....	43
1.3. Коммуникативно-прагматический подход к изучению рассказа о прижизненных чудесах.....	47
1.4. Исследовательская процедура моделирования жанровой формы «рассказ о прижизненном чуде».....	53
Выводы по главе 1.....	55
Глава 2. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА О ПРИЖИЗНЕННОМ ЧУДЕ В ПРЕПОДОБНИЧЕСКОЙ АГИОГРАФИИ XII–XV ВВ.....	60
2.1. Классификация рассказов о прижизненных чудесах по тематическому основанию.....	61
2.2. Анализ жанровой природы рассказов о прижизненном чуде на основе коммуникативно-прагматических параметров.....	66
2.3. Композиционно-смысловая структура рассказа о прижизненном чуде.....	82

2.4. Жанрово-стилистические особенности прижизненных чудес.....	90
2.4.1. Языковая репрезентация коммуникативно-прагматических компонентов в тексте рассказа о прижизненном чуде.....	90
2.4.2. Жанровая структура рассказа о прижизненном чуде: формуляр.....	117
2.4.3. Базовые стилистические средства и приемы репрезентации чуда.....	119
Выводы по главе 2.....	121
Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБРАЗЦА РАССКАЗА О ПРИЖИЗНЕННОМ ЧУДЕ В АГИОГРАФИИ XVI–XXI ВВ.....	126
3.1. Рассказ о прижизненном чуде в составе преподобнических житий XVI в.....	126
3.1.1. Особенности тематики и реализации коммуникативно-прагматических параметров в рассказах о прижизненном чуде в житиях преподобных XVI в.....	127
3.1.2. Содержательные и структурно-композиционные особенности.....	140
3.1.3. Лингвостилистические показатели рассказов о прижизненных чудесах в преподобнических житиях XVI в.....	155
3.2. Прижизненные чудеса в составе житий Христа ради юродивых.....	162
3.2.1. Прижизненные чудеса в житии Михаила Клопского.....	163
3.2.2. Прижизненные чудеса в поздних житиях юродивых.....	171
Выводы по главе 3.....	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	189
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	189
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	219

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия научный интерес многих лингвистов связан с жанрами церковно-религиозного стиля [Гречаная 2016; Звездин 2012; Изотов 2018; Ицкович 2023; Мишланов 2014; Смолина 2021 и др.]. Это обусловлено как экстралингвистическими причинами, а именно высвобождением религиозной коммуникации из-под власти государственного атеизма советского периода и укреплением позиций церкви в вопросах влияния на общественную жизнь и взаимодействия с разными социальными группами российского общества, так и проблемой малой изученности языкового материала означенного лингвистического поля в синхронии и диахронии.

Появление религиозной словесности в русской культуре связано, как известно, с принятием в конце X века христианства и, как его важнейшей составляющей, традиций духовного творчества. К наиболее востребованным и авторитетным жанрам средневековой православной книжности по праву относится житие, представляющее собой описание мирской и духовной жизни святого подвижника. При этом древнерусская литература характеризуется особым свойством, которое Д. С. Лихачев определил как «анфиладность» – способность крупных («ансамблевых») жанров включать в себя менее объемные жанровые формы [Лихачев 1966].

Настоящая диссертация выполнена в русле лингвистического жанроведения – продуктивной научной парадигмы современных лингвистических изысканий, направленных на изучение устных и письменных жанров, решение проблем их описания и моделирования, типологизации и классификации, выявление их базовых и дифференцирующих признаков, на поиск универсальных средств идентификации различных жанров, установление их инвариантов и соотношения друг с другом в той или иной речевой культуре. На решение означенных вопросов направлены исследовательские усилия не только специалистов в области современного русского языка, но и – что существенно для настоящей работы – историков языка.

Изучение исторических жанров представляется одной из актуальных проблем отечественной лингвистики. Почти три десятилетия назад, в период формирования теории речевых жанров, М. Н. Кожина отмечала, что в этом направлении, кроме прочего, важным является обращение к речевым жанрам с учетом исторической ретроспективы, а также дальнейшее изучение специфики вторичных жанров по сравнению с первичными и принципов трансформации последних в составе первых [Кожина 1999]. Решению вопросов, касающихся исторических жанров, их жанрово-стилистической специфики и принципов типологизации, посвящены исследования современных лингвистов. При этом следует отметить доминирование в этом направлении изучения разнообразных жанровых форм деловой письменности, не связанных с церковной сферой, в то время как работы с диахроническим рассмотрением генезиса и динамики религиозных жанров, выявлением их жанрообразующих признаков немногочисленны [Грекова 2014, Ицкович 2016-а].

В связи с этим для формирования более полного представления о средневековой жанровой системе важно исследовать, во-первых, малоизученные жанры; во-вторых, жанровые формы, входящие в состав других жанров, в частности в состав жития. Обоим этим условиям удовлетворяет рассказ о прижизненном чуде, не ставший до сих пор объектом специального лингвистического изучения.

Таким образом, **актуальность** настоящего исследования обусловлена значимостью развития исторического жанроведения в лингвистической русистике, в частности – обращения к ранее не изученным жанровым формам в составе авторитетных образцов русской житийной литературы; релевантностью комплексного жанрово-стилистического и коммуникативно-прагматического подхода, позволяющего интерпретировать специфику жанровых форм и осуществлять их моделирование с учетом достижений в области отечественной медиевистики.

Объектом исследования выступает рассказ о прижизненном чуде в составе русской агиографии как особая жанровая единица, функционирующая в рамках объединяющего жанра.

Предмет исследования – текстовые, тематические, коммуникативно-прагматические, структурно-семантические и лингвостилистические признаки агиографического рассказа о прижизненном чуде, обеспечивающие его жанровую специфику и в своей совокупности формирующие модель исследуемого жанра.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном моделировании рассказа о прижизненном чуде на основе жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических признаков в его образцовом виде, представленном в житиях преподобных святых, а также в выявлении динамики исследуемого жанровой формы в более поздней агиографии, в жанрово-стилистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

1) осуществить обзор и систематизацию научных работ по теме исследования, сформировать теоретико-методологическую базу для изучения рассказа о прижизненном чуде в связи с жанрово-стилистическим и коммуникативно-прагматическим подходом к анализу;

2) рассмотреть исследования по феноменологии чудесного в различных сферах гуманитарной науки для определения сущностных признаков феномена чуда;

3) выработать и обосновать методику жанрового анализа рассказа о прижизненном чуде с учетом базовых для агиографии и специфических для исследуемой жанровой формы признаков;

4) классифицировать рассказы о прижизненных чудесах по тематическому, коммуникативно-прагматическому основанию;

5) проанализировать структурно-семантические признаки рассматриваемой жанровой единицы, определить типовые структурно-композиционные схемы жанра;

6) рассмотреть языковую и стилистическую специфику рассказа о прижизненном чуде;

7) сопоставить рассказы о прижизненных чудесах в составе преподобнических житий XII–XV вв. и в составе житий, написанных и изданных в более позднее время, выявить и охарактеризовать особенности динамики жанровой формы исходя из образцовой жанровой модели;

8) обобщить полученные результаты в представлении жанровой модели рассказа о прижизненном чуде на основании совокупности его жанрообразующих параметров, охарактеризовать его функцию в составе жанра жития.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды, выполненные в следующих научных направлениях:

– история русского литературного языка, древнерусской литературы, русской агиографии (В. П. Адрианова-Перетц, Б. И. Берман, В. В. Виноградов, И. В. Грекова, Л. А. Дмитриев, И. П. Еремин, В. М. Живов, Т. В. Ицкович, М. Д. Каган-Тарковская, А. П. Кадлубовский, Б. М. Клосс, В. О. Ключевский, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, И. С. Некрасов, Е. А. Панова, Т. П. Рогожникова, В. В. Смирнова, И. В. Стародумов, В. Н. Топоров, Г. П. Федотов, А. А. Шахматов, И. Яхонтов);

– теория жанра (Т. В. Анисимова, М. М. Бахтин, А. Вежбицка, В. В. Дементьев, М. Н. Кожина, О. Н. Копытов, Д. С. Лихачев, Н. В. Орлова, И. В. Шерстяных, Т. В. Шмелева), в том числе субжанра (В. В. Дементьев, Т. В. Ицкович, Ф. Л. Косицкая);

– исследования в области религиозного дискурса (Е. Ю. Балашова, Е. В. Бобырева, И. В. Бугаева, А. К. Гадомский, Т. В. Ицкович, Ю. В. Коренева);

– исследования в области философии языка (С. С. Аверинцев, В. В. Колесов, А. Ф. Лосев, И. В. Рынковой, С. П. Щавелев);

– коммуникативно-прагматические изыскания (Н. С. Болотнова, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Г. Г. Матвеева).

В диссертационной работе применяются **общенаучные методы** сбора, описания, сопоставления, классификации, анализа, количественных подсчетов тех

или иных языковых единиц, текстовых фрагментов, тематической классификации изучаемых единиц; **специальные методы**, учитывающие специфику объекта, предмета и конкретных задач исследования: метод лингвистического моделирования с использованием частных методов – коммуникативно-прагматического анализа (при выявлении и описании параметров жанровой специфики и описании материала на основе этих параметров); структурно-семантического анализа текста (при выявлении значимых содержательных фрагментов в композиции рассказа о прижизненном чуде и типовых структурных схем жанра); лингвостилистического анализа (при характеристике жанрообразующих языковых средств и приемов их употребления).

Специфика исторического материала определила необходимость выработки оригинальной методики анализа и моделирования жанра по семи коммуникативно-прагматическим параметрам, позволившей выявить и описать жанровую специфику рассказов о прижизненном чуде в составе русской агиографии и представить типовые модели видо-тематических вариантов рассказов.

Материалом диссертационного исследования послужили фрагменты житий русских святых, повествующие о чудесных событиях, извлеченные в результате сплошной выборки из текстов житий разного авторства и периодов написания: 1) преподобнических житий святых (XII–XV вв.) Феодосия Печерского (Нестор, вопрос о датировке остается дискуссионным, в настоящей работе данный памятник отнесен к началу XII в.), Сергия Радонежского (написано Епифанием Премудрым на рубеже XIV–XV вв. и переработано Пахомием Сербом в середине XV в.), Кирилла Белозерского (Пахомий Серб, третья четверть XV в.); 2) преподобнических житий (XVI в.) святых Пафнутия Боровского (Вассиан Санин, первая четверть XVI в.), Александра Свирского (игумен Иродион (Кочнев), середина XVI в.); 3) житий Христа ради юродивых Михаила Клопского – в двух редакциях (так называемая «легендарная» редакция, последняя четверть XV в., и Тучковская редакция, вторая четверть XVI в.), Василия и Иоанна Блаженных

(издание конца XIX в.), Ксении Петербургской (современное издание). В общей сложности осуществлен анализ 142 фрагментов в составе 10 текстов.

Источниками материала исследования стали тексты житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, а также Повесть о житии Михаила Клопского, «легендарная» редакция, подготовленные сотрудниками ИРЛИ РАН и опубликованные в сериальном издании «Библиотека литературы Древней Руси». Минейный вариант жития Михаила Клопского, переработанный В. М. Тучковым, приводится по изданию графа Григория Кушелева-Безбородко 1862 г.; житие Пафнутия Боровского – по рукописи Института князя А. А. Безбородко, изданной А. П. Кадлубовским; житие Александра Свирского – по рукописи РНБ, Погод. 874, XVI в.; жития Василия и Иоанна Блаженных – по изданию типографии А. И. Манухина 1867 г.; житие Ксении Петербургской – по изданию «Неугасимая лампада : Артос-Медиа», 2006 г. Полное библиографическое описание источников дано в разделе «Список литературы».

Гипотеза исследования. Рассказ о прижизненном чуде характеризуется типичными для него жанрообразующими признаками – тематическими, структурно-семантическими, стилистическими и коммуникативно-прагматическими, характеризующими его как особую жанровую форму, функционирующую в житиях в качестве субжанра, с одной стороны, подчиняющегося общим коммуникативным целеустановкам агиографического жанра – созданию образа святого и предписанию праведного образ жизни; с другой стороны, реализующего коммуникативную направленность рассказа о чуде на преодоление сомнений, укрепление мирян в вере. С течением времени в связи с преобразованиями лингвистического, социально-исторического и мировоззренческого характера рассказ о прижизненном чуде претерпевает изменение определенных жанровых признаков – от «мифологичности» повествования к его фактографичности.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Впервые осуществляется лингвистический анализ рассказов о прижизненном чуде в составе агиографического текста, определено значение преподобнической агиографии в формировании образца жанровой формы чудесного рассказа.

2. Впервые выработана и применена методика анализа средневековой жанровой формы «рассказ о прижизненном чуде» на основе комплекса параметров с учетом их внутритекстовой специфики. Применение оригинальной методики позволило квалифицировать функциональную роль рассказа о чуде как субжанра в составе жанра жития.

3. Впервые проведен сопоставительный анализ житий одного лика святости разных периодов создания, а также разных ликов святости, позволивший выявить инвариантные и вариативные признаки субжанра и его конкретных воплощений.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в следующем: разработка методологии комплексного моделирования, учитывающей методологию современной теории речевого жанра, ее уточнение за счет введения исторически обусловленных специфических жанровых признаков и применения к жанровой форме в составе средневекового религиозного текста, обогащает разделы общей теории жанрового моделирования; систематизация уровней и параметров определения специфики субжанра в составе житийного повествования расширяет границы жанрового анализа в части описания жанра и субжанра как повествовательных феноменов; выведение модели чудесного рассказа, сформировавшейся в составе житий преподобных, установление комплекса жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических признаков рассказа о прижизненном чуде времени его образцового оформления способствует целостному представлению о жанровой и языковой специфике житийного жанра, развивает коммуникативные и дискурсивные описания жанров религиозного, в частности средневекового, дискурса.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы при разработке лекционных курсов по

истории русского литературного языка, истории русской литературы, спецкурсов по исторической стилистике, синхроническому и диахроническому жанроведению, диахронической теории текста, исторической дискурсологии.

Личное участие соискателя заключается в постановке цели и задач исследования, сборе материалов исследования, в разработке методологии и методики исследования, ее реализации на конкретном материале и интерпретации полученных результатов, в обосновании положений, выносимых на защиту.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Образцовая модель чудесного рассказа формируется в составе житий преподобных, поскольку именно для данного лика святости чудотворение является одним из наиболее важных оснований для канонизации и причисления к лику святых. Комплекс жанрово-стилистических и коммуникативно-прагматических признаков рассказа о прижизненном чуде складывается, а жанр оформляется в своем образцовом виде в XV в. Признаки формирования жанровой модели: расширение тематического круга, развитие и усложнение стилистика и структуры, выделение повествования о чудесах в главы. Стабильные компоненты модели: система его конститутивных жанровых признаков – семь коммуникативно-прагматических параметров, определяющих композицию и структуру жанра.

2. Рассматриваемая жанровая форма поддается идентификации и комплексному моделированию в результате последовательного применения к ней пятиэтапной исследовательской процедуры, разработанной на основе речеганровых характеристик, признанных в современном жанроведении универсальными (тема, композиция и стиль – по М. М. Бахтину; коммуникативная цель, диктумное содержание и языковое воплощение – по Т. В. Шмелевой; типичное содержание, типичная композиция жанра и языковые и стилистические особенности – по Т. В. Анисимовой), и специфических для исследуемого феномена, обусловленных внутритекстовой коммуникацией (понятие предложено коллективом авторов – А. А. Чувакиным, Е. В. Демидовой и Э. В. Малыгиной) и коммуникативными ролями ее участников (коммуникативно-прагматические

параметры, их языковые репрезентации и структурно-содержательные особенности). Коммуникативно-прагматические внутритекстовые параметры: «объект», «ситуация», «субъект», «коммуникация», «чудесное событие», «средство свершения» и «свидетель» чуда – служат идентификации жанровых структурно-семантических и лингвостилистических особенностей и одновременно являются жанрообразующим признаком рассказа о чуде в совокупности с текстовыми, тематическими, композиционными, структурно-содержательными и лингвостилистическими показателями.

3. Рассказ о прижизненном чуде функционирует в составе жития в качестве субжанра, проявляя текстовую, содержательную и прагматическую несамостоятельность; его жанровые интенции в составе агиографии заданы общей прагматической направленностью житийной литературы. Целевая установка жанра рассказа о прижизненном чуде – формирование у адресата положительного образа святого с целью укрепления его авторитета, воспитание добродетели и предписание праведного образа жизни. На текстовом уровне целевая установка реализована оформлением параметра «коммуникация», в котором агиограф моделировал ситуации общения мирян, иноков и высших сил со святым и представлял коммуникативные интенции участников этого общения, а также развертыванием характеристики святого и «объектов» чуда в направлении соотнесения характеристики с видом чуда: положительный образ героя рассказа поощряется спасительным чудом, а отрицательный карается чудом наказующим.

4. Стилистика рассказов о прижизненных чудесах характеризуется идентифицирующими жанр языковыми показателями: формами репрезентации коммуникативно-прагматических параметров (параметр «чудесное событие» является наиболее разнообразным); грамматическими и лексическими показателями времени (передает последовательность событий и подчеркивает их причинно-следственные связи); субъектными и хвалебно-благодарственными формулами, формулами, обрамляющими начало и конец рассказа; сравнением и антитезой как двумя доминантными изобразительными приемами, раскрывающими природу чуда.

5. В житиях преподобных святых, написанных в XVI веке, рассказы о прижизненных чудесах создаются с опорой на ранее выработанную традицию повествования о них: жанр строится по той же коммуникативно-прагматической модели с использованием аналогичных стилистических средств. Отступления от традиции описания прижизненных чудес, установившейся в более ранней агиографии, проявляются на уровне взаимосвязей между видо-тематическими вариантами, структурно-содержательными особенностями и реализациями коммуникативно-прагматических параметров. Стремление к большей содержательно-тематической индивидуализации чудес проявляется в сужении тематического круга прижизненных чудес, выборе для повествования таких их видов, которые позволяют наиболее ярко раскрыть характер подвижничества преподобных святых рассматриваемого исторического периода.

6. В составе житий Христа ради юродивых XV–XVI вв. жанровые признаки прижизненных чудес неизменны, что свидетельствует о стабильности исследуемой жанровой формы в этот период. В житиях юродивых используется лишь часть тем, выделенных на материале преподобнических чудес. Определяющим для данного типа агиографии выступает появление нового вида чуда – пророчества – в качестве дополнительного (вспомогательного) по отношению к другим видам. В более поздних житиях юродивых отступление от модели жанра «рассказ о прижизненном чуде», представленной в преподобнической агиографии, заключается в утрате языковых показателей, эксплицирующих природу чуда, и в перераспределении структуры рассказов.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в рамках XLIII региональной студенческой научно-практической конференции «Молодежь третьего тысячелетия» (01-26.04.2019, Омск), XLIV региональной студенческой научно-практической конференции «Молодежь третьего тысячелетия» (01-26.04.2020, Омск), XII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (20-21.05.2022, Томск), XLVII региональной студенческой научно-практической конференции «Молодежь третьего тысячелетия» (01.04-15.05.2023, Омск),

Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Новейшая филология: междисциплинарная парадигма исследований», посвященная памяти проф. Г. Г. Галич (21-23.03.2024, Омск), Международной научно-практической конференции «Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации» (20.07.2024, Саратов).

По теме диссертации издано 8 научных статей, в число которых входят 5 статей в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий.

Структура работы. Диссертационное исследование включает в себя введение, три главы, заключение, список сокращений, список источников фактического материала, список использованной литературы и приложение, содержащее результаты исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗА О ПРИЖИЗНЕННОМ ЧУДЕ

1.1. Рассказ о чуде как составная часть жития

1.1.1. Изучение феномена чуда в разных научных парадигмах

Интерес к чуду как объекту исследования, описание сущности и законов чуда заложены в трудах выдающегося философа А. Ф. Лосева, в концепции которого данный феномен интерпретируется как одна из составляющих диалектической формулы мифа, наряду с личностью, историей и словом [Лосев 2001].

Для настоящего исследования эвристически значимой представляется энциклопедическая статья С. С. Аверинцева, раскрывающая чудо сразу с трех сторон: теологической, философской и филологической. Ученый дает определение рассматриваемому явлению в теистической парадигме: чудо – это «снятие волей всемогущего Бога-Творца положенных этой же волей законов природы, зримо выявляющее для человека стоящую за миром вещей власть Творца над творением», это «событие, нарушающее привычный ход вещей», это «вмешательство бесконечного и безусловного в конечное и случайное, схождение вечного в исторически единократное» [Аверинцев 2010: 367]. Для теистической концепции чуда важно наличие представления «о "чине естества", о природном законе», который может быть нарушен, а чудотворство рассматривается как «свободный "дар" Бога» [Там же: 367].

В парадигме лингвоантропологической чудо рассматривается в работах В. В. Колесова и В. И. Карасика. В. В. Колесов выявляет особенности представления древнего русича о чуде в сопоставлении с представлением о диве. Ученый доказывает, что «слова с корнями *чюд-* и *див-* не были лексическими вариантами» и разводит их значения: чудо – это что-то «ужасное» или «ужасающее», сфера его воздействия находится в чувственном мире, а диво – это

нечто «невероятное», «умопомрачительное», относящееся к сфере интеллектуальной и духовной деятельности. В. В. Колесов также отмечает, что «в старославянских текстах слово *чудо* еще, безусловно, связано с обозначением только сверхъестественных явлений и лиц» [Колесов 2001: 104]. В. И. Карасик в статье «Концептуализация чуда» на основе русскоязычных и англоязычных определений понятия «чудо» выделяет три когнитивные составляющие чудесной ситуации: 1) «сила, вызывающая или каузирующая то, что в обычной ситуации не может произойти», 2) «объект приложения этой силы – предмет, существо или человек» и 3) «наблюдатель, фиксирующий и оценивающий появление чуда» [Карасик 2017: 26]. Исходя из этого, считает автор, концептуализация чуда осуществляется в трех направлениях, базирующихся на противопоставлении: 1) человека и Бога (земного и небесного – пространство); 2) наблюдаемого и необъяснимого (чувственного и интеллектуального – восприятие и вера); 3) ожидаемого и неожиданного (привычного и внезапного – время).

Чудо также является объектом исследования и в других отраслях гуманитарной науки. Так, кандидат культурологии К. Г. Фрумкин сопоставляет различные взгляды русских и европейских ученых XX века на природу чуда [Фрумкин 2005]. К проблеме историчности чуда в контексте христианского мировосприятия и вероучения обращается историк Н. И. Петров [Петров 2017]. С. П. Щавелев указывает на назревшую необходимость перевода концепта чуда из религиозно-богословской сферы в область философии. Для нашей работы важно выделение ученым четырех разновидностей религиозного чуда: чуда-богоявления, чудесного спасения, чудесного исцеления, чудесного превращения («разумеется, грешника в праведника» [Щавелев 2015: 85]). И. В. Рынковой рассматривает проблему истинности чуда и описывает его как онтологический феномен [Рынковой 2010]. Отталкиваясь от позиции И. В. Рынковой, А. Н. Рыженков трактует чудо в древнерусском представлении как неделимое единство чудесного события и явленного им содержания, «при этом сосредоточенность на первом моменте, то есть на событии чуда, как правило, связывается с чувством ужаса, а сосредоточенность на втором, то есть на содержании чудесных видений, в

наиболее показательных случаях приводит к преобладанию радостных, светлых, торжественных тонов в восприятии и изображении таких эпизодов» [Рыженков 2022: 49]. Исследователем выделяются три типа целей записи рассказов о чудесах: 1) воздать славу Богу и Его угодникам; 2) сподвигнуть читателя к подражанию подвигу святого; 3) практическая необходимость фиксации чудес для канонизации святого.

Доктор философских наук С. Н. Астапов рассматривает чудо как коммуникативный акт, в котором, как и во всей религиозной коммуникации, адресантом выступает сверхъестественное (в теистических религиях – исключительно Бог), адресатом – религиозный индивид или группа. Чудо совершается с целью трансформировать их поведение. «Чуда не бывает без верующего, оно совершается для верующего. Его задача – быть указанием, символом чего-то предельно важного в религиозной жизни» [Астапов 2019: 153].

Обратимся к дефинициям слова *чудо* в толковых словарях: ЧУДО 1) «всякое явление, кое мы не умеем объяснить, по известным нам законам природы» [Даль 1909: 1370-1371]; 2) «явление, противоречащее законам природы и не объяснимое ими, но возможное – по суеверным представлениям – вследствие вмешательства потусторонней силы; нечто небывалое, сверхъестественное, фантастическое» [Ефремова URL: <https://www.efremova.info/word/chudo.html>]; 3) «в религиозных и мифологических представлениях – явление, противоречащее законам природы и не объяснимое ими, но возможное вследствие вмешательства потусторонней силы» [Ушаков URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>]; 4) «в религиозных представлениях: явление, вызванное вмешательством божественной силы, а также вообще нечто небывалое» [Ожегов, Шведова 2002: 889].

Словарные статьи свидетельствуют о том, что в языке зафиксированы такие свойства и семантические признаки чуда, как необъяснимость, противоречие законам природы, сверхъестественность, божественная сила. При этом в приведенных дефинициях не учтены признак внезапности свершения чуда, его целевое назначение, материальное воплощение и эмоциональное воздействие.

В рамках христианского богословия чудеса понимаются как «поразительные действия или события, имеющие истинную причину вне естественных сил и законов природы, в сверхъестественном действии Божиим, совершаемые Богом для достижения тех или иных целей» [Давыденков 2005: 173].

1.1.2. Жанрово-стилистические особенности агиографии

Агиография (от греч. ἅγιος 'святой' и γράφω 'пишу') – научная дисциплина, изучающая жития святых, богословские и историко-церковные аспекты святости (т. н. «критическая» агиография, которая в научной литературе осмысливается как часть учения о святости – агиологии), а также в целом корпус житийных текстов (т. н. «практическая» агиография) [Живов 1994]. В настоящем диссертационном исследовании термин «агиография» применяется в русле «практическом», обозначая произведения словесности, созданные в жанре жития.

В современной медиевистике общепризнанным является положение о том, что агиография составляет значительную часть христианской литературы. Жанр изначально был распространен как в церковной среде в качестве неотъемлемого элемента христианской службы, так и среди мирян, для которых жития являлись душеполезным чтением. Как справедливо отмечает В. П. Адрианова-Перетц, к житийной литературе «обращались вовсе не только по связи ее с культом: она помогала разрешать вопросы личной и общественной морали, приучала разбираться в психологии своей и окружающих, вдумываться в побуждения, "помыслы", стоящие за поведением человека, воспитывала художественный вкус» [Адрианова-Перетц 1964: 42]. В этой связи жития представляются достойным и значимым объектом для исследований в различных направлениях – от рассмотрения содержательных, стилистических и идеологических особенностей житийных текстов до выявления их коммуникативно-прагматического потенциала.

К изучению житийной словесности обращались многие представители отечественной медиевистики: В. П. Адрианова-Перетц, В. М. Живов, А. П. Кадлубовский, Б. М. Клосс, В. О. Ключевский, Д. С. Лихачев, И. С. Некрасов, В. Н. Топоров, Г. П. Федотов, И. Яхонтов и др. В их трудах

агиография рассматривалась как в качестве исторического источника [Клосс 1998; Ключевский 1988; Серебрянский 1915; Яхонтов 1881 и др.], так и памятника русской словесности. В филологических изысканиях житийные тексты стали объектом специального исследования литературоведов [Адрианова-Перетц 1964; Дмитриев 1973; Еремин 1966; Каган-Тарковская 1996; Кадлубовский 1902; Лихачев 1987 и мн. др.] и лингвистов [Грекова 2014; Завальников 2003; Колесов 1999; Рогожникова 2017; Топоров 1995 и мн. др.]. Кроме того, ряд работ посвящен общегуманитарному значению наиболее известных агиографических произведений в истории русской культуры [Еремин 1966; Лихачев 1958, 1962; и др.].

Житие – один из основных жанров средневековой религиозной литературы, представляющий собой жизнеописание святого. Святым в этом контексте является человек, который по благословию свыше становится посредником между сакральным и профанным мирами, между Богом и людьми и выступает защитником последних перед первым [Живов 1994]. В житии повествуется не столько о фактах биографии святого, сколько о его земном пути к Богу, о подготовке его души к переходу в мир вечный, о подвиге ради веры и во имя спасения души. Как и вся религиозная культура и письменность, жанр жития был унаследован Киевской Русью в X–XI вв. от литературы Византии и представлен сначала переводными текстами (житие Антония Великого, житие Алексея, человека божьего, и др.), а затем и оригинальными произведениями русских иноков, древнейшими из которых являются житие князей-братьев Бориса и Глеба и житие преподобного Феодосия Печерского, написанные иноком Киево-Печерского монастыря Нестором. Святой представал для древнего русича примером религиозного послушания.

Традиционно выделяется несколько жанровых подвидов житий, древнейшими среди них являются жития-мученичества, повествующие о подвиге мученичества святого ради веры и о его смерти. Этот вид житий является хронологически исходным, возникшим во время гонений на христиан в I–IV вв. К древнейшим относят также жития-биос – пространные жития, подробно

рассказывающие о жизненном пути святого от рождения до момента смерти, получившие распространение с IV в., когда прекратились гонения и сократилось число мучеников [Афиногенов URL: <https://www.pravenc.ru/text/182317.html>]. Оба этих вида были успешно освоены отечественными агиографами. Однако в русской средневековой литературе распространение также получили другие, заимствованные из южнославянской традиции виды житий: княжеские жития – повествования о деяниях русских князей во имя веры и правды, жития преподобных святых (монахов), жития святителей (церковных иерархов) и жития юродивых [Николюкин 2001; Федотов 1989].

В научной литературе, посвященной агиографии, можно выделить ряд вопросов с неоднозначной трактовкой со стороны исследователей. Одной из таких проблем является понимание канона жития, степени строгого следования канону, пределы отступления от него. Признано, что произведения житийного жанра создавались образованными и начитанными иноками, владевшими риторическими приемами и литературным искусством, кроме того, зачастую знакомыми с заглавными героями житий или знавшими о событиях жизни почивших от очевидцев. Жития составлялись, как правило, по прошествии некоторого времени после смерти святого, имели своей целью прославление его деяний и были необходимы для канонизации, т. е. причисления его к лику святых. Последнее требовало от автора жития знания канона, по которому строились произведения этого жанра.

Византийский житийный канон, как и сам жанр, был, по выражению Д. С. Лихачева, «трансплантирован» в славянскую культуру. «Целые культурные пласты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности: изменялись, приспособлялись, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы» [Лихачев 1973: 22]. Русские жития создавались в соответствии с унаследованным каноном, при этом в них отражались реалии средневекового русского быта и особенности национального менталитета.

Канон определял композицию жития, набор мотивов и топосов, способы изображения святого подвижника, а также стиль повествования. Композиция жития имела три обязательных части: вступление, содержащее объяснение автором причин, которые сподвигли его обратиться к написанию жития, а также признание в недостойности и неспособности в полной мере передать величественность жизни и деяний святого; основная часть, последовательно представлявшая события земной жизни святого и этапы его становления на пути от жизни земной к жизни вечной; заключение (как правило, похвальное слово святому). К обязательным сюжетным мотивам относятся, в частности, рождение в семье благочестивых родителей, отчужденность от земных увлечений и соблазнов, ранняя приверженность Богу, уход от мира, затворничество, аскеза и преодоление искушений, радостное принятие смерти и др.

Стремление строго придерживаться агиографического канона определялось церковно-служебным назначением житий. Задача жанра виделась в том, чтобы служить религиозно-назидательным чтением для всех христиан. С точки зрения известного специалиста в области древнерусской литературы Л. А. Дмитриева, «житие святого само составляло принадлежность богослужения в день его памяти, будучи обязательно прочитываемо в церкви на 6-й песни канона после кондака и икоса, и потому само настраивалось обыкновенно на возвышенный хвалебный тон церковных песней и чтений, который требовал от него не столько живых конкретных черт в обрисовке личности и деятельности святого, сколько черт именно типических, отвлеченных, чтобы сделать эту прославляемую личность чистым олицетворением того же отвлеченного идеала» [Дмитриев 1973: 4].

В этой связи важным представляется мнение литературоведа-медиевиста Л. В. Левшун о сущности канонического искусства: «Канон – это "язык" творчества и задаваемый законом этого языка алгоритм творчества, а не формально-изобразительное клише; это – особый вид традиционализма, или способ преемственности, когда воспроизводится не известная заданная ("каноническая") форма (стиль, жанр, иконографическая композиция, цвет, ритм и т. п.), но творческий принцип, актуализирующий прежде всего известную

функцию (цель) произведения, а через нее уже – сообразную функции (а вовсе не канону, и при этом не единственно возможную!) художественную форму» [Левшун 2006: 105-106]. Это означает, что агиографы, создававшие тексты житий по канону, подчиняясь этому традиционному творческому алгоритму, имели возможность собственного выбора, приводившего к изменению и обогащению агиографического стиля.

К традиционно важным вопросам в изысканиях по языку агиографической письменности следует отнести трактовку житийного стиля. В центре повествования находится святой, являющийся воплощением идеала истинного христианина. И. П. Еремин в труде «Лекции по древнерусской литературе» указывает, что в соответствии с русским агиографическим стилем, который сложился к XII в., святой в житиях предстает как «человек идеально положительный, воплощение всех возможных и невозможных в природе <...> христианских добродетелей», он лишен индивидуальных черт, освобожден «от всего "временного", всего частного и случайного», его образ статичен, поскольку святой избран Богом от рождения и в течение жизни не претерпевает изменений [Еремин 1987: 14-15]. При этом В. П. Адрианова-Перетц, говоря о признаках агиографического стиля («умилительная чувствительность», «цветистая», «патетическая фразеология» восхваления, ораторская торжественность, панегиризм с «празднично-торжественными» эпитетами, лиризм гимнографии), выделенных И. П. Ереминым, подчеркивает, что основой для их выделения послужили те образцы житийной литературы, которые можно назвать «украшенными» [Адрианова-Перетц 1964: 44-45]. Исследователь, лишь частично соглашаясь с И. П. Ереминым, отмечает, что этот «агиографический идеал» также был унаследован из восточнохристианской традиции и уже в первых оригинальных древнерусских житиях «корректировался» в соответствии с локальными культурными особенностями [Там же]. В качестве дополнения к этой позиции можно привести слова Л. А. Дмитриева: «В основе житий лежала судьба реальных людей, и, как ни стремился агиограф к отвлеченности, обобщенности, схематизации в своем рассказе, в него проникали и какие-то живые, реально

связанные с именем этого человека эпизоды» [Дмитриев 1972: 183]. Так, уже в древнерусских житиях проявлялись индивидуальные черты святых, находили место особенности национального быта и характера, а сама древнерусская христианская культура развивалась в своем неповторимом направлении.

Говоря о значимых признаках агиографического стиля, В. В. Виноградов однозначно определяет статус языка агиографии, связывая языковые средства изображения героя с религиозной картиной мира: «Этот стиль целиком базируется на системе церковнославянского языка и вместе с тем связан со строго определенными книжно-славянскими формулами изображения действий и переживаний человека, с церковно-книжными приемами изображения внутренней сущности представителя той или иной религиозно-моральной категории лица, его внешнего облика и всего уклада его поведения» [Виноградов 1959: 117].

С течением времени характер изображения святого претерпевал изменения. На рубеже XIV–XV вв. на смену стилю монументального историзма приходит эмоционально-экспрессивный стиль. О стиле агиографов, создававших образ святого в новой манере, Д. С. Лихачев пишет так: «Если в XII–XIII веке изображения людей статичны и монументальны, взяты как бы в их "вечном" смысле, то в житийной литературе конца XIV – начала XV века все движется, все меняется, объято эмоциями, до предела обострено, полно экспрессии» [Лихачев 1970: 74]. При этом И. В. Грекова, рассматривая эволюцию жития в функционально-стилистическом аспекте, справедливо замечает, что, несмотря на то что Д. С. Лихачев подчеркивает свойственное этому периоду развития литературы вытеснение идеализации как одного из средневековых способов художественного обобщения, из житийных текстов «идеализация героя не могла исчезнуть полностью, так как церковь предъявляла к этому жанру литературы достаточно жесткие требования в связи с его использованием в литургической практике» [Грекова 2014: 57].

В XV – первой половине XVI вв. в житийной литературе внимание смещается с предмета повествования на способ его изображения. «Изменяется отношение не только к герою жития, но и к личности агиографа, которая

выступает теперь более или менее явно. Нередко в житии дается краткая биография автора» [Там же: 58]. В это время над составлением житий русских святых работает Пахомий Логофет. Пахомий был настолько искусен и точен в изображении аскетического идеала, что последующие агиографы, подражая ему, использовали выстроенные им формулы в качестве материала для создания житий тех святых, о которых имелось мало фактической информации. В целом его творчество «способствовало созданию канонического типа жития» [Каган-Тарковская 1996: 122]. Пахомий Логофет известен также как редактор жития Сергия Радонежского, первый вариант которого создал блестящий русский агиограф Епифаний Премудрый. Над исследованием и изданием различных редакций и списков этого жития работал историк Б. М. Клосс [Клосс 1998]. К вопросу о лингвистических и содержательных различиях в творениях Епифания и Пахомия обратилась Т. Б. Карбасова, сделавшая вывод, что созданный Пахомием текст стоит рассматривать не в качестве редакции жития, созданного Епифанием, а как самостоятельное произведение: «Текст Епифания – усложненный, обладает развернутой авторской системой уподоблений, насыщен библейскими, в том числе и ветхозаветными, цитатами. Повествование же Пахомия линейно, созданное им Житие – это череда свершившихся чудес (прижизненных, а начиная с Третьей редакции, и посмертных). <...> При сравнении Епифаниева Жития с пахомиевской переработкой делается очевидной "литургичность" епифаниевского текста (особое внимание, уделяемое в нем описанию чинопоследований, таинств и святых). Ключевой же характеристикой пахомиевского текста можно считать "формульность" (которая с успехом была воспринята последующей агиографической традицией)» [Карбасова 2017: 299-300].

В связи с эпохой конца XIV – XVI вв. в отечественной филологии традиционно рассматривается «второе южнославянское влияние», сделавшее возможным проникновение в русскую традицию византийского «плетения словес» и исихазма. Однако в последнее десятилетие ставится под вопрос как правомерность употребления самого термина, предложенного некогда И. А. Соболевским, так и границы и природа тех процессов, которые им

обозначаются [Лихачева 2022]. В обзоре, осуществленном Е. С. Лихачевой, приводятся взгляды и мнения разных ученых, которые поддерживают или отрицают «второе южнославянское влияние», в том числе авторов новейших исследований. Так, сторонники существования этого явления (Д. М. Буланин, В. В. Виноградов, М. Г. Гальченко, Д. С. Лихачев, Б.-О. Унбегаун, Б. А. Успенский, Е. В. Чешко, А. А. Шахматов) утверждают, что в период конца XIV – XVI вв. происходило «обновление» древнерусского литературного языка, «искусственное нормирование языка церковных книг» с опорой на южнославянскую письменность, имевшее целью избавление его от местных и разговорных элементов для возвышения до статуса сакрального языка, стремление к «византизации» книжности. Эти процессы включали в себя изменения в области графики, орфографии, словообразования и стилистики. Противники термина (Д. Ворт, Л. П. Жуковская, Б. А. Ларин, Л. Г. Панин, Р. Пиккио), как отмечает Е. С. Лихачева, «не отрицая факт возникновения балканских и греческих графико-орфографических особенностей в русском письме», связывают «его с тенденцией к архаизации письма, считая термин "влияние" неуместным и не соответствующим языковой ситуации XV–XVI вв. Эту архаизацию могли обусловить не только языковые причины, но и историко-культурная ситуация, сложившаяся в то время на Руси» [Лихачева 2022: 202].

Несмотря на неоднозначность мнений, фактом следует признать то, что в данный период происходили изменения в системе русского литературного языка, характеризующиеся нормализацией и «устрожением» письменной речи, которые вылились в масштабные проекты по пересмотру и обобщению житийной литературы деятелями русской церкви. Первым из них было составление Великих Миней Четых, инициированное московским митрополитом Макарием и осуществленное под его руководством: все известные к тому времени и признанные Церковью жития были объединены в общий свод. Вслед за этим свои варианты Четых Миней составили также Иван Малютин, Герман Тулупов и Димитрий Ростовский (XVII–XVIII вв.). Последний также предпринял критическую редактуру житий, которая заключалась в сверке списков с

греческими и латинскими первоисточниками и в подготовке ряда новых переводов [Грекова 2014: 58].

Проблемы агиографического канона и стиля рассматриваются в филологических работах в комплексе применительно к изучению трансформации жанра жития начиная с XVII века. Исследователи пришли к выводу, что, с одной стороны, русская агиография пополнялась образцовыми каноническими текстами; с другой – в ней намечались неканонические тенденции: все большее проникновение в жития индивидуальных черт святого, биографических подробностей, отступление от шаблонных схем. Примерами отступления от канона, по замечанию М. Д. Каган-Тарковской, служат насыщенное фольклорными чертами житие Михаила Клопского и рассказ о смерти Пафнутия Боровского, основанный на записке свидетеля последних его дней Иннокентия [Каган-Тарковская 1996: 123]. В работе «Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке» исследователь выделяет и рассматривает черты, свойственные агиографии этого периода, среди которых – отступление от традиционной композиции: могли отсутствовать части, обязательные для раскрытия образа святого (описание детства, чудес, смерти и пр.), или, наоборот, в повествование внедрялись исторические события и персонажи, соседство бытовых и фантастических ситуаций, нарушение разграничения житийных произведений по типу святости, отказ от риторики и торжественного стиля в угоду живости языка, в тексте указывались письменные источники, а к житиям могли прилагаться документы, например, духовные грамоты. Постепенная секуляризация русской культуры приводит к кризису канонической агиографии. Жанровая парадигма русской литературы претерпевает изменения: ведущие жанры Древней Руси уступают главенствующие позиции новым – переводным романам, бытовым повестям и книжной поэзии [Грекова 2014].

В XVIII–XIX вв. светская литература вытесняет агиографию на периферию культуры, святые русской церкви почти не канонизируются. Лишь в начале XX века происходит оживление жанра в традиционном виде, но уже на современной основе. К этому времени относится новая волна канонизации (в числе первых

канонизирован иеромонах Саровского монастыря Серафима). В дальнейшем, когда решение вопросов религиозного характера вновь стало возможным, на Поместном Соборе Русской православной церкви 1988 года и Архиерейском Соборе Русской православной церкви 2000 года была инициирована массовая канонизация многих святых (в том числе и прошлых веков), среди которых была, например, и юродивая петровских времен Ксения Петербургская. Это привело к подъему в агиографической сфере, в связи с чем наметилась проблема выработки актуального подхода к составлению житийных текстов. В результате обсуждений членами Московской епархиальной комиссии был выбран проложный вид (краткий, лаконичный) как наиболее соответствующий сложившимся историческим и социальным обстоятельствам [Грекова 2014: 63].

В диссертационном исследовании И. В. Грековой, посвященном эволюции житийного жанра вплоть до XXI в., сделан вывод о том, что в связи с секуляризацией русской культуры с XVII в. в жанре жития отмечается нарастание документализма, происходит все большее внедрение в повествование исторических реалий. Указанные изменения приводят сначала к трансформации жанра в светскую повесть, а вслед за второй секуляризацией, связанной с советским периодом в российской истории, житие возрождается в жанре жизнеописания. В жизнеописании, при сохранении сущностной природы агиографического жанра, которая заключается в отражении жизни святого и воплощении концепта святости, изменяются коммуникативные цели жанра – «дидактическая направленность жанра теряет свои ведущие позиции» [Там же: 176-177]. Кроме того, изменяются его формальные, содержательные и стилистические признаки: 1) в композиции отсутствуют или сокращаются свойственные древнерусским житиям вступительная и заключительная части; при этом, как правило, жизнеописания начинаются с обозначения даты и места рождения святого, а завершаются молитвами святому и приложением документальных материалов; 2) повествование строится на биографических и исторических фактах, а в чудесах ослабевает их мистическое начало и усиливается фактическая составляющая – они даны в тексте кратко и лаконично;

3) преобразуется образ автора – из житийного рассказчика, которому свойствен субъективизм и психологизм, он становится исследователем-документалистом; 4) в отношении языка и стиля в жизнеописаниях отмечается (при сохранении и доминировании церковно-религиозных лексических средств) нарастание употребления нейтральной, разговорной и региональной лексики.

Говоря о специфике и стилистике русских житий, существенными считаем слова В. В. Колесова о важности анфиладных жанров в истории русского литературного языка: «они создавали естественные условия для сближения разнообразных по происхождению языковых средств и вырабатывали те самые нейтральные формы, без которых невозможно создание литературной нормы» [Колесов 1989: 12-13].

Само понятие анфиладности в свое время ввел Д. С. Лихачев, определяя принцип построения ансамблевых жанров. Ученый говорит об особом свойстве всего средневекового искусства, которое заключается в стремлении «к созданию больших ансамблей» [Лихачев, 1966: 119]. В литературе это свойство проявлялось в группировке однородных или разнородных по жанру и стилю произведений в более крупные «соборные» жанры – хронографы, летописи, четьи минеи, прологи, патерики. Анфиладный принцип построения ансамблевых произведений заключался в переходе «от произведения к произведению, даже от одной части произведения к другой, написанной в другом жанре и стиле», как по анфиладе комнат в архитектурном строении [Там же: 119]. В этом же ряду следует рассматривать и житие. Будучи крупным, обобщающим повествовательным жанром, оно включало в себя разнообразные жанровые формы: похвальное слово, молитву, проповедь, рассказ о чуде и др. [Рогожникова, Хоменко 2020]. При этом части такого ансамблевого произведения могли быть написаны разными авторами в разное время, как, например, посмертные чудеса в житиях. Но все эти жанровые формы были направлены на то, чтобы раскрывать характер святого, служить воплощению образца христианского подвижника, отражать эпизоды его жизни и описывать события после его преставления.

1.1.3. Изучение житийных чудес в отечественной медиевистике

В работах по древнерусской литературе отмечается, что характерным для нее являлось выделение жанров не только на основании литературных признаков, но также по тематическому основанию, т. е. в зависимости от предмета или явления, о котором шла речь в произведении. «В самом деле, жанровые определения Древней Руси очень часто соединялись с определениями предмета повествования: "видение", "житие", "подвизи", "страсть", "мучение", "хождение", "чюдо", "деяния" и пр.» [Лихачев 1987: 321]. Будучи повествованием особого типа, чудо могло выступать как самостоятельный текст, а также функционировать в составе других произведений, в том числе житий [Прокофьев 1975: 19].

Чудо по праву обсуждается в трудах исследователей начиная с XIX века как агиографический феномен: его важная доказательная, ментальная роль как в тексте жития, так и в религиозной картине мира бесспорна. В свое время Е. Е. Голубинский в своем труде «История канонизации святых в Русской Церкви» отмечал, что чудотворение при жизни или после смерти являлось важнейшим «основанием для причисления усопших подвижников благочестия к лику святых, а дар чудотворения в русской православной традиции был единственным общим для всех типов святых основанием для канонизации» [Голубинский 1903: 40-41]. Историк церкви раскрывает содержание способности к чудотворению: дар святых творить чудеса – это «сверхъестественное свидетельство о них (святых) самого Бога, который тех или других между ними удостоивал дара чудотворения или еще при жизни, или же по смерти» [Там же: 16]. Канонические жития, таким образом, не мыслились без чудес, прижизненных или посмертных.

В последние годы тема чудес в древнерусской письменности вызывает у отечественных ученых все больший интерес. Так, в диссертационном исследовании А. Н. Рыженкова [Рыженков 2022] чудеса рассматриваются в составе агиографии XVII в. в историческом, литературном и богословском аспектах. Из новейших укажем работу А. Л. Новоселова, посвященную месту и роли чудес в летописях XII–XVI вв. и представлениям средневековых летописцев о чудесном [Новоселов 2023]. Эти работы выполнены в богословской и

исторической научных парадигмах соответственно, при этом демонстрируют актуальность данной тематики в современной науке.

Среди филологических изысканий, посвященных чудесам в составе житийных повествований, наиболее близкими и методологически значимыми к настоящему исследованию следует признать кандидатские диссертации В. В. Смирновой, И. В. Стародумова и А. А. Медведева, несмотря на литературоведческую направленность рассмотренных работ.

Так, В. В. Смирнова в диссертационном исследовании «Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров» на материале преимущественно западноевропейских литературных памятников рассматривает взаимоотношения жанра чуда с жанрами жития, видения и примера (лат. *exemplum*, жанр средневековой латинской литературы дидактической направленности, подробнее см.: [Гуревич 2003: 594-597]). Рассказ о чуде охарактеризован как микрожанр, который входит в состав других жанров и не функционирует самостоятельно. Отмечается также, что внутри жития, видения и примера чудо предстает и ведет себя по-разному, и утверждается, что в рамках жизнеописания святого роль чуда сводится к формированию стилистики жития [Смирнова 2006].

И. В. Стародумов обращается к житиям русских святых и рассматривает жанровую специфику рассказов о посмертных чудесах в их составе на материале житий Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких и Александра Свирского. Кроме того, с целью проследить эволюцию рассматриваемого жанра к изучению привлекаются тексты, повествующие о прижизненных и посмертных чудесах Иисуса Христа, апостолов, Николая Мирликийского, а также тексты о прижизненных чудесах Феодосия Печерского. Работа И. В. Стародумова защищена по специальности «Русская литература», однако является наиболее значимой по объекту, предмету и источникам для нашего исследования, поэтому остановимся подробнее на результатах, полученных ее автором.

Ученый выделяет рассказ о чуде (называя его также повествованием о чуде) как самостоятельный жанр на основе комбинации жанрообразующих мотивов. Эти мотивы исследователь подразделяет на два типа: основной – «представляет собой реализацию мотива чудесной помощи святого людям» и отражает самую сущность жанра, и второстепенный – «определяет отнесение конкретного рассказа к соответствующей жанрово-тематической разновидности» [Стародумов 2009: 10]. Автор дифференцирует 14 жанрово-тематических разновидностей: 1) чудеса-исцеления; 2) чудеса о спасении утопающих; 3) чудеса-избавления из темницы, от вражеского плена и иноплеменников; 4) чудеса о пополнении запасов пищи; 5) чудеса об обретении потерянного сокровища; 6) чудеса о наказании за проступок; 7) чудеса о помощи в беде; 8) чудеса об изведении источника; 9) чудеса о помощи в труде; 10) чудеса-пророчества; 11) чудеса о спасении от эпидемии; 12) чудеса о помощи заблудившимся людям; 13) чудеса о помощи детям; 14) чудеса-видения [Там же: 11].

В рассматриваемой работе предлагается также единая для всех типов посмертных чудес жанрово-композиционная схема. Она включает в себя шесть компонентов: 1) «протокольная запись» о том, когда, где и с кем произошло чудо», 2) «причины нарушения порядка, гармонии ситуации (мотив беды)», 3) «обращение за помощью к святому», 4) «вмешательство божественных сил», 5) «восстановление нарушенного порядка, возвращение к гармонии ситуации», 6) «благодарность за помощь» [Там же: 10-11]. Ученый указывает, что жанрообразующими являются все компоненты, кроме первого и последнего.

К источникам жанра И. В. Стародумов справедливо относит Евангелие, Деяния святых апостолов и житие Николая Мирликийского. В вопросе эволюции жанра исследователь приходит к выводу, что посмертное чудо является хронологически вторичным по отношению к прижизненному. Этим объясняется основное, по мнению ученого, различие прижизненных и посмертных чудес: последние обладают большей конкретикой и более развитым и сложным сюжетом [Там же].

Более пристального внимания заслуживает также еще одна литературоведческая работа – кандидатская диссертация А. А. Медведева «Поэтика святительских житий (на материале житий святых Петра, Алексия и Ионы Московских)». При рассмотрении композиционных особенностей означенных житий автор обращается к описанию чудес в их составе: дает краткий пересказ прижизненных и посмертных чудес и, с опорой на предложенную И. В. Стародумовым классификацию, определяет тематическую разновидность посмертных чудес. А. А. Медведев приходит к выводу, что чудеса в составе святительских житий «по значению и структуре близки аналогичным эпизодам житий других типов – преподобнических, равноапостольских и отшельнических» [Медведев 2017: 98].

А. А. Медведев вслед за другими учеными выделяет три группы чудес святых: чудеса, происходящие до рождения святого, во время его жизни и после его смерти [Медведев 2014: 152].

Относительно классификации житийных чудес более объективной представляется точка зрения И. В. Стародумова, согласно которой чудеса святых подразделяются на прижизненные и посмертные. Прижизненные чудеса – это чудеса, которые совершаются при жизни святого или через короткое время по его преставлении (до обретения мощей). Посмертные же чудеса совершаются по прошествии определенного времени (иногда длительного) после смерти святого. Если говорить о месте обоих типов чудес в композиции житий, то первые размещаются в основной части повествования, вторым же отводится место после него – описание смерти святого становится точкой разграничения прижизненных и посмертных чудес. Прижизненные чудеса как элемент основной композиционной части житийного жанра, с одной стороны, рассказывали о событиях жизни святого и сложившейся вокруг него общности людей (чудесное освоение грамоты, возведение церкви, пополнение запасов в монастыре, изведение источника, общение с нуждавшимся в защите и исцелении и помощь им и пр.); с другой стороны, служили для укрепления веры в святого и в его богоизбранность, были подтверждением того, что герой повествования на своем

пути спасения души движется в правильном направлении и поддерживается высшими силами в его начинаниях.

Объектом рассмотрения в настоящей работе выступает агиографический рассказ о прижизненном чуде, которым является каждый фрагмент текста основной части жития, описывающий факт свершения какого-либо чуда. В ходе исследования используются синонимичные замены термина «рассказ о прижизненном чуде»: «повествование о прижизненном чуде», «прижизненное чудо», «чудесный рассказ», «чудо/чудеса» (в случаях, когда нет условий для различения прижизненных чудес с посмертными). Фрагменты текста о прижизненных чудесах являются композиционно завершенными, относительно легко вычлняются в житиях на основании темы, смены хронотопа и предмета повествования, обладают своеобразной, характерной только для них структурой, в ряде случаев выделены в тексте как главы и имеют заглавие.

1.2. Методологические основы исследования рассказа о прижизненном чуде в составе житийных текстов

1.2.1. Речевой жанр как основное понятие современного жанроведения: жанр и жанрообразующие признаки

Базовой единицей исследовательского инструментария при описании жанровых признаков прижизненного чуда, осуществляемых в русле жанроведческой парадигмы, является понятие речевого жанра. Теория речевых жанров – одна из актуальных областей современной лингвистики. Само учение о жанрах в рамках отечественного языкознания берет свое начало в трудах М. М. Бахтина, который впервые четко обозначил проблему их выделения и описания, а также сформулировал само понятие речевых жанров: это относительно устойчивые типы высказываний, для которых характерны взаимообуславливающие и задаваемые сферой общения и деятельности человека тематическое содержание, стиль и композиционное построение [Бахтин 1996]. В работе «Проблема речевых жанров» исследователь отмечает многообразие и

разнородность устных и письменных речевых жанров – от реплик бытовых диалогов (первичные, простые жанры) до многотомных литературных или научных творений (вторичные, сложные жанры), а также подчеркивает неразрывность связи высказывания и типических его форм – жанров – со стилем. Эта связь раскрывается в двух направлениях: в выделении функциональных стилей, присущих разным сферам деятельности и общения человека, и в индивидуальной стилистике говорящего. Так, относительно последнего автор отмечает, что среди всех жанров выделяются те, которые могут быть в большей степени индивидуализированы благодаря авторскому стилю («наиболее благоприятны» для этого жанры художественной литературы), и те, для которых стилистика ограничена набором клише, соответствующих ситуациям употребления этих жанров (деловые документы, команды и т. п.).

Здесь следует уточнить, что приведенное замечание М. М. Бахтина относительно зависимости «свободы» стилистического проявления автора в жанре и его клишированности оказывается не в полной мере применимым к рассмотрению жанра жития и входящих в него чудесных рассказов. Тексты этого жанра строились по выверенному традицией и временем канону, однако, несмотря на то это, некоторые памятники агиографической литературы благодаря авторскому стилю стали образцами для подражания, источниками заимствования стилистических формул и зачастую служили нормативными образцами при создании новых житий.

При этом М. М. Бахтин акцентирует внимание на диалогичности речи – следовательно, и на диалогической природе речевых жанров, отмечает важность и влияние на высказывание не только того, кто его творит, но и того, кому оно адресовано. Адресованность является конститутивным признаком жанра и тем самым отличает его от таких единиц языка, как слово и предложение, которые ни к кому не обращены: «Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата» [Бахтин 1996: 200]. Учет социального портрета адресата, степени его осведомленности и наличия у него специальных знаний, понимание его

убеждений и предпочтений, а также предвосхищение ответной реакции неизбежно сказываются на построении и стиле речевого высказывания в определенном жанре.

Формирование высказывания, иначе говоря, употребление жанра, как пишет М. М. Бахтин, начинается с зарождения речевого замысла, или речевой воли автора, в соответствии с чем определяется целое высказывание, его объем и границы. Речевой волей автора обусловлены выбор предмета речи и жанровой формы, в которой будет строиться высказывание, а также завершенность и предметно-смысловая исчерпанность высказывания. Замысел как субъективный момент высказывания образует единство с его объективно-предметной стороной и задает границы последней, связывая ее с конкретной ситуацией общения, ее участниками, их предшествующими высказываниями, т. е. оформляет конкретный фрагмент объективной действительности в соответствии с целями и намерениями говорящего в цельное и идентифицируемое адресатом речевое произведение определенного жанра. Оно в свою очередь позволяет говорящему быть понятым участниками данной ситуации общения, которые ориентируются в ней, опираясь на предшествующие высказывания. «Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе определенного речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т. п.», – пишет М. М. Бахтин [Бахтин 1996: 180]. Выбрав жанр, автор со всей индивидуальностью и субъективностью применяет и приспособливает свой речевой замысел к избранному жанру, складывая и развивая его в определенной жанровой форме.

Вместе с темой – предметным замыслом автора – основу жанра формируют композиция и стиль. Композиция определяет продолжительность, речевую длину высказывания, его структурные особенности и внутренние связи. Стиль, как уже было сказано выше, с одной стороны (функционально-стилистической), диктует выбор языковых средств, с другой (индивидуально-стилистической) – позволяет автору проявить оригинальность в языковом воплощении своего замысла.

Композиционно-стилистические особенности жанра определяются как предметно-смысловой составляющей высказывания, так и эмоционально-оценивающей.

М. М. Бахтин также определил пять признаков речевого жанра: 1) целенаправленность, 2) целостность и завершенность, 3) непосредственный контакт с действительностью и непосредственное же отношение к чужим высказываниям, 4) смысловая полноценность, 5) типичная воспроизводимая жанровая форма.

Диалогический характер коммуникации и существующих в ее рамках жанров позволяет определить два конститутивных признака высказывания: завершенность (ограниченность, конечность) и смена речевых субъектов. На этом основании М. Ю. Федосюк отмечает существование в толковании идей М. М. Бахтина такой проблемы, как смешение понятий высказывания как целостного монологического жанра и как реплики в составе диалогического жанра. Поэтому для определения понятия «речевой жанр» М. Ю. Федосюк справедливо предлагает использовать вместо термина «высказывание» термин «текст»: «уточняя М. М. Бахтина, удобнее считать, что речевые жанры – это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов» [Федосюк 1997: 104]. Автор предлагает различать элементарные жанры – те, в составе которых не обнаруживается других жанров, и комплексные – состоящие из компонентов, каждый из которых является самостоятельным жанром. Комплексные жанры могут быть как монологическими, имеющими лишь одного автора, так и диалогическими, представляющими набор реплик разных коммуникантов.

В дальнейшем предположения и выводы М. М. Бахтина развивались, уточнялись и дополнялись многими лингвистами, по-разному подходивших к жанрам: с точки зрения стилистики, социолингвистики, социопрагматики, психолингвистики, речеведения и др.

1.2.2. Современные тенденции в изучении речевых жанров

В последние десятилетия в области речевых жанров (далее также РЖ) исследования проводятся в разных направлениях и посвящены различным аспектам: речеведческом [Шмелева 1997, 2007]; стилистическом [Кожина 1999; Орлова 1999; Салимовский 2002; Стаценко 2023]; коммуникативном [Балашова, Дементьев 2022]; психолингвистическом [Горелов, Седов 1998; Седов 2002]; социопрагматическом [Дементьев, Седов 1998]; дискурсивном [Коваль 2017; Бондаренко 2018; Егошкина 2020]; культурологическом [Вежбицка 1996; Карасик 2002]. К изучению привлекаются отдельные речевые жанры: брачное объявление [Рогалева 2005], уличное объявление [Исламова 2009], кулинарный рецепт [Кантурова 2012], просьба [Дехган 2013], разговор по душам [Шерстяных 2017], личное письмо [Рабенко 2017], дневник [Лебедева 2018], флирт [Черкасс 2019], приговор [Богинская 2022]; особое внимание уделяется интернет-жанрам: травелогу [Аксенова 2018], аннотации [Лаевская 2020], кинокритике и жалобе [Чистова 2021].

В. В. Дементьев в статье «Изучение речевых жанров: Обзор работ в современной русистике» предлагает разделить все множество концепций определений понятия «жанр» на три группы [Дементьев 1997].

1. Концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (Аристотель, Буало). В них жанр понимается либо слишком узко (как типы литературных произведений и искусства), либо слишком широко (как типы речи по количеству участников коммуникации – монолог, диалог, полилог), что лишает эти концепции гибкости и динамизма и делает их мало применимыми для лингвистических исследований.

2. Вторая группа объединяет исследователей, изучающих отдельные аспекты жанровой организации речи (А. А. Акишина, Е. М. Верещагин, В. З. Демьянков, В. Г. Костомаров, Ю. М. Скребнев, Н. Ю. Шведова). В. В. Дементьев обращает внимание на следующую особенность: среди лингвистов такой подход свойствен тем, кто изучает разговорную речь, стилистам, психолингвистам и социолингвистам. В рамках этого подхода не удастся выделить

целостных концепций, однако ученые, работающие в данном направлении, отмечают существование стереотипов, устойчивых форм речи и речевого поведения, а сам этот подход приближается к идеям М. М. Бахтина в аспекте диалогичности жанров. В качестве примера к последнему тезису автор классификации приводит диалогическое единство Н. Ю. Шведовой, представляющее собой сочетание реплики-стимула и реплики-реакции «по определенным правилам синтаксической зависимости» [Шведова 1960: 281].

3. Третья группа представляет совокупность исследований, базирующихся на концепции речевого жанра М. М. Бахтина. В рамках этого подхода выполнены работы Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Ст. Гайды, Е. А. Земской, В. И. Карасика, М. В. Китайгородской, М. Л. Макарова, Т. В. Матвеевой, Т. В. Шмелевой и др. Базовым для исследователей является положение, согласно которому речевая деятельность индивида формируется с помощью различных жанров, выбор которых определяется ситуацией и речевым замыслом говорящего.

В. В. Дементьев разграничивает два направления в исследовании речевых жанров – жанроведение и генристику. Под генристикой понимается лингвистическое изучение жанров, исходящее из интенций говорящего с опорой на теорию речевых актов (западный аналог отечественной теории речевых жанров). «Специфику данного аспекта можно выявить, если представить развитие ТРЖ в семиотической парадигме "семантика – синтактика – прагматика"» [Дементьев 2010: 43]. Данному подходу свойственна монологизация РЖ, внимание исследователей смещается на адресанта, анализу и описанию подвергаются особенности его речевого поведения, композиция и язык речевого высказывания.

Жанроведение – отечественное направление в лингвистике. Оно опирается на идею прагматического изучения жанра, в рамках которого язык рассматривается не только по отношению к говорящему, но и в контексте диалогической ситуации общения и в конечном счете во взаимосвязи с национальной культурой. В жанроведении влияние адресата и адресанта на формирование речевого высказывания учитывается в равной степени. Согласно

В. В. Дементьеву, «прагматическое жанроведение в своем полемическом пафосе, направленном против издержек лингвистической генристики, часто воспринимается как направление, не имеющее с ней ничего общего» [Дементьев 2010: 54]. Однако оба направления едины и не только не исключают друг друга, но и могут быть объединены на основе общей коммуникативной природы (функции) РЖ и языка и на основе представления о том, что жанры служат средством формализации социального взаимодействия [Там же: 54].

Т. В. Шмелева заключает, что в современной русистике сложилось три подхода к проблеме речевых жанров. Первый подход – лексический – предполагает обращение к названиям жанров и толкованию их семантики. В его основе лежит анализ употребления глаголов речи, например, *прошу, заявляю, требую* и пр., а сам он тесно связан с теорией речевых актов. Однако исследователь отмечает, что, при всей плодотворности данного подхода, опора только на рассматриваемую в нем лексику не позволяет в полной мере раскрыть природу речевого жанра и составить адекватное представление о нем, поскольку «одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований» [Шмелева 1997. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36422406>].

Второй подход автор предлагает называть стилистическим. Он согласуется с литературоведческими традициями, а в его рамках жанр рассматривается с учетом композиционных, лексических и др. особенностей художественной литературы.

Третий подход – речеведческий. Он, как утверждает исследователь, более остальных согласуется с идеями М. М. Бахтина, т. к. в его основе лежит представление о речевом жанре как особой модели высказывания, вследствие чего РЖ должен подвергаться рассмотрению в двух направлениях: определение количества моделей и изучение воплощения этих моделей в различных речевых ситуациях. «Основываясь на идеях М. М. Бахтина, учитывая результаты, полученные в рамках теории речевых актов и теории жанров художественной речи, данный подход соотносится со стратегией активной грамматики в понимании Л. В. Щербы, "двигаясь" от автора, его замыслов и предварительных

условий общения к способам языкового воплощения РЖ, в которых для адресата закодирована вся необходимая для успешного общения жанровая информация» [Шмелева 1997. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36422406>].

Резюмируя рассмотренные научные концепции, связанные с речевым жанром, подчеркнем методологическую значимость для нашего исследования именно жанроведения – направления, в рамках которого поднимаются и решаются вопросы, актуальные и для изучения жанров в диахронии: важность коммуникативно-прагматического подхода, в рамках которого язык рассматривается не только в связи с говорящим, но и в контексте диалогической ситуации общения и во взаимосвязи с национальной культурой, обусловленность текстового и языкового воплощения того или иного речевого жанра коммуникативными параметрами.

1.2.3. Проблема моделирования речевого жанра

В отечественном жанроведении сложилось устойчивое мнение о взаимосвязи текстового и языкового воплощения жанров с коммуникативными параметрами. Дальнейшая логика изысканий в области лингвистического жанроведения обуславливает идею о модели жанра и его моделировании. «О существовании того или иного жанра как самостоятельного РЖ можно говорить в том случае, если в результате анализа речевого материала будет найден некий структурный инвариант (модель), не совпадающий с моделями уже известных жанров» [Шерстяных 2013: 306].

В аспекте моделирования речевых жанров В. В. Дементьев подчеркивает важность параметризации речи. Главную сложность здесь вызывает определение точного, исчерпывающего набора не только лингвистических, но и внеязыковых параметров коммуникации, необходимых для выделения, описания, моделирования и типологизации речевых жанров. Одной из достоверных для описания коммуникации ученый называет методику компонентного анализа (иначе дескриптивная модель), показавшей результативность при выявлении речевых моделей. С опорой на модель языка К. Бюлера, этот тип анализа

сводится – упрощенно – к изучению коммуникации по схеме «адресант – информация – адресат», или «кто – что – кому (с кем)». «Следует отметить, что на протяжении приблизительно тридцати лет (как в рамках собственно жанроведческого анализа, так и за его пределами) в лингвистике речи в целом было предложено и апробировано много моделей, более или менее непосредственно восходящих к методике компонентного анализа» [Дементьев 2010: 107], при этом далеко не последнюю роль играет то, насколько конкретная методика применима на практике и была ли она применена в принципе.

Основы семантической теории элементарных смысловых единиц (*semantic primitives*) изложены в работах А. Вежбицкой, предложившей для обозначения единицы общения термин «речевой жанр» вместо «речевой акт». Модель речевого жанра при этом описана как последовательность «предложений, которые выражают мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие жанр данного высказывания» [Вежбицка 1997: 103]. Эта модель может быть выражена в виде формулы. По замечанию В. В. Дементьева и К. Ф. Седова, такой подход хорош при определении темы жанра, однако в меньшей степени ориентирован на установление стилистических и композиционных особенностей. И. В. Шерстяных же справедливо замечает, что жанровая формула позволяет скорее идентифицировать РЖ, но не описать его, поскольку оставляет в стороне языковую организацию жанра.

Параллельно с этим свою модель – анкету речевого жанра – создает Т. В. Шмелева. Она отмечает, что в сознании говорящего существует представление о «типовом проекте», каноне, схеме РЖ, а задача филолога-исследователя заключается в том, чтобы «это интуитивное представление эксплицировать в формулировках научной дефиниции» и представить в виде модели речевого жанра. С этой целью Т. В. Шмелева предлагает так называемую анкету жанра, в которой обозначены семь его конститутивных признаков: коммуникативная цель (информативные, императивные, этикетные, оценочные жанры), образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное содержание и языковое воплощение.

Последний параметр представляется автором как наиболее важный с лингвистической позиции, поскольку именно он позволяет создать языковой портрет любого жанра [Шмелева 1997].

По замечанию В. В. Дементьева, в русле анкеты РЖ выполнены исследования Н. Б. Лебедевой, изучающей жанры естественной письменной речи (ЕПР) и разработавшей их коммуникативно-семиотическую модель (КСМ). Структура КМС «близка к фреймовой структуре типа ситуатема (ситуатема глагола *писать*)», ее цель – «учесть максимальное число субстанциональных участников и несубстанциональных компонентов, объединяемых в категорию «фациента», конституирующих ЕПР, и параметры (функциональные признаки) фациентов». Модель конституируют следующие фациенты: 1) автор («Кто?»); 2) коммуникативно-целевой фациент («Зачем?»); 3) адресат («Кому?»); 4) объект коммуникации – Знак («Что?»), включающий диктумное содержание и языковое воплощение; 5) графико-пространственный параметр («Как?»); 6) орудие-средство («Чем?»); 7) субстрат, материальный носитель знака («На чем?»); 8) носитель субстрата («В чем?»); 9) среда («Где?»); 10) время восприятия знака («Когда?»); 11) фациент «Ход коммуникации»; 12) фациент «Социальная оценка» [Лебедева 2003].

Еще один способ моделирования жанра предлагает Т. В. Анисимова. Исследователь разработала трехуровневую модель описания риторических жанров – «паспорт». На первом – системном – уровне описываются глобальные признаки жанра, которые определяют его место относительно других жанров: первичность/вторичность жанра, предложенная М. М. Бахтиным; связь с предшествующими высказываниями – ее наличие или отсутствие; соотнесение с типами речи по цели (информационные, эпидейктические, убеждающие, побуждающие к действию). Второй уровень – стратегический – включает в себя общие признаки, которые отличают жанры друг от друга в процессе замысла речи: ситуация общения; адресант; портрет аудитории; целевая установка как представление о результате; типичное содержание, благодаря которому «опознается» РЖ. На третьем уровне – тактическом – предлагается рассматривать

признаки, касающиеся формы конкретного речевого произведения: типичная для данного жанра аргументация; типичная композиция жанра; языковые и стилистические особенности [Анисимова 2000]. И. В. Шерстяных отмечает достаточную эффективность данной модели при обучении речевым жанрам, т. к. в ней представлено «точное описание количества признаков, необходимых для характеристики любого жанра, а ее уровневая структура отличается четкостью и является весьма удобной для практического применения. Кроме того, выделенные Т. В. Анисимовой уровни удачно соотносятся с этапами речевой деятельности» [Шерстяных 2013: 36].

1.2.4. Проблема жанра в аспекте диахронического лингвожанроведения

Исследования в области диахронического жанроведения имеют свою специфику. По мнению Д. С. Лихачева, литературный жанр – категория историческая, а система литературных жанров складывается под влиянием тенденций и умонастроений данного исторического времени – каждой исторической эпохе свойственна своя система. Выделение жанров в русской литературе на основе литературных принципов начинается лишь в XVII веке. Жанровую систему древнерусской литературы периода XI–XVII вв. исследователь характеризует как «равновесную». Это означает, что в ней существует «равновесие» жанров, «постоянно нарушаемое извне и постоянно восстанавливаемое на новой основе, вступающее в свою очередь в своеобразные сочетания с отдельными видами письменности, с жанровой системой фольклора и с отдельными видами других искусств» [Лихачев 1987: 318]. Вообще, в литературе этого периода было достаточно много жанровых смешений и неоднозначности в именовании жанров. Ученый связывает это с тем, что «основой для выделения жанра, наряду с другими признаками, служили не литературные особенности изложения, а самый предмет, тема, которой было посвящено произведение» [Там же: 321]. Так, выделялись следующие жанры: «житие», «видение», «чюдо», «мучение» и др. Д. С. Лихачев отмечает, что слово «житие» закрепилось как название определенного жанра повествовательной литературы не

ранее XIV в. В это время выделение литературных жанров в большей степени, чем в современности, было обусловлено также сферой их практического применения, их предназначением. Жития святых изначально предназначались для богослужений и монастырского обихода.

Еще одним важным для нашего исследования отличием современных литературных жанров от древних является то, что последние в гораздо большей степени связаны с типами стиля (житийным, хронографическим, летописным), выраженных в смысловой структуре, композиции, наборе повествовательных и изобразительных констант. Во многих стилях индивидуальное начало автора отходит на второй план, а сам он подчиняется требованиям и задачам жанра.

Следует также учитывать, что для средневековой литературы, в частности для агиографической словесности, важен канон, в соответствии с которым создавались житийные тексты (об этом более обстоятельно идет речь в разделе 1.1.2.).

Разрешению проблем диахронического жанроведения, выработке методологии и методики исследования жанровых форм исторически отдаленных эпох способствует усиливающийся интерес лингвистов к религиозной словесности – в рамках изучения религиозного дискурса, в том числе системы его базовых жанров.

Существенной для нашей работы следует признать классификацию религиозных жанров исследователя-лингвиста Т. В. Ицкович. Так, на основании категории адресата выделены следующие типы религиозной коммуникации: человек обращается к Богу, Бог обращается к человеку, человек обращается к человеку. Каждый тип представлен набором жанров, которые тяготеют к трем протожанрам, представленным в религиозном прототексте Священного Писания: молитве, проповеди и житию соответственно. «Названные жанровые типы сохраняют центральное местоположение в жанровой системе религиозного функционального стиля. Наряду с этим активно формируется периферия стиля, образуемая жанрами, не выполняющими собственно богослужебных функций и находящимися на пересечении с другими функциональными стилями» [Ицкович

2016: 299]. Протожанром жития выступает Евангелие, которое «является неизменным ориентиром для христианина в достижении главной цели – спасения, максимального приближения к Богу при жизни в профанном мире и после смерти в мире сакральном» [Там же: 77]. В текстах этой жанровой подсистемы описываются жизнь праведника, образцы поведения христианина и способы достижения спасения души.

Так, по Т. В. Ицкович, житийный жанр связан с религиозной коммуникацией в рамках профанного мира, ориентированной на трансцендентную реальность, при этом специфика жанра жития заключается в единстве темы и хронологической композиционной схемы текстов. Автор концепции выделяет четыре темы, которые реализуются в текстах религиозного дискурса: духовная, предметно-сакральная, профанная и ситуативная. В агиографии эксплицируется духовная и предметно-сакральная темы, ситуативная отсутствует, а профанная является факультативной, находя место в рассказах о чудесах, которые свершаются по молитвам святого. При этом исследователь рассматривает агиографическое чудо в качестве элемента композиции, а не особой жанровой формы, входящей в состав жития. Общее жанровое своеобразие жития Т. В. Ицкович видит в содержательной и речетекстовой монолитности: «данный жанровый тип практически не делится на самостоятельные жанры. Вероятно, это объясняется его максимальной опорой на целостный прототекст» [Там же: 294]. Согласно концепции исследователя, композиционно-тематическое членение жития определяется экстралингвистическим фактором лика святости, на основании чего выделяются субжанры: житие праведника, житие святителя, житие священномученика и т. п. К примеру, субжанр житие юродивого, по словам Т. В. Ицкович, включает такие композиционные фрагменты, как болезнь в детстве, прижизненные чудеса, аномальное с точки зрения светского человека поведение. На наш взгляд, квалификация чудес как композиционных элементов жития не противоречит их рассмотрению с жанровой точки зрения.

Особо следует остановиться на понятии субжанра как важного для нашего диссертационного исследования в теоретическом и методологическом отношении.

В жанровой классификации Т. В. Ицкович к субжанрам относятся подвиды житий, выделяемые по лику святости их героев. Между тем среди жанроведов принято иное понимание этого термина, которое также сложно назвать единым. Наиболее универсальной и релевантной для определения жанровой специфики чуда в составе жития представляется трактовка субжанра В. В. Дементьевым, согласно которой субжанры – это «минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту. В конкретном внутрижанровом взаимодействии они чаще всего выступают в виде тактик, основное предназначение которых – менять сюжетные повороты в развитии интеракции. Нужно особо отметить способность субжанров к мимикрии в зависимости от того, в состав какого жанра они входят. Так, колкость в светской беседе отлична от колкости в семейной ссоре и т. п.» [Дементьев 2010: 148].

Применительно к объекту настоящего исследования в доказательство релевантности приведенного понятия субжанра считаем уместным провести аналогию между субжанром как речевым актом и чудом как жанровой формой в составе жития. Несмотря на то что в отдельности рассказ о чуде не представляется возможным назвать равным речевому акту в силу объема (см. об этом [Кожина 1999а: 58-59]), в составе жития, которое содержит набор релевантных интенциям жанра эпизодов из жизни святого, чудо может рассматриваться в качестве речевого акта по аналогии с репликой в жанре диалога. В остальном приведенное определение субжанра соответствует жанровой специфике чудес. Как известно, они входили в состав не только агиографии, но также включались в летописания [Пауткин 2002] и воинские повествования [Трофимова 2011]. В составе указанных жанров чудеса характеризуются отличной от агиографического чуда спецификой, что согласуется с замечанием В. В. Дементьева о мимикрии субжанра. В то же время чудо как тактика житийного жанра демонстрирует способы взаимодействия святого с мирянами и высшими силами (поощрение и наказание с помощью чуда), формируя представление о богоугодном и небогоугодном.

К вопросу взаимосвязи понятий жанра и субжанра обращаются также исследователи отдельных современных жанровых форм. Так, Ф. Л. Косицкая

определяет субжанр как речевую единицу, утратившую свою функциональную самостоятельность, но способную выступать в составе комплексного жанра. «С другой стороны, структура комплексного жанра немыслима без субжанров, т. к. это приводит к разрушению смыслового единства» [Косицкая 2006: 104]. Последнее замечание кажется нам справедливым применительно к прижизненным чудесам: их изъятие из жития лишит его описания ряда значимых событий в жизни святого, нарушит хронологическую целостность повествования, а также исключит возможность раскрытия такого важного аспекта святости, как прижизненное чудотворение и обусловленных им коммуникативных интенций жанра. В отличие от агиографических текстов, в которых прижизненные чудеса вовсе отсутствуют и не предполагаются, в исследуемых нами житиях дар чудотворения был важным признаком лика святости. При этом, в отличие от чудес посмертных, прижизненные чудеса не дописывались после окончания работы агиографов над житиями и не примыкали к ним (это привело бы к формированию новой редакции жития), а также не функционировали автономно, отдельно от основного текста, в состав которого входили. Следовательно, рассказ о прижизненном чуде как жанровую форму можно выделить в составе житийной литературы, но невозможно отделить от основного повествования.

1.3. Коммуникативно-прагматический подход к изучению рассказа о прижизненных чудесах

Диалогическая природа жанров обуславливает необходимость изучения их коммуникативно-прагматической специфики. Причины интереса к исследованиям указанной направленности Н. А. Мануйлова видит в осмыслении «интегративного коммуникативно-деятельностного подхода к языку» [Мануйлова 2018: 268]. В последние несколько десятков лет внимание ученых действительно все чаще направлено на рассмотрение речевой деятельности в различных аспектах, в том числе на изучение в прагматическом разрезе единиц коммуникации, среди которых текст, дискурс, жанр.

Усиление исследовательского интереса привело к формированию в современной русистике коммуникативно-прагматического научного подхода к исследованиям, понимаемого как «междисциплинарная интеграция методик, приемов и процедур, используемых для изучения употребления языка говорящими в процессе коммуникации в единстве с прагматическими свойствами языковых единиц в связи с ситуацией общения для достижения успешности коммуникации и регулирования коммуникативного (речевого) поведения людей с целью координации все усложняющейся человеческой деятельности» [Комарова 2013: 68]. В рамках этого метода основными объектами изучения становятся речевой акт, текст, дискурс, а также комплекс проблем, связанных с субъектом и адресатом речи, отношениями между участниками коммуникации и с ситуацией общения [Там же]. Среди базовых понятий этой парадигмы и ее метода автором выделены следующие: коммуникация, коммуникант, коммуникативная установка, интенция, коммуникативный успех, коммуникативная неудача, речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия и тактика, актуальное коммуникативно-прагматическое пространство, коммуникативная личность, дискурс, текст как «информационный след» состоявшегося дискурса [Сусов 2007: 40], прагматика, прагмасемантика, коммуникативно-прагматическая ситуация и др.

Коммуникативно-прагматический подход проявляет свою продуктивность в исследованиях различных дискурсов (политического – Е. В. Кобец, В. В. Колесников, Т. О. Ужахова; юридического и судебного – Д. А. Дорохова, Н. В. Овчинникова; научного – Л. М. Гончарова, А. Ю. Миргородская; педагогического – В. В. Макашова; компьютерного – Ю. С. Елагина; медиадискурса – Е. В. Волкова, О. В. Ниживинская и др.), современных речевых жанров (Н. В. Гладкая, А. А. Каширин, Ю. С. Клинова, М. В. Лиханов, Е. Н. Молодыхенко, Т. И. Попова, А. Р. Рамазанова, О. С. Рогалева, В. В. Сысоева, О. А. Шутова и др.), лингвистики художественных текстов и проблем их перевода (Н. С. Болотнова, М. А. Гончарова, Т. В. Дробышева, Т. А. Казакова, А. В. Магомедова, М. А. Селиверстова, С. А. Соколова, Ю. Г. Ткачева). Этот

подход применяется также в исследованиях лингвистов-медиевистов (К. Р. Ваганова, К. А. Журавлева, Н. В. Пономарева, В. А. Райскина, В. Б. Силина).

Функциональная направленность агиографических текстов, заключающаяся в прославлении святого подвижника и формировании у верующих представления о праведном образе жизни, определяет методологическую значимость изучения коммуникативно-прагматической природы житий и входящих в их состав прижизненных чудес.

К середине XX в. сложился комплекс дисциплин, в рамках которых изучается коммуникация. Сущность коммуникации заключается в передаче закодированной определенным образом информации от адресанта адресату по каналу их связи с некоторой целью в заданных условиях. Прагматика текста выделилась и оформилась как область лингвистических исследований в 60-70-х гг. XX в. Этот процесс был обусловлен и спровоцирован развитием теории речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Серля и др., прагматической теории значения П. Грайса и прагматической теории референции Дж. Серля, П. Ф. Стросона и др. В последующие десятилетия наблюдается усиление прагматического подхода к анализу языковых фактов. Прагматику определяют как «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [Арутюнова 2002: 389]. Начиная с Ч. У. Морриса прагматика объясняется как наука, «исследующая отношение к знакам говорящих» [Там же]. Н. Д. Арутюнова заключает, что в прагматику «включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [Там же: 390]. В словаре лингвистических терминов под прагматикой понимается «один из планов или аспектов языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком» [Ахманова 1966: 344]. А. В. Зинковская подчеркивает связь этого аспекта речевой деятельности с интенциональностью – с «сознательным, целенаправленным выбором языковых средств для наиболее эффективного воздействия на собеседника, которое вызывает у него определенные мысли, чувства, поведение; она позволяет обнаруживать намерения говорящего,

его стремление наилучшим образом выразить либо скрыть, завуалировать свои собственные мысли, чувства, побуждения» [Зиньковская 2009: 92].

Вслед за Г. Г. Матвеевой в данной работе прагматика текста понимается как «аспект функционирования языковых единиц, выбор которых определяется интенциональными воздействующими задачами отправителя текста, учитывающего ситуативные условия акта общения и принятые в данном функциональном стиле нормативные способы употребления языка» [Матвеева 1984: 7]. При выявлении сущности и соотношения трех ветвей семиотики В. Г. Гак констатирует, что «если синтактика в приложении к языку объясняет, как устроено высказывание, как говорит человек (в плане внешних форм языка), если семантика показывает, что он говорит, что означает данное высказывание, то прагматика стремится раскрыть, в каких условиях и с какой целью в данном случае говорит человек» [Гак 1998: 555].

Новый разворот относительно применения прагматического подхода проявляется в исследованиях художественного текста: «Несмотря на то, что первоначально прагматика и ее составная часть – теория речевых актов Дж. Остина и Р. Серля – предназначались для изучения "обыденного языка", принципов устной коммуникации и живого разговорного общения, в последнее время сформировалось убеждение в том, что прагматический аспект в высшей степени плодотворен в исследовании художественного текста» [Урумашвили 2010: 42]. В результате подобных изысканий основным можно считать тезис: в прагматическом аспекте «специфика художественного текста состоит прежде всего в том, что писатель, обеспечивая читателю новое познание мира, одновременно передает и свое отношение к изображаемому, организуя текст особым образом и отбирая языковые средства, материализующие роль автора в тексте в соответствии с его художественным замыслом» [Там же]. С другой стороны (и это особенно важно для нашего исследования), читателю для как можно более глубокого погружения в текст и его понимания необходимо обладать не только общими с автором фоновыми, но и культурно-историческими знаниями. Важной прагматической характеристикой художественного текста является также

«адресованность», которая заключается в создании автором возможности для художественного воздействия на читающего и создания ассоциативного пространства, которое будет функционировать как в пределах самого текста, так и в контексте данной культуры. Художественный текст не только передает информацию от адресанта адресату, но и с ее помощью воздействует на мысли, чувства и эмоции последнего.

Вместе с тем необходимо уточнить, что житийную литературу неправомерно относить к художественной в современном понимании, поскольку в ней описана духовная биография реального человека, хоть и в типизированном, соответствующем канону виде. Однако смоделированные в житиях типовые ситуации взаимодействия между героями повествования могут быть сопоставлены с художественным текстом, т. к. в этих типовых ситуациях религиозная коммуникация опосредована автором. С этой точки зрения представляется важным обратить особое внимание на специфику адресованности и восприятия житийной литературы. Если рассматривать агиографию как тип литературы, предлагающий образец праведной жизни, придерживаясь которого верующий сможет спасти свою душу, то, как считает Б. И. Берман, «агиограф вряд ли рассчитывал на то, что, прочитавший житие (или много житий), немедленно практически примется действовать в соответствии с образцом и сам заслужит запечатления в житии», а «образец жития, таким образом, предназначен для тех, кто меньше всех склонен в жизни реально подражать ему» [Берман 1982: 162]. В связи с этим, по нашему мнению, рассказы о чудесах, героями которых зачастую становились как раз миряне, в меньшей степени склонные стремиться к святости, или еще не достигшие этого спасительного идеала иноки, – именно рассказы о чудесах рядовому средневековому читателю представлялись более близкими, нежели основное повествование о жизни святого, поскольку в их героях и ситуациях они могли узнать себя. Чудеса также обладают большим эмоциональным воздействием, поскольку «отклик, который вызывает чудо и подвиг, может быть не только умилением, но трепетом, страхом, даже ужасом там, где преданность богу переходит предел естества» [Там же: 164]. Таким образом,

изучение коммуникативно-прагматических характеристик житийных чудес оказывается особенно ценным для раскрытия функции исследуемой жанровой формы в составе агиографии.

Важно отметить, что выявление специфики рассказа о прижизненном чуде осложняется отсутствием в современном языкознании четкой методологии анализа, применимой к объекту исследования настоящей работы. Системы коммуникативно-прагматических параметров, разработанные в современном жанроведении, приходится признать нуждающимися в уточнении по ряду причин. Во-первых, жанр жития, а вслед за ним и жанр чуда, является разновидностью церковно-религиозного стиля, что уже определяет его коммуникативно-прагматическую специфику на фоне других функциональных стилей. Во-вторых, модели описания жанра в современном жанроведении ориентированы на произведения живой и письменной речи в синхронии, мы же рассматриваем исторические произведения письменной речи, особенности которых заданы историко-культурным контекстом эпохи [Рогожникова, Хоменко 2020]. Так, жанры постоянно видоизменялись в составе больших, сборного характера памятников, при этом «памятник не являлся замкнуто цельным, неизменным текстом» [Колесов 1989: 12].

Для исследования прижизненных чудес в жанрово-стилистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах в рамках диссертации выработана методика комплексного анализа, учитывающая особенности изучаемого исторического материала. В рассказах о чудесах смоделированы ситуации общения мирян и иноков со святым, а также святого с высшими силами, а автор житийной литературы является представителем религиозной институции и выражает соответствующие взгляды. В связи с этим представляется возможным и даже закономерным использовать в качестве основы моделирования изучаемого жанра методический прием, позволяющий выявлять коммуникативно-прагматическую специфику на основе коммуникации между персонажами, внутри текста. Понятие внутритекстовой коммуникации предложено в коллективной монографии «Творчество В. М. Шукшина в

пространстве коммуникации» под редакцией А. А. Чувакина [Чувакин, Демидова, Малыгина 2015]. Под внутритекстовой коммуникацией понимается, «во-первых, языко-речевые факты, традиционно рассматриваемые в составе речевого слоя персонажа и / или повествователя <...> и, во-вторых, текстовые репрезентации коммуникативных актов, осуществляемых средствами естественного языка, в том числе и в сопряжении со средствами иных знаковых систем» [Там же: 4]. Применительно к материалу настоящего исследования внутритекстовую коммуникацию следует рассматривать как модель религиозной коммуникации, а отраженные в ней интенции героев – как основу для анализа интенций данной жанровой формы.

1.4. Исследовательская процедура моделирования жанровой формы «рассказ о прижизненном чуде»

В первую очередь в составе изучаемых житий, в основной их части, выделяются все фрагменты, тематика которых связана с событиями, выходящими за рамки обыденности и нарушающими законы природы. Далее, с опорой на повторяющиеся чудесные мотивы, дается классификация прижизненных чудес – виды и соответствующие тематические варианты рассказов.

На следующем этапе анализа определены коммуникативно-прагматические параметры рассматриваемой жанровой формы (в качестве вариативного используется наименование «конститутивные элементы жанра»). Основой для их выделения, как уже было сказано, служит внутритекстовая коммуникация и роли ее участников.

Так, определены три основные коммуникативные роли героев рассказов о прижизненных чудесах: 1) тот, кто нуждается в помощи или просит о ней; 2) тот, кто отвечает на просьбу и оказывает помощь; 3) тот, кто становится сторонним наблюдателем произошедшего и свидетельствует о нем. Этим коммуникативным ролям соответствуют три жанровых параметра: «объект», «субъект» и «свидетель» чуда. Совокупность обстоятельств, в которых у «объекта» возникает необходимость обратиться к «субъекту», целесообразно объединить в параметре

«ситуация», а само обращение обозначить параметром «коммуникация», включающего описание условий и целей общения героев. Важнейшим коммуникативно-прагматическим параметром является «чудесное событие»: в нем воплощается описание самого чуда. Последний параметр – «средство свершения» – отражает атрибуты и действия «субъекта», необходимые ему для свершения чуда. Все коммуникативно-прагматические параметры получают определенную реализацию, зависящую от вида чуда, и конкретную языковую репрезентацию в рассказах. В качестве жанрообразующих выделяются параметры «субъект», «объект», «ситуация» и «чудесное событие». Параметр «коммуникация» в том или ином виде наличествует во всех рассказах, а параметры «средство свершения» и «свидетель» являются дополнительными, при этом последний представлен довольно редко.

Следующим шагом является анализ рассказов по семи коммуникативно-прагматическим параметрам. Каждому виду чудес свойственна своя комбинация реализаций параметров, которые формируют коммуникативно-прагматические модели тематических вариантов рассказа о прижизненном чуде. Выявляются структурно-композиционные особенности, обусловленные видом чуда и коммуникативно-прагматическими параметрами.

В аспекте жанрово-стилистическом все тексты подвергаются анализу на предмет реализации параметров и их лингвистической репрезентации в тексте, характеризуются типичные языковые средства, служащие для воплощения параметров и дифференцирующие данную жанровую форму. Определяется жанровая структура рассказов, а также начальные и финальные языковые формулы данной жанровой формы.

На основе параметров «объект», «субъект», «ситуация», «коммуникация» и «чудесное событие» анализируются жанровые интенции рассказа о прижизненном чуде.

Таким образом, для выявления инварианта модели речевого жанра «рассказ о прижизненном чуде» учитываются такие жанрообразующие признаки, как тема, композиционные и структурно-семантические особенности,

коммуникативно-прагматические параметры, жанровые интенции и лингвостилистические показатели.

Выводы по главе 1

Рассмотрение теоретико-методологической базы данного диссертационного исследования и его понятийно-терминологического аппарата позволяет сделать ряд выводов теоретического характера, значимых для осуществления комплексного жанрового анализа рассказа о прижизненном чуде.

1. В работе рассмотрены и обобщены различные подходы к феномену чуда и определены его сущностные признаки. Так, в настоящем исследовании чудо понимается широко – как любое явление или событие, которое имеет место в мире людей и происходит для них с определенной целью, при этом нарушает всем известные законы природы и оценивается общностью людей как таковое. Основным средством восприятия чуда являются органы чувств: оно видимо, слышимо, осязаемо и обоняемо. Чудо происходит независимо от воли человека, внезапно и неожиданно, оно не может быть осмыслено и объяснено, поэтому ввергает воспринимающего его в состояние удивления, трепета, оцепенения, страха и ужаса. Чудо, как правило, вызвано вмешательством в мир человека потусторонних сил. В представлении христианина источником этих сил выступает Бог, он творит чудеса по собственной воле, самостоятельно или посредством святого угодника. Святой связывает небесный и земной миры и является по благословению свыше проводником Божьей воли на земле. Бог награждает своего избранника даром чудотворения. Чудеса, творимые подвижником, подтверждают и утверждают его избранность Богом, а также являются наглядной демонстрацией этого для всех сопричастных людей, укрепляя их в вере. В качестве теоретически значимого для настоящей работы следует признать определение природы чуда как коммуникативного акта, данное доктором философских наук С. Н. Астаповым.

2. Чудо как жанр древнерусской литературы могло распространяться в качестве самостоятельной жанровой формы, либо входить в состав комплексных жанров. Применительно к исследуемому материалу правомерно утверждать, что

прижизненные чудеса в составе житий нельзя квалифицировать как автономный жанр, способный функционировать вне агиографического текста. В связи с этим методологически значимым для определения жанровой природы прижизненного чуда следует признать понятие субжанра как жанровой единицы, выступающей в составе другого, более сложного жанра, утрачивающей при этом свою функциональную самостоятельность. Вместе с тем, жанровые интенции чуда в составе жития заданы общей прагматической направленностью житийной литературы.

Экстралингвистические факторы обуславливали историческое изменение житийного жанра, что сказывалось на входящих в его состав субжанрах. В связи с этим важным представляется определить образец жанровой формы «рассказ о прижизненном чуде» в житиях преподобных и рассмотреть динамику образца на разных этапах развития русской агиографии. Исследование осуществляется в рамках диахронического жанроведения.

3. В жанрово-стилистическом аспекте основополагающими для нашей работы явились постулаты исторической стилистики, изложенные академиком В. В. Виноградовым, связывающие способы выражения святости героя с системой церковнославянского языка, а также «со строго определенными книжно-славянскими формулами изображения действий и переживаний человека, с церковно-книжными приемами изображения внутренней сущности представителя той или иной религиозно-моральной категории лица, его внешнего облика и всего уклада его поведения» [Виноградов 1959: 117]. Строгое соответствие духовной направленности житий и средств изображения действий, переживаний героя присуще агиографии XII–XV вв.

По замечанию И. В. Грековой, древнерусским житиям свойственна большая трафаретность, поскольку они являлись частью богослужения, в связи с каноничностью структуры жанра и статичностью изображаемых в нем фигур к житию сформировалось отношение как к «словесной иконе» [Грекова 2014: 111]. Стилистика житий изменялась вместе с трансформацией самого жанра: «Постепенно по своей структуре, содержанию, речевой организации, жанр

трансформировался. Изменившийся жанр стал наполняться новыми коммуникативными задачами и тяготел к повествовательно-художественному стилю, поэтому в композиции жития могла отсутствовать какая-либо традиционная часть, предписанная каноном. <...> Для повествовательной манеры житий свойственны сложные синтаксические обороты, включающие метафорические сочетания, положительную или отрицательную экспрессию. В язык поздних памятников вторгается разговорная речь, диалектические обороты, просторечия, вводимые, как правило, в текст диалогами. Наряду с общекнижными словами функционируют бытовые слова и выражения» [Там же: 111-112].

4. В теоретической главе подробно изучены подходы к речевому жанру, который в отечественной науке понимается как форма организации речевого материала, устойчивый тип высказывания, способный воспроизводиться в речи неограниченное количество раз, воплощаясь в практике различных авторов. Это понимание приводит к желанию и даже необходимости выявить и дифференцировать как можно большее количество различных жанров и к разработке методик жанрового моделирования. В этом направлении объектом исследования в большинстве случаев выступают современные жанры устной и письменной речи. Единицы диахронического жанроведения редко оказываются объектом лингвистического моделирования, отсюда следует насущная необходимость выработки методологии и методики жанрового анализа и жанрового моделирования применительно к объекту и предмету нашего исследования.

В настоящем диссертационном исследовании речевой жанр трактуется в рамках речеведческого направления. Сообразно с задачами исследования речевой жанр понимается как определенный тип текстовых произведений, объединенных одинаковой или близкой тематикой и единой целью, имеющих сходные композиционные формы, структурно-семантические и стилистические черты, реализующийся в типичной коммуникативной ситуации. При моделировании речевого жанра «рассказ о прижизненном чуде» учитываются универсальные жанрообразующие параметры, выделенные Т. В. Шмелевой и Т. В. Анисимовой, а

также параметры, специфические для исследуемой диахронической жанровой формы.

5. Коммуникативно-прагматический подход применительно к рассказу о прижизненном чуде потребовал выработки особой методики исследования, поскольку объектом изучения является исторический жанр церковно-религиозного стиля. В данной методике учтена функциональная направленность агиографических текстов, которая заключается в прославлении святого подвижника и формировании у верующих представления о праведном образе жизни, отражающаяся также во входящих в их состав прижизненных чудесах. В качестве методической основы выявления коммуникативно-прагматической специфики рассказа о чуде и жанрового моделирования релевантным признано понятие внутритекстовой коммуникации. На основе внутритекстовой коммуникации и ролей ее участников выделены жанрообразующие коммуникативно-прагматические параметры рассматриваемого жанра, позволяющие раскрыть его специфику.

Трем ролям участников внутритекстовой коммуникации – просящий, удовлетворяющий просьбу и свидетельствующий о чуде – соответствуют параметры «объект», «субъект» и «свидетель» чуда. Обстоятельства, в связи с которыми «объект» обращается к «субъекту», представлены параметром «ситуация», а само обращение – параметром «коммуникация». Важнейшим коммуникативно-прагматическим параметром является «чудесное событие», в нем воплощается описание самого чуда. Последний параметр – «средство свершения» – отражает атрибуты и действия «субъекта», необходимые ему для свершения чуда.

6. В диссертационном исследовании предложена следующая методология анализа жанра «рассказ о прижизненном чуде» в составе агиографического текста. На первом этапе исследования с помощью метода сплошной выборки определяются фрагменты, повествующие о чудесах, и классифицируются по видо-тематическому основанию. Второй этап посвящен анализу рассказов по выделенным коммуникативно-прагматическим параметрам, рассматриваются их

типовые реализации для каждого вида чуда, обусловленные ими структурные особенности жанра, а также заданные параметрами жанровые интенции. На третьем этапе отдельному изучению подвергаются лингвостилистические характеристики чудесных рассказов: языковые репрезентации коммуникативно-прагматических параметров и стилистическая специфика чудес. В результате исследования формируется инвариантная модель субжанра «рассказ о прижизненном чуде».

Глава 2. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА О ПРИЖИЗНЕННОМ ЧУДЕ В ПРЕПОДОБНИЧЕСКОЙ АГИОГРАФИИ XII–XV ВВ.

В рамках главы проводится тематический, структурно-семантический, жанрово-стилистический и коммуникативно-прагматический анализ текстов, идентифицированных как прижизненные чудеса, входящие в состав образцовых древнерусских и старорусских житий преподобных святых. Одними из первых памятников, авторы которых перенесли жанр чуда в отечественную религиозную литературу и сформировали свою традицию описания чудотворения как признака святости и чудесных событий в словесной форме, стали жития святых Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского (далее также – ЖтФП, ЖтСР и ЖтКБ соответственно).

При раскрытии актуальности настоящего исследования, а также истории изучения агиографических чудес филологами мы подчеркнули, что рассказ о прижизненном чуде как особая текстовая единица в составе жития до сих пор не был подробно рассмотрен филологами-медиевистами в жанровом и языковом аспектах, а если и удостоивался внимания, то только в связи с рассказом о чуде посмертном. При этом важно, что уже первое приближение к житиям позволяет отметить сюжетное разнообразие и композиционно-смысловую завершенность рассказов о прижизненных чудесах. Эти наблюдения позволяют предположить, что рассказ о прижизненном чуде в составе агиографии можно и следует рассматривать как особое жанровое образование [Рогожникова, Хоменко 2020].

В основе разрабатываемой в рамках настоящего исследования теории лежит изучение жанровых особенностей «рассказа о прижизненном чуде» в том виде, в котором он представлен в ранних письменных памятниках русской преподобнической агиографии. Как отмечает И. В. Стародумов, «именно для этой категории святых подвижников дар чудотворения являлся главным и по сути дела единственным условием их канонизации» [Стародумов 2009: 6]. Поэтому представляется закономерным рассматривать прижизненные чудеса преподобных

святых и их жанровые признаки в качестве образца агиографического чуда в целом.

2.1. Классификация рассказов о прижизненных чудесах по тематическому основанию

В житиях Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского нами выделено в общей сложности семьдесят прижизненных чудес: в ЖтФП – двадцать одно, в ЖтСР – восемнадцать, в ЖтКБ – тридцать одно. В результате структурно-тематического анализа определены виды чудес, а рассказы классифицированы по видо-тематическому основанию. Так, были выделены девять регулярных видов чудес (или тем рассказов). Под регулярными мы понимаем те чудеса, которые повторяются хотя бы в двух житиях из нескольких рассматриваемых, и относим к ним следующие: «изгнание бесов», «исцеление», «оживление», «наказание», «материализация необходимого», «исполнение просимого», «видение», «защита», «благоухание». Кроме указанных, были определены темы единичных текстов – встречающиеся только в одном житии из трех: «крик младенца в утробе», «освоение грамоты» и «изведение источника» в ЖтСР, «тушение огня» в ЖтКБ. Более детально этот аспект исследования на примерах представлен в работе [Хоменко 2019].

В Таблице 1 представлены данные о количестве прижизненных чудес каждого видо-тематического варианта в каждом житии и общем числе во всех группах, а также о количестве видов чудес для каждого жития и общем числе видо-тематических вариантов.

Среди чудесных рассказов, выделенных нами из всех трех житий, наибольшее количество текстов (17) представлено в группе «видения». Следующими по частотности являются «материализация необходимого» (12) и «исцеление» (11). Наименьшее количество рассказов в группах «благоухание» (3), а также «оживление» (2).

Таблица 1 – Количество и видовое распределение чудесных рассказов в древнерусской и старорусской агиографии

Вид (тема)	ЖтФП	ЖтСР	ЖтКБ	Всего
1. Изгнание бесов	3	1	1	5
2. Оживление	-	1	1	2
3. Исцеление	-	2	9	11
4. Исполнение просимого	-	1	4	5
5. Материализация необходимого	7	1	4	12
6. Наказание	2	2	1	5
7. Видение	7	5	5	17
8. Защита	2	-	4	6
9. Благоухание	-	2	1	3
10. Крик младенца в утробе	-	1	-	1
11. Освоение грамоты	-	1	-	1
12. Изведение источника	-	1	-	1
13. Тушение огня	-	-	1	1
Всего видов	5	11	10	13
Всего рассказов	21	18	31	70

В группе «исполнение просимого» объединены рассказы, в которых «объект» обращается к «субъекту» чуда с просьбой об изменении обстоятельств, препятствующих его цели. К ним отнесены два комплексных рассказа из ЖтКБ, повествующих о бездетных князьях, просящих *разрѣшитъ тѣхъ неплодство*, а также три текста, в которых речь идет о водной стихии, особенностью этих текстов является двойной «объект» (человек и стихия).

Рассмотрим тематическое распределение рассказов в каждом агиографическом тексте отдельно. В житии Феодосия Печерского представлены

рассказы о чудесах пяти видов: «изгнание бесов», «материализация необходимого», «наказание», «видение» и «защита». Из них самыми частотными являются «материализация необходимого» и «видение» – по семь чудес каждого вида. И если «видения» занимают особое место во всех трех житиях, то обилие текстов о чудесном возникновении того, что требуется братии, характерно для жития именно этого святого. Причины обилия чудес «экономического» характера И. В. Стародумов связывает со «сложным материальным положением Печерской обители, изначально не имевшей поддержки от власть имущих» [Стародумов 2009: 17]. Этим же обстоятельством исследователь объясняет наличие рассказов, в которых разбойники хотят ограбить монастырь, – мы относим такие чудеса к виду «защита».

Рассказы о «материализации необходимого» в составе жития Феодосия Печерского имеют одну особенность, отличающую их от прочих чудесных рассказов в том же житии и от прижизненных чудес того же вида в составе других житий, – в них святой призывает иноков надеяться и положиться на Бога, поскольку тот непременно позаботится о братии: *иди и потрьпи мало, моляся Богу, некъли ть помилуеть ны и попечеться о насъ* [ЖтФП: 394]; *утрѣйшьниимь дьне не пьцися, не бо имать Богъ оставити църкве сея* [ЖтФП: 406] и др. Так, в трети рассказов о прижизненных чудесах Феодосия Печерского постулируется идея упования на Бога.

Феодосий славился своей властью над злыми духами, поэтому в его житии число рассказов об «изгнании бесов» несколько выше, чем в последующих. Показателен тот факт, что в этом агиографическом памятнике отсутствуют рассказы об «исцелении», «оживлении» и «исполнении просимого» – чудесах, которые по большей части происходят при обращении нуждающегося за помощью именно к святому и благодаря его действиям. При этом больше половины рассказов представлены в темах «наказание», «видение» и «защита», которые, напротив, творятся без воли на то святого. Так, активную роль в прижизненных чудесах святой играет лишь в одной седьмой части чудесных рассказов в составе ЖтФП [Рогожникова, Хоменко 2021].

Представленный в ЖтФП набор тематических видов чудес определяет такие содержательные особенности, как пространство свершения чудес и их участники. События по большей части происходят в монастыре или в связи с ним, а просят о помощи чаще иноки, а не пришлые миряне. Последние становятся «объектом» чуда преимущественно в рассказах о «видениях» и «защите» – им демонстрируется избранность Феодосиевой обители или же защита ее высшими силами от набегов разбойников.

В житии Сергия Радонежского самая многочисленная группа рассказов (5) – это рассказы о «видениях». Остальные регулярные виды чудес представлены одним-двумя случаями: «исцеление» (2), «наказание» (2), «изгнание бесов» (1), «оживление» (1), «исполнение просимого» (1), «материализация необходимого» (1). Важно акцентировать внимание на том, что в этом житии обнаружено два текста о «благоухании». Как известно, обычно благоухание распространяется в момент смерти святого и свидетельствует о принятии его небесами. Однако в начале жития Сергия также встречается рассказ о распространении благоухания в момент причащения молодого инока Сергия святых тайн. Наличие этого текста стало еще одним аргументом в пользу отнесения «благоухания» к прижизненным чудесам. Остальные регулярные видо-тематические варианты представлены каждый одним текстом, единственный рассказ – об «исполнении просимого» – повествует о морском шторме, который прекратился после молитвы Господу. При этом из регулярных не реализована только тема «защиты».

В житии Сергия Радонежского присутствуют три текста, тематика которых не повторяется ни в житии непосредственно, ни в житиях Феодосия Печерского и Кирилла Белозерского. Это тексты о крике младенца в утробе матери, о чудесном освоении Сергием грамоты и об изведении источника святым. Таким образом, в житии Сергия Радонежского выделены тексты о чудесах одиннадцати видов: «изгнание бесов», «оживление», «исцеление», «исполнение просимого», «материализация необходимого», «наказание», «видение», «благоухание», «крик младенца в утробе», «освоение грамоты», «изведение источника». Отметим, что в этом памятнике письменности Сергей причастен к свершению чуда уже в трети

рассказов, что свидетельствует о возрастании роли святого в прижизненном чудотворении. По сравнению с ЖтФП, в этом житии «объектами» чудотворения намного чаще становятся миряне или церковные служители, не связанные с Троице-Сергиевой лаврой, а чудеса происходят как в монастыре, так и за его пределами, в отдалении.

Насыщено чудесами Житие Кирилла Белозерского – нам удалось выделить тридцать одно чудесное событие. Наиболее частотной в этом агиографическом памятнике является группа рассказов об «исцелении» – девять текстов, на втором месте «видения», представленные пятью текстами, по четыре рассказа о «материализации необходимого», «защите» и «исполнении просимого». На остальные виды чудес приходится по одному рассказу.

В качестве особой черты в образе Кирилла Белозерского демонстрируется неуязвимость его перед огнем. В тексте жития можно выделить особую группу чудесных рассказов, в которых святой или сам охвачен огнем, или приходит на помощь другим и чудесным образом преодолевает испытание. В эту группу входят два текста о «защите» и один с индивидуальной тематикой, в котором святой умиряет разбушевавшийся огонь крестным знаменем, его тему можно сформулировать как «тушение огня». В этом последнем рассказе говорится о том, как однажды в обители загорелись келии и братия не могла потушить их, а святой с крестом и молитвой остановил пожарище – *огнь, устыдился молитвы святаго, угасающи* [ЖтКБ: 168]. Этот вид чуда уникален: в рассматриваемых житиях подобных рассказов больше не встречается. Характерно, что объяснение этому факту обнаруживается в самом тексте. Во фрагменте жития, повествующем о служении Кирилла в Симоновом монастыре, перечисляются его обязанности в обители. Сначала он работал в пекарне, затем в поварне: *Таже посылаем бывает въ магерницу, сиречь в поварню, и тамо болми въздержашеся, в памяти всегда имѣа огня неугасимаго и вѣчнаго мучения, ядовитаго червиа. И на огнь часто взирая, глаголаше к себѣ: «Терпи, Кирилле, огнь сѣи, да сим огнем тамошняго възможеши избѣжати». И оттого толико умиление дарова ему Богъ, яко ни самого того хлѣба могущу ему без слезъ вкусити или слова проглаголати* [ЖтКБ:

144]. На наш взгляд, именно этот момент жития является ключевым для понимания неувязимости Кирилла перед огнем: Бог за честные труды и самозабвенную веру еще при жизни избавил святого от «огненной кары» и наделил его силой усмирять огонь, который в житийном контексте также является символом адского мучения грешников и преодоления земных искушений.

Таким образом, в житии Кирилла Белозерского представлены рассказы всех девяти регулярных тем, а также один индивидуальный рассказ – в общей сложности десять тем: «изгнание бесов», «оживление», «исцеление», «исполнение просимого», «материализация необходимого», «наказание», «видение», «защита», «благоухание» и «тушение огня». Показательно, что количество рассказов в тематических группах, для которых характерно обращение нуждающихся в помощи к святому и его активные действия для разрешения проблемной «ситуации», а именно «исцеление» и «исполнение просимого», в этом житии возрастает, а святой выступает «субъектом» чуда уже в половине рассказов [Рогожникова, Хоменко 2021]. Вместе с этим расширяются пространственные границы чудотворения, в которых происходят чудесные события, разнообразнее и герои – «объектами» чудес, кроме святого и братии, становятся князья, бояре, бесчинные миряне.

2.2. Анализ жанровой природы рассказов о прижизненном чуде на основе коммуникативно-прагматических параметров

Выделенный в первой главе настоящего исследования на основе внутритекстовой коммуникации комплекс коммуникативно-прагматических параметров позволяет раскрыть жанровую специфику рассказов о прижизненных чудесах. В качестве исследовательского инструментария в рамках нашей работы изначально были выделены восемь параметров (или конститутивных элементов): «объект», «субъект», «ситуация», «чудесное событие», «коммуникативные условия», «коммуникативная цель», «средство свершения» и «свидетель» чуда [Рогожникова, Хоменко 2020]. Предварительно необходимо уточнить, что в ходе анализа материала на указанном основании эвристически значимым явилось

объединение параметров «коммуникативные условия» и «коммуникативная цель» в один – «коммуникацию».

Базовыми для рассматриваемой жанровой формы являются параметры «субъект», «объект», «ситуация» и «чудесное событие». «Коммуникация» так или иначе присутствует во всех рассказах, а параметры «средство свершения» и «свидетель» являются дополнительными, при этом последний реализуется достаточно редко.

Рассмотрим каждый из означенных жанровых параметров в отдельности.

1. «Объект» чуда. «Объектом» выступает тот или то, в отношении кого или чего происходит чудо. В результате анализа выделены четыре типа «объекта»: человек (мирянин, инок, сам святой), вещество (мука, вино) или предмет (деньги, туша зверя), населенное замкнутое пространство (монастырь, келья) и стихии (огонь, вода). Тип «объекта» зависит от тематики рассказа и в некоторых видах чудес может быть двойным (например, в одном из рассказов о «наказании» «объектами» выступают человек и вещество). Если чудо какого-то из видов может происходить с «объектами» разных типов, то выделяются внутривидовые вариации, например, «изгнание бесов из человека» и «изгнание бесов из пространства» или «материализация человека» и «материализация вещества». В Таблице 2 представлено соотношение типов «объекта» с видами чудес.

Таблица 2 – Соотношение типов «объекта» и видов чудес

Вид (тема)	Тип «объекта»			
	Человек	Пространст во	Вещество / предмет	Стихия
1. Изгнание бесов	+	+	-	-
2. Оживление	+	-	-	-
3. Исцеление	+	-	-	-
4. Исполнение просимого	+	-	-	+

5. Материализация необходимого	+	-	+	-
6. Наказание	+	-	+	-
7. Видение	+	-	-	-
8. Защита	+	+	-	-
9. Благоухание	+	-	-	-
10. Крик младенца	+	-	-	-
11. Освоение грамоты	+	-	-	-
12. Изведение источника	-	-	-	+
13. Тушение огня	-	-	-	+

«Объект» оказывается в некоторой ситуации, которая требует вмешательства высших сил или делает его возможным. В отношении «объекта» свершается чудесное событие, в результате которого либо происходит изменение в состоянии «объекта»: 1) качественное («изгнание бесов», «исцеление», «оживление», «наказание», «исполнение просимого»), 2) количественное («материализация необходимого»); либо «объект» оказывается вовлеченным в некоторое темпорально ограниченное явление, становясь субъектом его чувственного восприятия («видение», «защита», «благоухание»).

В подавляющей части изучаемых текстов «объект» обращается к «субъекту» чуда с определенной целью. В рассказах об «оживлении», «исцелении», «изгнании бесов», «исполнение просимого» и «материализации необходимого», в которых «объект» является недееспособным или неодушевленным, вместо него в коммуникацию с «субъектом» вступает представитель «объекта» – родственник, знакомый или слуга, а также сторонний наблюдатель проблемных обстоятельств, хранитель вещества или заведующий некоторым подразделением монастыря, а также владелец определенного помещения или вещества/предмета. Так, в рамках параметра «объект» рассматривается также его посредник, который вместо

«объекта» обращается к «субъекту» чуда за помощью [Рогожникова, Хоменко 2020].

В характеристике «объекта» отражается представление о том, что является, с одной стороны, праведным и поощряется святым и высшими силами с помощью спасительного чуда, или о том, что считается грехом и богохульством, – в таком случае «объект» испытывает на себе божий гнев, который проявляется в наказании или безрезультатности действий, неугодных Богу:

– положительная характеристика: *единь нѣкто чьрноризьць, сантьмь прозвутерь, имьньмь Дамиань, иже рвьннемь подражааше житию и смьтрению преподобнааго своего отьца Феодосия. О немь же мнози свьдѣтельствоуют о добръмь его смьтрению и о житии и послушании и еже къ вьсьмь покорение сътяжа [ЖтФП: 396]; нѣкий христолюбець, живый въ предѣлах монастыря оного, имѣя вѣру велию къ святому Сергию [ЖтСР: 348]; Бяше убо благочестивый князь Петрь, сынъ великаго князя Димитрея Ивановичя, бяше же у него княгини Евфросиния именованем. Бяху живуще въ всякомь благочестии и любви <...> Имяху же велику вѣру къ святому и достословущему тогда блаженному Кирилу игумену [ЖтКБ: 178];*

– отрицательная характеристика: *разбойници <...> зѣлиши ти человекъци [ЖтФП: 398], Нѣкий человекъ живяше близ обители святаго, имѣя нравъ лихоимства, якоже есть и донынѣ обычай силным убогихъ обидѣти [ЖтСР: 384], бяше ту нѣкий мирянин, из града пришедше, иже видѣвъ святаго, скоро с честным крестом грядуща, яко посмияваяся святому бяше [ЖтКБ: 168].*

2. «Ситуация». «Ситуация» в рамках настоящего исследования понимается как совокупность условий и обстоятельств, в которых оказывается «объект», вызывающих вмешательство высших сил в материальный мир. Этот параметр проявляется в экспозиции рассказа, а также знаменует собой начало повествования о новом чуде в поличудесных рассказах.

«Ситуации» подразделяются нами на проблемные и неproblemные, что обуславливает вид вызываемого ими чуда, или же – что также справедливо – тема чудесного рассказа подразумевает конкретный тип этого параметра. Так,

например, для «материализации необходимого», «исцелений», «наказаний» характерна проблемная «ситуация» – она получает разрешение в «чудесном событии», а «видениям» и «благоуханию» свойственна непроблемная «ситуация» – она является основой для чудес данных видов, формирует благоприятные условия для проявления высших сил в мире людей.

В ходе исследования нами выделены три типа проблемной «ситуация»: проблема, возникающая естественным образом; проблема, возникающая из-за противоречия; проблема от безверия.

1. Естественная проблема, возникающая по независимым от «объекта» причинам, имеет место в рассказах об «изгнании бесов», «исполнении просимого», о «защите», в рассказе об «освоении грамоты» святым Сергием и о «тушении огня» святым Кириллом, а также в части рассказов об «исцелении» и «материализации необходимого». Важно, что в таком случае одушевленный «объект» является богопослушным и заслуживает быть избавленным от имеющейся проблемы или же становится таковым в результате раскаяния, а над неодушевленным «объектом» не производится никаких небогоугодных действий. Для рассказов с таким типом проблемной «ситуации» характерно наличие лишь одного неудовлетворяющего обстоятельства.

2. Проблема от противоречия возникает тогда, когда реальное действие или бездействие «объекта» или его посредника противоречит идеальному намерению, когда результат не соответствует замыслу. Примерами могут служить рассказы об «оживлении», часть рассказов о «материализации необходимого», «наказании», «исцелении» и «видении», а также об «изведении источника» святым Сергием. Проблема от противоречия подразумевает наличие двух компонентов ситуации – цели «объекта» или его посредника и описания причин невозможности достижения цели. Последнее усугубляет проблемную «ситуацию» или делает ее таковой.

В чудесных рассказах с таким типом «ситуации» выявлены три типа противоречий: 1) «объект» или посредник не успел до определенного времени получить желаемое («оживление»); 2) посредник «объекта» нарушает указание

или обет; 3) имеется недостаточное, по представлению героев, количество «объекта»-вещества («материализация необходимого»).

3. Проблема от безверия характерна для «наказаний» и «исцелений», связанных с «наказанием». В такой ситуации «объект» или «свидетель» не верит в святость и силу «субъекта»-святого или же умаляется в вере, если «субъектом» выступают высшие силы.

«Ситуация» обуславливает цель чуда в отношении «объекта»: вспомогательная и наказующая – для проблемных рассказов, информирующе-указующая – для непроблемных рассказов. Этим же параметром определяется структура чудесного рассказа, которая, что закономерно, может быть двух типов. Подробнее об этом речь пойдет в следующем разделе.

3. «Субъект» чуда. Параметр «субъект» обозначает того, по чьей воле или благодаря чьим усилиям происходит чудо. «Субъектом» могут быть высшие силы – Бог, Богородица, ангелы – или, по благословению свыше, святой. Святой является проводником божьей воли на земле и наделен даром чудотворения, поэтому *по его словеси* или благодаря его авторитету в мире профанном творится чудо.

Параметр «субъект» чуда характеризуется «ролевыми» коммуникативно-прагматическими индикаторами: это тот, 1) к кому обращаются за помощью в рассказах с проблемной «ситуацией»; 2) кто совершает необходимые для чуда действия или передает нуждающемуся «объекту» средства для этого; 3) кто явился в видении; 4) кто отмечается в благодарственных формулах. Кроме того, «субъект» чуда имеет жанрово-стилистические индикаторы – «субъектные» языковые формулы [Рогожникова, Хоменко 2021]. Они будут рассмотрены в разделе 2.4.

На основе этих показателей мы выявили два типа параметра «субъект», в каждом из которых выделяется по два подтипа: 1) святой: а) непосредственно святой – в тексте представлено обращение «объекта» к святому за помощью, описаны действия святого, нет вмешательства и упоминания высших сил; б) святой с божьей помощью – в тексте представлено обращение «объекта» за

помощью к святому, за благословением, описаны действия последнего, направленные на осуществление чуда, при этом указывается, что чудо совершается с помощью Бога, Богородицы, Иисуса, или же в тексте присутствует формула благодарности высшим силам и святому; 2) высшие силы: а) исключительно высшие силы – в тексте представлено обращение к ним «объекта», но не обязательно за помощью; чудо может происходить без иницирующих обстоятельств, само собой; возможно отсутствие какого-либо упоминания о «субъекте» – в случае имплицитности «субъекта» представляется закономерным исключить возможность исполнения роли чудотворца святым; присутствует формула прославления «субъекта», при этом отсутствует упоминание святого в качестве инициатора чуда; б) высшие силы при косвенном участии святого – в тексте представлено обращение «объекта» к святому за помощью, святой молится или наставляет инок в вере и обещает разрешение проблемы, в текстах в качестве «субъекта» указаны высшие силы либо «субъект» выражен имплицитно [Рогожникова, Хоменко 2021].

Показательно, что для определенных тематических видов чудес возможен конкретный тип «субъекта». Так, «видения», «наказания» и «благоухание» осуществляются исключительно высшими силами, «защита» также проистекает от них – святой может быть причастен к этому тематическому виду чуда лишь постольку, поскольку заслужил покровительство небес, благодаря чему собственно и происходит чудо. Данное умозаключение позволяет сделать вывод о том, что в житиях, в состав которых входит большое количество рассказов указанных тематических видов, роль святого в прижизненном чудотворении ниже, чем в житиях, в которых широко представлены другие виды чудес. По нашему мнению, рост числа чудес, творимых святым, свидетельствует о том, что агиографы не только освоили данную жанровую форму, но и смогли творчески ее переосмыслить и развить в качестве образца к концу XV в.

Распределение типов «субъекта» в рассказах регулярных видов чудес представлено в Таблице 3. В рассказах об «изведении источника» и «освоении грамоты» «субъектом» выступает «святой с божьей помощью», в рассказе о

«тушении огня» – «непосредственно святой», в рассказе о «крике младенца в утробе» – высшие силы. Количественное распределение рассказов с разными типами и подтипами «субъекта» продемонстрировано в Таблице 4.

Таблица 3 – Типы «субъекта» в рассказах регулярных видов чудес

Вид (тема)	Святой непосредственно	Святой с божьей помощью	Высшие силы при косвенном участии святого	Высшие силы
1. Изгнание бесов	3	2	-	-
2. Оживление	-	2	-	-
3. Исцеление	2	8	-	1
4. Исполнение просимого	1	3	-	1
5. Материализация необходимого	-	-	9	3
6. Наказание	-	-	-	5
7. Видение	-	-	-	17
8. Защита	-	-	2	4
9. Благоухание	-	-	-	3

Таблица 4 – Распределение типов и подтипов «субъекта» в чудесных рассказах

Тип «субъекта»	Подтип	ЖтФП	ЖтСР	ЖтКБ
святой	святой непосредственно	3	1	3
	святой с божьей помощью	-	5	12
высшие силы	высшие силы при косвенном участии святого	9	-	2
	высшие силы	9	12	14

В характеристике «субъекта» отражаются коммуникативные интенции жанра, связанные с образом святого: *Азь же, грѣшый, како могу обѣщникъ Милостива же она душа, имѣа утѣшение въ скръбѣх, заступаа нищих, помогаа убогимъ* [ЖтСР: 384]; *начат Афанасию сказывати о святемъ Кирилѣ – колика исцѣления даруетъ Богъ вѣмъ приходящимъ его ради <...> Никто же бо не бысть тощъ надежди, о немъже онъ помолися* [ЖтКБ: 172]. Святой предстает в чудесных рассказах старательным послушником, мудрым учителем и соратником, добросердечным и готовым к прощению и помощи старцем, его чудодейственная сила свидетельствует о Божьем покровительстве святому. При этом Феодосий Печерский в рассказах предстает скромным, умаляя свои заслуги перед Богом, а Сергей Радонежский просит ставших свидетелями чуда сохранить увиденное в тайне. В житии Кирилла Белозерского нами не выделены аналогичные особенности, индивидуализирующие героя жития.

4. «Чудесное событие», или собственно «чудо». В качестве «чуда» рассматривается: а) событие сверхъестественного порядка, разрешающее проблемную «ситуацию», в которой оказывается «объект» или которая складывается в связи с состоянием «объекта», – «положительное», или прямое чудо; б) событие сверхъестественного порядка, возникающее в непроблемной «ситуации», во время которого высшие силы проявляют себя перед человеком в виде, доступном для его чувственного восприятия, – «нейтральное» чудо («видение» и «благоухание»); в) событие сверхъестественного порядка, создающее проблемную «ситуацию» для «объекта» или его обладателя, – «отрицательное», или обратное чудо («наказание» и «защита» (при двойном «объекте» относительно того из них, который производит небогоугодные действия в сторону второго – праведного)).

«Чудесные события» можно описать и классифицировать по их качеству (события, явления, знамения), характеру (преобразовательное, коммуникативное, демонстративное), функции (помощь в разрешении или избежании проблемной «ситуации», сообщение информации и побуждение к действию, указание на богоугодное или небогоугодное), а также по условиям их свершения (с участием /

без участия святого, однократное / многократное / стадийное, происходящее в сфере реального / ментального / иррационального).

Этот жанровый параметр характеризуется наибольшей вариативностью реализаций и репрезентирующих их языковых средств, что обусловлено видо-тематической классификацией прижизненных чудес. Типовые репрезентации данного параметра для каждого из видов будут рассмотрены в следующем разделе.

5. «Коммуникация». В ходе анализа выделены два вида этого параметра: предчудесная и постчудесная «коммуникация». Как явствует из названий, предчудесная «коммуникация» имеет место до свершения чуда, а постчудесная – после свершения чуда. Эти два вида различаются не только на основании их временного следования, но и в связи с их целью: в предчудесной «коммуникация» один герой рассказа обращается к другому, чтобы побудить второго к целевому действию, обусловленному видом чуда; в постчудесной «коммуникация» один герой обращается к другому, чтобы сообщить ему об увиденном чуде и его последствиях.

Предчудесная «коммуникация» в текстах рассказов предшествует описанию чуда и имеет место:

1) в рассказах о прижизненном чуде с непроблемной «ситуацией», когда святой обращается к высшим силам в молитве, прося о поддержке и благополучии в будущем, но не ожидает немедленного ответа от «субъекта»;

2) в рассказах о прижизненном чуде с проблемной «ситуацией», когда «объект», или нуждающийся, обращается к «субъекту» за необходимой в настоящий момент помощью. Обращение «объекта» к «субъекту» может облекаться в различные речевые жанры, но по своей сути всегда является просьбой. Цель этой просьбы – побудить «субъекта» к действиям, которые повлекут за собой разрешение проблемной «ситуации». Если «объект» достоин избавления от тягот, то «субъект» предпринимает необходимые действия, после чего совершается чудо. «Объектом» чуда могут выступать люди (миряне, иноки, святой), вещества и предметы, пространства и стихии. Если «объект» является

неодушевленным или одушевленным, но недееспособным, вместо него к «субъекту» обращается посредник [Рогожникова, Хоменко 2020].

В некоторых рассказах о прижизненном чуде после обращения «объекта» за помощью «субъект» сразу же производит побуждаемое действие, и совершается чудо: *старгъй пекущимъ, шьдъ, съповѣда блаженууму Феодосию пакости нечистыхъ бѣсовъ. То же съ уповая, яко възять власть на нихъ отъ Бога, въставъ вечеръ и иде въ храмъ тъ, и затворивъ дѣври о себе, ту же пребысть въ немъ до утрня, молитвы творя. Якоже отъ того часа не явится бѣсомъ на томъ мѣстѣ, ни пакости никоеяже творити имъ, запрещениемъ преподобнааго и молитвою* [ЖтФП: 382].

Однако в других рассказах о прижизненных чудесах «субъект» вступает в беседу с «объектом» и уже после этого выполняет (или не выполняет) его просьбу (если «объект» не достоин избавления от тягот): *нѣкый человекъ <...> Павелъ именемъ, моляше святаго о человекѣ нѣкоем, глаголя, яко: «Болѣзнь люту имат, но помолися о нем, яко да болѣзнь премѣнится». Святый же не токмо не послуша того Павла, но паче не повелъ оному человекѣ болящему ни в манастырь принестися <...> И приходитъ къ святому, и възвѣщааетъ о человекѣ, вкупѣ же и молит его, да помолится о нем. Преподобный же отвѣща: «Вѣруй ми, чадо, яко та болѣзнь не от прилучая прииде ему, но заеже прелюбодѣйствова сиа стражеть. Но аще обѣщается престати от грѣха, вѣрую Богови и Пречистгъй Его Матери, яко исцѣлѣеть. Аще ли же не тако, и горшая сихъ постражеть»* [ЖтКБ: 186]. Этот пример наглядно демонстрирует, как в прижизненных чудесах эксплицируются жанровые интенции. Отказывая в помощи, запрещая являться в обитель, обличая, предупреждая и страшая больного, святой – а вместе с ним и агиограф – дает понять, что мужчина недостоин чудесной помощи, а значит, его образ поведения является неподобающим для богопослушного христианина. В подобных рассказах поучительное начало выражено наиболее явно.

В связи с этим видится целесообразным различать «коммуникацию» иницирующую и ответную: первая исходит от инициатора общения (отметим,

что им может быть как «объект», так и «субъект»), а ответная «коммуникация» следует за инициирующей и исходит от ее адресата. Адресантом ответной «коммуникации» может быть только «субъект». Ответная «коммуникация» находится в одном ряду с побуждаемым действием, т. е. инициирующая «коммуникация» может вызвать ответную, а может побудить адресата к действию – осуществлению того, о чем просится (исцеление недужного, исполнение просимого, обрамление иконы и т. п.) [Рогожникова, Хоменко 2020].

Подчеркнем, что вне зависимости от речевого оформления обращения «объекта» к «субъекту» в самом рассказе, общей целью инициирующей коммуникации является просьба о помощи.

По своей природе «коммуникация» в чудесном рассказе может быть вербальной и невербальной. Вербальная «коммуникация» характерна для большинства рассказов о прижизненных чудесах, в которых имеется предчудесная коммуникация: в них «объект» обращается к «субъекту» (или наоборот) в словесной форме. Вербальная «коммуникация» исходит как от «объекта», так и от «субъекта» [Рогожникова, Хоменко 2020].

Иначе обстоит дело с невербальной коммуникацией «объекта» с «субъектом», описанной в чудесном рассказе. Она также бывает инициирующей и ответной. Однако невербальная инициирующая «коммуникация» исходит только от «объекта» и встречается в тестах, в которых «субъектом» является святой. Святой понимает намерение обращающегося к нему «объекта» (или посредника) по его поведению или благодаря дару провидения, при этом «объект»/посредник в словесной форме ничего не сообщает святому: *Мразь же зълный тогда бяше, и сего ради предреченный боляринъ не смѣяше внити в воду. Святый же рече: «Не бойся, но дръзай!» И абие вшешу ему в воду, и вода на теплоту преложися молитвами святаго* [ЖТКБ: 176]; *посылаеть нѣкая два от боляръ своих ити къ святому и молити его, яко да помолить Бога и разрѣшитъ их неплодства. Святому же яко прозорливу и се паче не утаися. Яко приидоша от князя Михаила посланнии, и не поспѣвшимъ им от князя посланна вдати, и рече имъ блаженный: «Понеже, чада, <...> труд вашъ не въще будетъ. Князю же вашему*

дасть Богъ плод дѣтородиа». Они же начаша дивитися, како се увѣдѣ, о немже они приидоша суть [ЖтКБ: 168].

Ответная невербальная «коммуникация» исходит только от «высших сил» и обычно сопровождает вербальную. «Коммуникация», источником которой выступают высшие силы, становится «собственно чудом»: вербальная «коммуникация» – это аудиальное явление, а невербальная – визуальное или обоняемое, а также изменение состояния предметов/веществ. Такое положение свойственно рассказам определенной тематики: «наказанию», «видению», «защите», «благоуханию». В этих рассказах мы рассматриваем уже не «коммуникацию» с ее целями и условиями, а «чудо», которое совершается с определенной целью: *слышит гласъ глаголющъ: «Кириле, изыде отсюда и иди на Бѣло езеро, тамо бо уготовахъ ти мѣсто, в немже можеша спастися». И абие съ гласом онгъмъ свѣтъ велий явися тогда. Отворивъ же оконце кѣли, видит свѣтъ, сияющъ къ полунощнымъ странамъ Бѣлаго езера. И гласом онгъмъ, яко перстомъ, показаше мѣсто то, идѣже и нынѣ монастырь стоит [ЖтКБ: 148].*

Следует отметить и такие прижизненные чудеса, в которых невозможно установить, была ли «коммуникация» вербальной или невербальной. Показателен в этом отношении отрывок из жития Кирилла Белозерского: *Приведоша челоувѣка нѣкоего къ святому, Феодора именемъ, злѣ стражуща от нечистаго бѣса. Святый же начятъ Бога молити и Пречистую Его Матерь о злостражущемъ Феодоре [ЖтКБ: 166].* В этом рассказе ситуация общения может быть смоделирована лишь гипотетически. В некоторых рассказах ситуация предчудесного общения не прописана подробно, а лишь обозначена: 1) *Помысли строитель църквѣвный въ стѣмени ляннѣмъ избити масла, и то, въливъше въ кандила, въжещи. И въпросивъ о томъ блаженаго Феодосия, и оному повелѣвшю сътворити тако, якоже помысли [ЖтФП: 410]; Глас же таковъ испущаше, яко мнѣти распадутися ему, тѣмъ и въ монастыри воплю и кричанию слышатися. Възвѣстиша же святому; блаженный же повелѣ въ било ударити, и братии же съшедшимся, начятъ пѣти молебень о болящемъ [ЖтСР: 352].*

К целям предчудесной «коммуникации» относятся:

- 1) со стороны «объекта» чуда и его посредника – просьба, сообщение о сложившемся проблемном обстоятельстве или демонстрация такого обстоятельства, исповедь, выражение веры, благодарности и признательности в молитве;
- 2) со стороны «субъекта» чуда – наставление, поучение, сообщение информации, побуждение к действиям, напоминание об обете, ободрение, обещание, испытание, отказ.

В качестве условий предчудесной «коммуникации» можно назвать два:

- 1) передача информации лично или через посредника;
- 2) вербальная и невербальная форма коммуникации.

Постчудесная «коммуникация» в текстах рассказов следует за описанием чудесного события и носит характер свидетельства. Обычно инициатором постчудесной «коммуникации» выступает «объект» или «свидетель чуда», а ее адресатом чаще всего является святой, инок или вся братия, однако встречаются и исключения.

Среди целей постчудесной «коммуникации» выделяются:

- 1) со стороны «объекта» чуда и его посредника – сообщение о чуде, дознание и сверка информации, раскаяние, благодарность, просьба;
- 2) со стороны «субъекта» чуда – запрет на распространение информации о чуде, поучение, повеление.

Условия постчудесной «коммуникации» в целом совпадают с условиями предчудесной, однако для первой возможна только вербальная форма.

Постчудесная «коммуникация», как и предчудесная, может быть иницирующей и ответной. Однако важнейшим и определяющим показателем для постчудесной «коммуникации» все-таки остается вид чудесного события, за которым она следует. Так, например, «исполнение просимого» и «исцеления» сопровождаются благодарностью, за «видениями» и «материализацией необходимого» могут следовать просьбы преподобного никому не раскрывать таинство произошедшего чуда. В постчудесной «коммуникации» еще раз

утверждается всемогущество святого и его избранность, а также благоволение ему свыше.

В рассказе о прижизненном чуде определяются два иерархических направления «коммуникации»:

1) направление снизу вверх: святой обращается к высшим силам; инок, священник или братия обращаются к высшим силам; инок, священник или братия обращаются к святому; мирянин обращается к святому; мирянин обращается к кому-то из братии;

2) направление сверху вниз: высшие силы обращаются к святому, иноку, священнику, братии или мирянам; святой обращается к иноку, священнику, братии или мирянам.

Как правило, миряне не могут без посредника обратиться к высшим силам за помощью. Отметим, что в качестве исключения такое непосредственно обращение встречается лишь в одном рассказе из ЖтКБ, в котором боярин сам молил Богородицу об исцелении.

Бог творит чудеса через своего угодника и ради него, поэтому нуждающиеся обращаются к святому, надеясь, что Бог смилуется над ними, если за них попросит святой, – обращение за помощью к святому представляется более эффективным, чем обращение за помощью к Богу. Поэтому в отношении всех рассказов, в которых «средством чуда» выступает молитва, можно говорить о двойной или двухступенчатой коммуникации: сначала нуждающийся просит святого, затем святой просит Бога. Однако «объектом» чуда остается только нуждающийся.

6. «Средство свершения» чуда. «Средством» является то, с помощью чего «субъект» осуществляет чудо: предмет, вещество, словесная формула, жест, ритуал, человек, другое чудо. Содержание этого параметра определяется спецификой «субъекта»:

1) «субъект» – святой. Для свершения чуда он может использовать или передавать «объекту» ритуальные предметы и вещества (крест, святую воду, хлеб или просфору); может производить действия (чтение молитвы, осенение

крестным знаменем, окропление святой водой, прикосновение к недужному); «средством» также могут служить обещание или предсказание святого, испытание недужного, а также общий молебен и пост;

2) «субъект» – высшие силы. Чудо может происходить посредством прямого преобразовательного воздействия на «объект», посредством другого чуда (например, излечение в видении), а также в рассказах о «материализации необходимого» путем побуждения постороннего человека к пожертвованию для братии: *И се прѣжсереченый онъ боляринъ, Богу ему възложьшию на умъ, се бо напълнивь три возы брашна: хлѣбъ, и сыръ, и рыбъ, сочиво же и пшено, еще же и медъ, и то посла къ блаженому въ манастырь* [ЖтФП: 406].

В зависимости от «субъекта» в рассказах может встречаться одно или несколько «средств», возможно также и отсутствие каких-либо «средств».

7. «Свидетель» чуда. В рамках исследования параметр «свидетель» подразумевает человека, оценивающего «чудесное событие» как выходящее за грани возможного в его восприятии, следовательно, признающего его именно чудом. «Свидетель» эксплицирован в тексте – в виде указания на то, кто наблюдал чудо и в каком состоянии он пребывал по его свершении (удивление, страх). В других случаях «свидетель» может присутствовать имплицитно и выявляться из всего контекста жития. По этому основанию чудесные рассказы можно классифицировать следующим образом:

1) «свидетелем» может выступать посредник или сторонние наблюдатели, т. е. человек или небольшая группа лиц, не являющихся «субъектом» или «объектом» (примерно до 4 человек), но оказавшихся рядом с ними в момент чуда; 2) «свидетель» совпадает с «объектом» и/или «субъектом»; 3) окружающие, т. е. большая группа лиц, в присутствии которых совершилось чудо или которым были посланы явления различной природы (массовые видения, благоухание), – обычно такой вид «свидетеля» выражен имплицитно.

Как показывает анализ материала, для тематических видов рассказов характерна вариативность комбинаций жанровых параметров, их композиционных и языковых репрезентаций. Так, реализацией параметра «средство свершения»

чуда в текстах об «исцелениях» может быть молитва, крестное знамение, окропление освященной водой и др., в каждом рассказе они получают конкретное языковое воплощение. В рассказах об «исполнении просимого» этот параметр может отсутствовать, а о наказании и «благоухании» – вовсе не предусматривается.

Результаты исследования прижизненных чудес в составе житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского наглядно представлены в виде девяти коммуникативно-прагматических моделей тематических вариантов рассказа о прижизненном чуде, которые в каждом конкретном тексте характеризуются вариативными тематическими реализациями (см. Приложение).

2.3. Композиционно-смысловая структура рассказа о прижизненном чуде

Исследуемая жанровая форма обладает особой структурой, которая также выступает в качестве жанрообразующего признака рассказа о чудесах.

Структура прижизненных чудес, как было отмечено ранее, зависит от типа «ситуации», в которой оказывается «объект». В соответствии с выделенными двумя типами «ситуации» – проблемной и непроблемной – можно обозначить два типа структуры чудесного рассказа. В результате анализа рассказов о прижизненных чудесах в составе рассматриваемых в этой главе житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского выявлено, что проблемная «ситуация» характерна для рассказов регулярных видов «изгнание бесов», «оживление», «исцеление», «исполнение просимого», «материализация необходимого», «наказание» и «защита», а также для рассказов об «освоении грамоты», «изведении источника» и «тушении огня»; непроблемная «ситуация» встречается только в «видениях» и «благоухании», а также в рассказе о «крике младенца в утробе». Следовательно, рассказам первой группы свойственна структура одного типа, рассказам второй группы – другого типа [Хоменко 2022]. Рассмотрим каждый тип смысловой структуры и композиции чудесного рассказа в отдельности.

1. В структуре рассказа с проблемной «ситуацией» выделяется до пяти смысловых компонентов, что коррелирует с композицией любого нарратива: 1) исходная точка, в которой обозначается «объект» и описывается проблемная «ситуация»; 2) обращение «объекта» к «субъекту» с просьбой – предчудесная «коммуникация»; 3) «собственно чудесное событие»; 4) описание постчудесных событий и состояний; 5) завершение рассказа. В зависимости от тематики и содержания чудесный рассказ с проблемной ситуацией может иметь трех-, четырех- или пятикомпонентную структуру. Вариативность компонентов представлена следующим образом: 1) отсутствие предчудесной «коммуникации» и, соответственно, второго компонента; 2) объединение первой и второй частей (проблемная «ситуация» и «объект» обозначаются в «коммуникации» (особенно это характерно для рассказов о «материализации необходимого»)); 3) слияние четвертой и пятой частей. Слияние в случаях 2) и 3) имеет место в единичных рассказах.

В каждой из частей выявляется соответствующий жанровый параметр: в первой части, как уже было сказано, обозначаются «объект» и проблемная «ситуация»; во второй, если она выделяется как самостоятельная, обозначается «субъект», сообщается об условиях и целях «коммуникации»; в третьей представлены «средство свершения» и само «чудесное событие»; в четвертой обозначается «свидетель» (при его наличии) и постчудесная «коммуникация», а также описывается результат и следствия чуда; пятая часть имеет формульный характер, в ней еще раз упоминается «субъект» чуда.

При этом части структуры могут быть развернуты в разной степени: если в каждой из частей рассказа реализуются только жанровые параметры, то они являются свернутыми и сообщают минимально необходимую информацию; если же в частях структуры рассказа присутствуют описания и подробности, т. е. дополнительная информация, раскрывающая особенности героев, действий и событий, в таком случае рассказы имеют больший объем и более сложное содержание [Хоменко 2022]. В связи с этим можно представить минимальную и расширенную структурную схемы рассказа о прижизненном чуде с проблемной

«ситуацией» (в квадратных скобках обозначены те части или элементы, которые могут отсутствовать):

1. Минимальная структурная схема:

- 1) «объект» – проблемная «ситуация»;
- 2) [«субъект» – «коммуникация»];
- 3) «субъект» – «средство свершения» – «чудесное событие»;
- 4) окончание истории или конечная формула.

Приведем примеры таких текстов (цифрами в скобках обозначены номера элементов приведенной выше схемы): 1) *Понашающа мирянина (1) гнѣвъ Божий постиже: вси бо уди тѣла его разслабѣшася (3)* [ЖтКБ: 168]; 2) *Прииде же княгини Иванова Карголомьская слѣпа и не видящи на много время (1) и молитъ святаго еже помолитися о ней (2). Святый же елико мощно помолися о ней и священною водою покropи тоя очи. И абие прозрѣ и бысть здрава, якоже и пръвѣе (3), славу въздая Богови и того угоднику блаженому Кирилу (4)* [ЖтКБ: 176].

2. Расширенная структурная схема:

1) а) начальная формула; «объект», его характеристика; б) проблемная «ситуация», описание и подробности (н-р, поведение бесноватого); в) отягчающие обстоятельства (объект не успел прийти в обитель к определенному времени); г) советы, размышления и решения «объекта» или посредника, его надежды и обещания (обещание боярина оковать икону по возвращении из битвы);

2) а) «субъект»; б) «коммуникация» в одном или нескольких актах; в) поучение или наставление святым «объекта» или «посредника»;

3) а) описание «средств» и предпринимаемых для свершения чуда действий; б) описание «чудесного события»: где, когда и как произошло;

4) а) обозначение «свидетеля»; б) постчудесная «коммуникация»; в) результаты и следствия чуда («объект» решает постричься в монахи);

5) в конце рассказа может содержаться: а) завершение истории (человек выздоровел и покидает обитель); б) благодарственная, похвальная или субъектная формула; в) информация о том, кто сообщил писцу о чуде.

В чистом виде обе структуры представлены редко, в основном структуры рассказов по своей полноте стремятся от минимальной к развернутой [Хоменко 2022].

2. Структура рассказов с непроблемной «ситуацией» выглядит проще предыдущей. В ней выделяется всего три части: 1) исходная точка рассказа, в которой обозначается «объект» и «ситуация» – время и место, а также то, что происходит в этот момент; 2) «чудесное событие»: видение, благоухание или крик младенца; 3) обозначение «свидетеля» и его реакции на чудо, постчудесные события, завершающие рассказ, а также формульные составляющие. В рассказах о «благоухании» третья часть может отсутствовать. Вообще говоря, рассказы о «благоухании» являются типичными образцами реализации минимальной структурной схемы чудесного рассказа с непроблемной «ситуацией». В минимальной структурной схеме этого типа рассказов выделяются три части следующего содержания:

- 1) «объект» – «ситуация» [«коммуникация» в молитве];
- 2) «чудесное событие» [«субъект»];
- 3) окончание истории или конечная формула.

Примеры: 1) *Прилучиша бо ся нѣции ту в то врѣмя, яко въистину яко неложнии свѣдетелие, яко егда Сергей причащяся святых таинъ (1), тогда абие внезапу испльнися вся церкви она благоухания: не токмо въ церкви, но и окрестъ церкви обоняша воню благовонну (2). Вси видѣвшие и очютивше ю прославиша Бога, иже сице прославляющаго своа угодники (3) [ЖтСР: 294]; 2) *Въздвиже на небо руцѣ, молитву сътворивъ, чистую свою и священную душу съ молитвою Господеви предаст, в лѣто 6900-е месяца септевриа 25; живъ же преподобный лѣтъ 70 и 8 (1). Излия же ся тогда благоухание велие и неизреченно от телесе святого (2) [ЖтСР: 388]; 3) *И в самый убо тѣй час, вѣнже хотяше телеснаго съюза разручитися, святой пречистыгѣх и животворящих таинъ Христа Бога нашего причастився и пречистую свою трудолюбную душу мирно и тихо к Господу отдасть, еше молитвъ въ устѣхъ его суци (1). Отсуду же бѣше благоухание нѣкое встѣмъ слышатися (2) [ЖтКБ: 192].***

Первый текст имеет трехчастную структуру, а второй и третий – двухчастную (отсутствует последняя часть).

Расширенная структурная схема чудесных рассказов с непроблемной «ситуацией» имеет следующий вид:

1) а) начальная формула; б) обозначение и описание «объекта»; в) характеристика ситуации: время, место, окружение; г) «коммуникация» в молитве, молитва приводится развернуто или свернуто, могут быть обозначены только фрагменты молитвы или службы, после которых происходит чудо;

2) а) предупреждение небес о скором явлении высших сил или призыв «объекта»; б) «чудесное событие»: описание видения или явления высших сил; в) «коммуникация», исходящая от высших сил; г) возможна перемена места действия (святой выглядывает в окно или выходит из кельи в сени); д) обозначение «свидетеля»;

3) а) постчудесная «коммуникация»; б) описание состояния «объекта» и «свидетелей»; в) результаты чуда (выводы героев о том, что высшие силы вняли их мольбам); г) завершение истории; д) конечная формула.

Здесь приведен исчерпывающий набор возможных структурных составляющих, выявленных во всех текстах данной разновидности, однако ни один текст из рассматриваемых текстов не обнаруживает структурных элементов в полном виде. Обычно в рассказах о видениях встречается сочетание тех или иных элементов расширенной структурной схемы.

Важное отличие чудесных рассказов с непроблемной «ситуацией» (кроме «благоуханий») от чудес с проблемной «ситуацией» состоит в том, что видения всегда процессуальны, поэтому в рассказах о «видениях» описание «чудесного события» оказывается более обширным, чем в рассказах о чудесах других видов, которые по большей части происходят одновременно [Хоменко 2022].

Закономерно, что структура рассказов непосредственно связана с их размером: чем полнее и сложнее структура рассказа, тем он объемнее. В связи с этим чудесные рассказы ранжированы нами по вербальному наполнению:

1) короткие – до 100 слов;

- 2) средние – от 100 до 300 слов;
- 3) объемные – от 300 до 600 слов;
- 4) гиперобъемные – более 600 слов.

Определение размера рассказов позволяет ранжировать их также по структурно-семантическому принципу – по четырем структурно-семантическим типам:

1) элементарные чудесные рассказы – это, как правило, короткие тексты, в которых сюжет не имеет ответвлений, чудо не имеет последствий, а действия героев обрисованы схематично;

2) простые – короткие и средние тексты, в которых более подробно (по сравнению с элементарными текстами) описывается ситуация и действия героев, а у чуда могут быть последствия;

3) осложненные – средние, объемные и гиперобъемные тексты, имеющие сложную сюжетную организацию (ветвление сюжета, повторы, последствия событий), в них чудо может совершаться за счет другого чуда, а также для них характерно обилие подробностей и деталей, развернутые реплики героев;

4) комплексные – в основном гиперобъемные тексты, которые имеют развитый сюжет и повествуют о чередующихся чудесных событиях.

Рассказы о чудесах разных видов могут быть представлены в тексте жития изолированно, т. е. разделяться продолжительными отрезками повествования, посвященными другим событиям жизни святого, а могут следовать друг за другом, выделяясь в главы или же соседствуя непосредственно. Так, в одном композиционно завершенном фрагменте возможны рассказы как об одном чудесном событии, так и о нескольких, происходящих последовательно. Первые мы будем называть моночудесными рассказами, а вторые – поличудесными. Сопоставительный анализ позволил определить четыре типа структурно-семантических отношений между чудесами в поличудесных рассказах.

1. Самостоятельные, равноправные отношения чудес: в одном сюжете в границах общего начала и конца последовательно, не пересекаясь, описывается несколько чудес. Безусловно, нельзя говорить о полной независимости этих чудес друг от друга – наоборот, первое обуславливает второе, результат первого чуда становится исходной ситуацией для второго. Поэтому они и объединяются в один рассказ, однако в его рамках остаются двумя континуально не пересекающимися событиями и относятся к разным тематическим видам. Объединение в поличудесных рассказах происходит на основе наличия одного и того же героя. Как правило, общим является «объект» чуда или его «свидетель». Например, в поличудесном рассказе из ЖтКБ, который объединяет «тушение огня», «наказание» и «исцеление», таким «связующим звеном» будет мирянин, который в первом тексте был свидетелем того, как святой умирят огонь, и не верил в его могущество, во втором тексте был наказан за свое неверие и в третьем исцелен святым. Для рассказа из ЖтСР, повествующего о «наказании» и «исцелении», объединяющим началом является епископ из Константинополя, также не веривший в святость русского подвижника, за что в первом чуде он был наказан слепотой, а во втором – исцелен Сергием.

2. Комбинация основного и второстепенных чудес: в одном сюжете в границах общего начала и конца на протяжении одного чудесного рассказа происходит другое чудо, выделяемое в отдельный чудесный рассказ, т. е. второй чудесный рассказ начинается тогда, когда для первого уже обозначена проблемная «ситуация», и заканчивается тогда, когда она еще не решена – до свершения первого чуда. В таком случае первое чудо является основным, а все остальные, заключенные в его середине, являются второстепенными. В этой группе рассказов возможен переход элементов из текста в текст с изменением его смысловой роли в сюжете. Ярким примером таких отношений чудес в поличудесном рассказе являются комплексные рассказы о супружеских четах, которые не могли зачать детей (ЖтКБ). В них основное чудо относится к виду «исполнение просимого», а в качестве второстепенных выделяются «исцеление», «материализация необходимого», «видение».

3. Основное и факультативное / дополнительное чудо: в одном поличудесном рассказе первое чудо происходит в границах начала и конца, а второе, следующее за первым, начинается уже после конечной границы. В ЖтФП в поличудесном рассказе, в котором первое чудо относится к «материализации необходимого», келарь сначала обманывает игумена, говоря, что у него нет муки для особых хлебов, которые полагается печь в определенный день, после чего некто привозит целый воз таких хлебов – так разрешается проблемная «ситуация» первого чуда. Затем начинается второе чудо, в котором говорится, что келарь собирается печь обычные хлеба из муки, которая предназначалась на праздничные, и обнаруживает в ней жабу – это чудо относится к «наказаниям».

4. Основное и вспомогательное чудо: в одном рассказе в границах общего начала и конца после заявленной проблемной ситуации происходит чудо, не являющееся типичным для решения заданной проблемной «ситуации», но в результате которого эта «ситуация» разрешается, т. е. чудо, вид которого определяется в данном случае по типу проблемной «ситуации» (основное), совершается за счет чуда другого вида (вспомогательное). Это характерно для текстов о «защите», в качестве вспомогательного чуда в них выступает «видение». Вспомогательные чудеса не выделяются нами в отдельный рассказ и не рассматриваются при количественном учете, поскольку «чудесное событие» является общим для вспомогательного и основного чудес.

На основании выявления четырех типов структурно-семантических отношений рассказов определены три типа текстовых единиц в зависимости от порядка их следования в тексте жития и комбинирования в рамках одного рассказа: 1) моночудесные рассказы; 2) поличудесные рассказы, повествующие о ряде чудесных событий; 3) выделяемые в поличудесных рассказах самостоятельные, второстепенные, побочные и вспомогательные чудеса.

2.4. Жанрово-стилистические особенности прижизненных чудес

Стилистика жанра «рассказ о прижизненном чуде» формируется из совокупности лингвистических показателей, среди которых можно выделить языковые репрезентации коммуникативно-прагматических компонентов жанра, формульные составляющие с их языковыми репрезентантами, позволяющие идентифицировать рассказы в составе житий, и выразительно-изобразительные средства языка, воплощающие сущностную природу чуда и идею о нем.

2.4.1. Языковая репрезентация коммуникативно-прагматических компонентов в тексте рассказа о прижизненном чуде

«Объект»

При обозначении «объекта» чуда в рассказе дается его номинация и характеристика. Языковые структуры, называющие и описывающие объект, различаются в зависимости от того, одушевленным или неодушевленным он является. Остановимся подробнее на понятии «номинация».

Номинация – это обозначение чего-либо языковыми средствами. Обозначаемый референт может быть представлен в речи вариативными средствами необходимое количество раз. Номинации по последовательности их размещения в тексте могут быть первичными и вторичными [Матвеева 1990: 23]. Первичная номинация, как правило, является базовой, а остальные – дополнительными. Дополнительные номинация подразделяются на лексически новые (синонимы, гиперонимы и т. п.), трансформы (базовая номинация в преобразованном виде) и субституты (неполнозначные заменители – местоимения) [Там же: 22].

В рассказах о прижизненном чуде первичная номинация «объекта» состоит из собственно номинативной части, а также может включать в себя часть, которая описывает значимые для «ситуации» чуда признаки «объекта». В ряде текстов «объект» или «посредник» представлен только собственно номинативной частью, в других же текстах характеристика является неотъемлемой частью номинации.

Языковые конструкции, характеризующие «объект», в развернутом виде обозначаются только при первичной номинации, в дальнейшем же могут быть свернутыми или вообще отсутствовать. На основании данных наблюдений можно утверждать, что структуры, описывающие отличительные признаки «объекта», входят в состав первичной номинации наряду с собственно номинативным элементом. Таким образом, первичная номинация «объекта» имеет следующую структуру: «собственно номинативная часть + характеризующая часть». Характеристика при этом либо следует за номинативным комплексом, либо находится внутри него.

Для оптимальной демонстрации примеров опишем, во-первых, все типы характеристик, во-вторых, рассмотрим особенности номинативной части и примеры из текстов.

Итак, в рассказах о прижизненном чуде «объект» описывается соответствующими средствами по следующим признакам.

1. «Объект» одушевленный:

а) личностная характеристика, прямо или косвенно определяющая приверженность Богу, – прилагательные, причастия, причастные обороты и конструкции с оборотом «дательный самостоятельный»;

б) ситуативная проблема (обозначается недуг или небогоугодный замысел) – прилагательные, причастия, причастные обороты и конструкции с «дательным самостоятельным»;

в) пространственное расположение (далеко или близко от обители живет, в связи с этим – знает ли святого; где находится в момент описываемых событий) – причастные обороты, придаточные предложения;

2. «Объект» неодушевленный:

а) предназначение или способ применения – придаточные предложения;

б) наличие и количество вещества – числительные и существительные с семантикой единиц измерения;

в) качество вещества – прилагательные и описательные конструкции;

г) интенсивность – прилагательные.

Одушевленным «объектом», равно как и «посредником» неодушевленного, является человек, поэтому для них характерны одинаковые номинативные структуры.

Результатом анализа номинативных структур, обозначающих человека, стали выделенные нами три типа первичных и пять типов вторичных номинаций.

Первичные номинации

1. Структура с неопределенным или определительным местоимением:

а) неопределенные местоимения *нѣкий* и *нѣкто* с существительным и личным именем: *тамо живша земледѣльца нѣкоего **Исайю именемъ** близ мѣста того, идѣже нынѣ манастырь есть* [ЖтКБ: 150]; *нѣкий бояринъ **Феодоръ именем,** и наученъ бывъ диаволомъ* [ЖтКБ: 156]; *посылають предпомянутому блаженому Кирилу боярина нѣкоего, **Козму именемъ*** [ЖтКБ: 180].

Данная номинативная конструкция также может сопровождаться обозначением рода деятельности человека: *единъ нѣкто **чѣрноризыць, саньмъ прозвѣтеръ, имьньмъ Дамианъ,** иже рвьньнемъ подражааше житию и смѣрению преподобнааго своего отьца Феодосия* [ЖтФП: 396]; *Некий же человекъ, **Афанасий именем, властелинъ** сый власти Сямы нарицаемыа* [ЖтКБ: 172];

б) неопределенные местоимения *нѣкий* с существительным без личного имени: *нѣкий христолюбець, живый въ предѣлахъ монастыря онога, имѣя вѣру велию къ святому Сергию* [ЖтСР: 348]; *человекъу нѣкоему христолюбиву и боящюся Бога* [ЖтФП: 414]; *посылаеть нѣкая два от боярь своих* [ЖтКБ: 168]; *единъ от боярь христолюбця Изяслава* [ЖтФП: 400] – в последнем примере вместо местоимения *нѣкий* имеем местоимение *единъ*;

в) определительное местоимение *инъ* с существительным при обозначении «объекта», а также при обозначении второго «посредника» (в таком случае он определяется через отношение к «объекту»): *инъ бояринъ того же христолюбця* [ЖтФП: 400]; *инъ же бѣ вельмужа вдале от лавры преподобнаго*

отца нашего на рѣцѣ, Волзѣ глаголемѣй [ЖтСР: 350]; *инѣ человекѣ, ужикѣ си ему, любимѣ святому, часто бо к нему прихождааше* [ЖтКБ: 186].

2. Структура, обозначающая социальную роль героя:

а) существительное без имени собственного: *жена слѣпа; блаженный отрокѣ; прозвительѣ; разбойници; бывшемѣ мужемѣ разбой творящемѣ; древодѣли;*

б) существительное с личным именем: *Благовѣрный же князь Святославѣ бѣ не далеке от монастыря блаженнаго стоя* [ЖтФП: 432]; *князя Михаила Бѣлевскаго* [ЖтКБ: 168];

в) существительное с описательной конструкцией, обозначающей родственные связи, а также с личным именем или без него: *Сынѣ же человека оного, мало суще отроча, едино чадо ему, болѣзнию одрѣжимо* [ЖтСР: 348]; *Князь бо Михаилѣ пребысть съ княгинею своею, Марию именемѣ, 8 лѣт, чада не имуще* [ЖтКБ: 168]; *Прииде же княгини Иванова Карголомѣская слѣпа и не видящи на много время* [ЖтКБ: 176].

3. Структуры, называющие святого и иноков монастыря:

а) конструкция, обозначающая сан или должность инока в монастыре, (обычно о посреднике): *Архиепископѣ; Вратарѣ; хлѣбники; священникѣ; братиа; старѣй пекущимѣ; келарѣ; строитель цѣрквѣный; прозвутерѣ от града; икономѣ; мѣнихѣ манастырѣский;*

б) описательная конструкция с указанием сана и личного имени: *игумену монастыря святаго архистратига Михаила, Софронию же именемѣ* [ЖтФП: 384]; *Исакие молчалникѣ* [ЖтСР: 360]; *еклисиарха Нифонта* [ЖтКБ: 166];

в) святой в качестве «объекта» вводится в повествование как правило в описательной конструкции или в конструкции с «дательным самостоятельным»: *Нѣкогда же святому въ обычнѣмѣ своем правилѣ бдящу* [ЖтСР: 352]; *Нѣкогда убо блаженному отцу молящуся* [ЖтСР: 380]; *Бяше же обычай святаго* [ЖтКБ: 148].

Вторичные номинации

1. При повторной номинации или в случае, если первичная номинация дается во фрагменте, предшествующем началу чудесного рассказа, используются трансформы или синонимичные конструкции с актуализирующим элементом: *прѣдвѣспомянухомъ* сего великаго пастыря и доброразсудную главу [ЖтСР, 346]; *Предреченному* же Исакию молчалнику [ЖтСР: 370]; *ученикъ преподобнаго Симонъ еклисиархъ, егоже выше помянухомъ* [ЖтСР: 386]; *въ образъ предреченнаго Матфѣя Кукоса* [ЖтКБ: 152]; *братъ, служай предреченному Долмату* [ЖтКБ: 174].

2. Трансформы с указательным местоимением: *человекъ онъ* [ЖтСР: 350]; *Тѣй же епископъ* [ЖтСР: 382]; *Сей убо Симонъ* [ЖтСР: 386]; *сему Афанасию* [ЖтКБ: 172]; *Священникъ же тѣй* [ЖтКБ: 174]; *тому Козмъ* [ЖтКБ: 182].

3. Введение синонимичного обозначения: *мучимый* [ЖтСР: 352]; *иже болѣзнию одрѣжимый* [ЖтКБ: 176].

4. Замена субститутами: *Онъ же пакы глаголаше ему* [ЖтФП: 394]; *Святый же к нему глаголаше* [ЖтСР: 350]; *Хлѣба же, иже бѣ с ними, помышляху единого дни имѣти пищу* [ЖтКБ: 170].

5. Дублирование первичной номинации в усеченном виде: *глагола келарю* [ЖтФП: 406]; *разумѣ Симона видѣнню чюдному сподобльшася* [ЖтСР: 386]; *начат Афанасию сказывати о святемъ Кирилъ* [ЖтКБ: 172].

Первичные и вторичные номинативные структуры, обозначающие неодушевленные «объекты», содержат характеристики, которые, в сравнении со случаями с одушевленным «объектом», чаще обозначают проблемную «ситуацию» чудесного рассказа. Первичная номинация называет то, чего недостает, или то, где или из-за чего возникла проблема. При вторичной номинации обычно используются гипонимы, синонимы, трансформы первичной номинации, субституты используются редко. В случае с неодушевленным «объектом» при вторичной номинации также имеет место смена референта. Это характерно для текстов, в которых рассказывается о недостатке вещества, необходимого для изготовления чего-либо (так, в паре идут мука и хлеб), и для

текстов, в которых вещество имеет меру илиместилище (вино и сосуд, в котором оно хранится, – метонимическая замена).

Представляется целесообразным рассмотреть ряды номинаций, т. е. первичные и вторичные обозначения одновременно для каждого типа «объекта»:

1) вещества, как уже было сказано выше, сначала обозначаются непосредственно с указанием их количества или отсутствия, а затем используется повтор первичной номинации, синонимичные замены или референтное чередование, при этом может указываться качество и количество «объекта»:

маслу же не суцю дръвяному – принесе къръчагу велику зъло, пълну масла дръвянааго [ЖтФП: 410].

меду не имамъ, еже на потрѣбу пити князю и суциимъ съ нимъ – съсудъ ть, въ немъже бѣ таковое пиво – медъ въ съсудъ томъ – бѣчѣвъ ту правѣ положену и пълну суцю меду [ЖтФП: 412];

муки не имамъ на испечение хлѣбомъ братии – сусѣкъ ть, иже бѣ първъѣ тѣщъ, и молитвами преподобнааго отъца нашего Феодосия пълнь суць муки [ЖтФП: 414];

множество брашенъ потребных – хлѣбы – пшеничнии хлѣбы с маслом и съ зелиемъ утворени суть [ЖтСР: 338 и 340];

вина не имуть – съсуд онъ исполненъ вина и паче преизъобилующъ, и текущъ прочее [ЖтКБ: 166];

хлѣбы – брашна – не суть умаляемъ мучницы [ЖтКБ: 168];

Возможны случаи, когда в начале рассказа «объект» не назван и получает номинацию лишь в конце рассказа как результат чуда:

въ утрий днь не имамъ купити, еже на ядь братии и на ину потребу – гривну злата – злато [ЖтФП: 394].

2) при обозначении пространства в первичной номинации используется конструкция «въ + М. П». с дальнейшим пояснением предназначения места, а в последующих названиях повторяется первичная номинация или используется гипероним либо субститут с указательным местоимением:

въ храмъ, идеже хлѣбы братия творяху – иде въ храмъ ть – пребысть въ немь – на томь мѣстѣ [ЖТФП: 406];

въ хлѣвинѣ, идеже скоть затваряемъ – въниде единъ въ хлѣвину ту – ту же прѣбысть – на то мѣсто [ЖТФП: 412];

3) номинации стихий в рассказах о прижизненном чуде характеризуются отсутствием субститутных замен; когда говорится об *огне*, имеет место синонимичная замена словом *пламя*, а сам «объект» персонифицируется за счет глаголов; когда же речь идет о воде, дается название водоема, в котором она содержится, и погодного явления, ставшего причиной проблемной ситуации:

водѣ не сущий близ обители – источникъ велий явися [ЖТСР: 348];

вътру же велию бышу в мори – преста море от вълнения [ЖТСР: 364];

огню тогда святаго устыдѣвшюся, еже горѣти паче погасаше – огню не могущу горѣти [ЖТКБ: 154];

противу пламени – огонь, устыдився молитвы святаго, угасающи [ЖТКБ: 168];

бысть буря велиа въ езерѣ, и волны – преста езеро от волнения [ЖТКБ: 174];

идеть на реку и воду освятить. Мразь же зълный тогда бяше – вода на теплоту преложися [ЖТКБ: 176].

Важно отметить, что «объект» чуда, за исключением некоторых рассказов о видениях и всех рассказов о благоухании, всегда эксплицирован в тексте.

«Ситуация»

«Ситуация» как параметр, который создает основу для возникновения чуда, репрезентируется в текстах рассказов самостоятельно или в составе реализаций других компонентов.

«Ситуация» дается за счет других компонентов, т. е. свернуто, в том случае, если носит проблемный характер, а рассказ, в котором она представлена, по своей сюжетно-структурной сложности является элементарным или простым – следовательно, имеет малый объем. В таких текстах проблемная «ситуация»

обозначается в характеристике «объекта» или в коммуникации героев: *приде старгъй пекущимъ, глаголя, яко «муки не имамъ на испечение хлѣбомъ братии»* [ЖтФП: 414]; *Приведоша челоуѣка нѣкоего къ святому, Феодора именовъ, злѣ стражуца от нечистаго бѣса* [ЖтКБ: 166].

В остальных случаях, т. е. при проблемной «ситуации» в более объемных и сложных текстах, а также во всех текстах с непроблемной «ситуацией», имеет место развернутая реализация данного жанрового параметра, при этом степень развернутости варьируется. Так, нами выявлены три способа языкового воплощения этого жанрового параметра разной степени развернутости:

1) «ситуация» обозначается предикативной структурой или конструкцией с обстоятельственной семантикой: *Тому же нѣколи болящю и при коньци уже сый, моляшеся Богу съ слъзами* [ЖтФП: 396]; *егда Сергей причащъся святых таинъ, тогда абие внезапу испльнися вся церкви она благоуханна* [ЖтСР: 294]; *Нѣкогда же вина недоставшу къ церковнъй службѣ, и нужда бяше литургии быти* [ЖтКБ: 166];

2) кратко обозначенная в глагольной группе «ситуация» раскрывается в дальнейшем контексте: *сему Афанасию случися болѣзнию великою одръжиму ему быти: вси бо уди тѣла его разслабншася, и не можаше отинуд двигнутися* [ЖтКБ: 172]; *глаголя, яко многу ми пакость творяху въ келии зѣлии бѣси. Егда бо ему легъшию на ложи своемъ, и се множество бѣсовъ пришѣдъше и за власы имъше ѱ, тако пѣхаютъ, влачехути ѱ, и друзии же, стѣну подымъше, глаголааху: «Сѣмо да влеченъ будетъ, яко стѣною подавленъ». И тако по вся ноци творяхуть ему* [ЖтФП: 394]; *Бѣ же тѣй прѣдреченный вельмужа бѣсомъ мучимъ лютѣ, непрестанно въ дни и въ ноци, яко и желѣзныя ему узы съкрушати. И ничимже могущей его удръжати, яко десять или множае мужей крѣпкихъ: овѣхъ бо рукама биаше, иных же зубы хапаа. И тако от них отбѣгъ в пустаа мѣста, тамо пребываше, лютѣ мучим от бѣса, дондеже пакы обрѣтаху его и, связавше, ведяху и въ свой ему домъ* [ЖтСР: 350] – в данном примере также подчеркивается отталкивающий образ «объекта» чуда.

3) «ситуация» описывается постепенно или складывается из нескольких обстоятельств, обозначенных в разных синтагмах: *Нѣкогда убо блаженному отцу молящуся въ обычнѣмъ своемъ правилѣ предъ образомъ Матере Господа нашего Иисуса Христа, и чясто взирая на икону, глаголаше «(молитва)» <...> И тако ему молящуся и поющу благодарный канонъ Пречистѣй, еже есть акафисто, съврѣшившу же ему правило и съдшу мало почити [ЖтСР: 380];*

Ходящу же святому по той пустыни <...> ненавидай же добра врагъ, вѣдый, яко оттуду изгнанъ быти хоцетъ святымъ <...> наложи бо сонъ таковъ святому, яко и стоати от сна не могущу и хотяше мало възлещи <...> Он же, не могый братися, побѣждаемъ сномъ, но видѣвъ мѣсто таково къ упокоению сну, възлеже мало поспати [ЖтКБ: 150 и 152];

Как явствует из примеров, наиболее частотным средством для репрезентации ситуативных обстоятельств выступают конструкции с оборотом «дательный самостоятельный».

В большинстве рассказов о «видениях» и в половине рассказов о «наказаниях», в которых основное чудо происходит за счет «видения», имеется указание на темное время суток: *вечеру сущу глубоку; въ глубокий вечеръ; нощи же сущи тьмѣнѣ; въ нощи; тоя же нощи; и нощи приходящее; нѣколи въ едину нощь; посылаетъ нощю разбойники.*

Для «видений» время является значимым обстоятельством, поскольку этот вид чуда с присущими ему аудиальными и визуальными (часто световыми) явлениями особо явственно врывается в тихую и темную ночь, когда все вокруг спит, и таким образом нарушает естественный ход вещей. Для рассказов о «защите» ночь важна еще и потому, что является подходящим для преступления временем суток: разбойники не рискуют быть замеченными или пойманными.

«Субъект»

Для рассказов о прижизненных чудесах показателен тот факт, что действует в них «субъект» двух типов – святой и «высшие силы». Для сравнения, в рассказах о посмертных чудесах, когда святой уже покинул земной мир и стал частью

сакрального мира, приобщившись к высшим силам, возможен только один тип «субъекта». «Субъект» в тексте прижизненного чуда может быть назван непосредственно или косвенно, а также может оставаться имплицитно выраженным [Рогожникова, Хоменко 2021].

Непосредственное обозначение «субъекта» относится к тем случаям, когда он является отправителем действия, то есть является грамматическим субъектом всего предложения или оборота «дательный самостоятельный»: *Богъ же пакы нескудьно подавааше ему* [ЖтФП: 396]; *гадъмь осквъръни сию Богъ* [ЖтФП: 410]; *И се рекушу святому и мѣсто назнаменашиу, вънезапу источникъ велий явися; помилова ю Богъ* [ЖтСР: 348]; *Святый же помолвися о нем и честнымъ крестомъ знаменавъ его, и прочее здрава сътвори* [ЖтКБ: 168]; *дарова ему Богъ сына* [ЖтКБ: 180].

Еще одним средством прямого обозначения «субъекта» могут выступать конструкции с глаголом в аористе *презрѣти* и частицей *не*: *Разумѣ бо отъ самого того гласа святаго и видѣниа, яко не презрѣ Пречистая прошения его* [ЖтКБ: 148]; *Готовый же къ услышанию молящихся Богъ и Пречистая Непорочная Мати Его не презрѣ моления святаго своего угодника Кирила* [ЖтКБ: 166]; *Святый же моления его не презрѣ* [ЖтКБ: 176].

Способы косвенного обозначения «субъекта»

1. В составе хвалебно-благодарственных формул в качестве грамматического объекта: *славяща и благодаряща Бога* [ЖтФП: 400]; *прослави Бога, спасъшааго я отъ таковыа съмърти* [Там же]; *многа благодарения въздаваа Богу, творящему дивнаа и преславнаа чудеса своимъ угодникомъ* [ЖтСР: 382]; *поа и слава Бога и Пречистую Его Матерь и святому Кирилу велие благодарение въздая* [ЖтКБ: 148].

2. В составе субъектных формул, сочетающих в себе инструментатив и генетив: *молитвами преподобнааго имъ отъца и наставъника Феодосия* [ЖтФП: 410]; *молитвами святаго Сергия* [ЖтСР: 360]; *благодатию Христовою и*

помощию *Владычица наша Богородица*, споспѣшествующе молитвы *святаго Кирила* и *от него* принесеннаго хлѣба вкушениемъ [ЖтКБ: 172].

Важно отметить, что формулы последнего типа находим только в житии Кирилла Белозерского, при этом показано, что благодать проистекает от Христа, а помощь – от Бога и Богородицы. Формулы типа *молитвами святого* универсальны. Оба вида формул – субъектные и хвалебно-благодарственные – являются языковым маркером жанровой формы и позволяют идентифицировать его в составе жития, поскольку не встречаются за пределами чудесных рассказов [Рогожникова, Хоменко 2021].

3. При обозначении источника или принадлежности явления с использованием притяжательных прилагательных и генетива: *явление от Бога бысть ему* [ЖтФП: 398]; *Божие* есть съмотрение се [ЖтФП: 410]; *Егоже видѣсте*, аггелъ *Господень* есть [ЖтСР: 372]; благодать *Святого Духа* дѣйствующа с тобою [ЖтСР: 386]; гнѣвъ *Божий* постиже [ЖтКБ: 168].

Для номинации святого в качестве «субъекта» используются:

- 1) субстантиваты: *святой, преподобный, блаженный*;
- 2) одиночное личное имя: *Сергий, Кирилъ*;
- 3) личное имя с эпитетом, характеризующим лик святости: *преподобному Феодосию; блаженному Феодосию; божьствьнымъ Феодосиемъ; святой Сергие; блаженнаго Сергия; къ преподобному Сергию; святаго Кирила; преподобнаго Кирила; блаженному Кирилу*;

4) комплексные единицы, в состав которых входит имя собственное, таксономический компонент, указывающий на духовный статус святого, а также эпитеты и местоимения, определяющие, по отношению к кому святой носит обозначенный статус. В примерах эти номинативные единицы для каждого из святых представлены последовательно по степени их усложнения с вариантами:

Феодосий Печерский: *отьць нашъ Феодосий; преподобнаго отьца нашего Феодосия; блаженааго отьца нашего Феодосия; богодѣхновеный отьць нашъ Феодосий; о блаженгьмъ и преподобнгьмъ отьци нашемъ Феодосии; преподобный отьць ихъ и наставникъ Феодосий; преподобнааго имъ отьца и*

наставьника Феодосия; отца и наставьника моего преподобнаго Феодосия; съ блаженнымъ наставникъмъ и пастухъмъ своимъ Феодосиемъ;

Сергий Радонежский: блаженный отрокъ; сего угодника Сергия; угодникомъ своимъ святымъ Сергиемъ; своимъ угодникомъ;

Кирилл Белозерский: угоднику блаженному Кирилу; святымъ своимъ угодникомъ Кириломъ; преподобнаго отца Кирила; блаженнымъ отцемъ Кириломъ;

5) изобразительно-выразительные средства:

Феодосий Печерский: такъ свѣтильникъ въ мѣстѣ семь; святаго человека Божия суца его быти;

Сергий Радонежский: Незлобивый же смирения дѣлатель; Милостива же она душа; таковъ свѣтильникъ; мужъ в велицѣй свѣтлости дѣлании; хочетъ быти съсуд избранъ Святому Духу; сего великаго пастыря и доброразсудную главу.

В связи с номинацией святых представляются значимыми несколько наблюдений:

1) в отношении Феодосия Печерского автором употребляются в большей степени комплексные единицы, в состав которых входит лексема *отець*, что указывает на его покровительство братии и пастве; при этом отсутствует одиночное имя собственное;

2) Сергия Радонежского называют не *отцемъ*, а *угодникомъ* (что подчеркивает его преданность Богу); при номинации святого также в большом количестве используются тропы, что в целом характерно для этого жития. Кроме того, можно заключить, что Сергий предстает в чудесных рассказах в большей степени как брат и соратник, нежели как старший в церковной и духовной иерархии;

3) в житии Кирилла Белозерского использованы номинации *отець*, *угодникъ*, метафорические, метонимические и символические средства выражения при этом отсутствуют [Рогожникова, Хоменко 2021].

Для обозначения высших сил в текстах рассказов о прижизненных чудесах употребляются следующие простые и комплексные номинативные единицы:

Богъ; Господь; о Христъ; благый Богъ; истиннаго Бога; Господь Богъ; Христа Бога нашего; Сыну своему и Богу нашему; Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа; въ имя Нерукотворенаго Образа Господа нашего Иисуса Христа; Господи мой, Иисус Христе; благодатию Христовою; у небеснааго владыкы;

Богоматере; Пречистая; Пречистую Богоматерь; Пречистую Его Матерь; святѣй Богородици; прѣсвятыя Богородиця; Владычица наша Богородица; Владычица наша Богородица и Приснодѣвы Мариа; Пресвятыя Владычица наша Богородица и Приснодѣвы Мариа; пред образом Матере Господа нашего Иисуса Христа; Тебе бо, Мати сладкаго ми Христа; благодать и даръ Святого Духа; аггелъ Господень; ангель.

Характерно, что в части текстов о «видениях», «наказаниях», «благоухании» отсутствует какое-либо словесное обозначение творца чуда – «субъект» в этих случаях подразумевается и с прагматической точки зрения соотносится с пресуппозицией рассказов [Рогожникова, Хоменко 2021].

«Коммуникация»

«Коммуникация» героев, как и «ситуация», может быть представлена кратко и развернуто в различных конструкциях: в глагольной группе в составе простого и сложного предложения, в придаточной части сложного предложения; в форме косвенной или прямой речи; в форме полноценного диалога. При этом для описания предчудесной и постчудесной «коммуникации» используются общие лексико-грамматические средства. В этой связи следует подчеркнуть наличие дистанции – духовной, в некоторых случаях и пространственной – между «объектом» и «субъектом» коммуникации, вступая в которую «объекту» необходимо преодолеть это расстояние: прийти, если они разделены пространством, или осмелиться, если они находятся в непосредственной близости. В таком случае при иницилирующей «коммуникации», адресатом которой является святой, всегда указываются глагольные формы с семантикой движения (*шедъ, прииде, въниде, притече, приступившее* и др.), за этим следуют конструкции с глаголами речи типа *глаголет / сказует, яко* или *съповѣда что-то*

(если цель «коммуникации» – сообщение о происходящем или случившемся), и далее обозначается предмет сообщения. Если же цель «коммуникации» – просьба о помощи, то за глаголом движения следует конструкция *молит, яко / еже*, после чего в императивной конструкции обозначается цель просьбы.

В целом инициирующая «коммуникация» строится по схеме «некто направляется к кому-то сказать что-то / о чем-то / о том, что»: *старгъй пекущимъ, шьдъ, съповьда блаженууму Феодосию пакости нечистыхъ бгъсовъ* [ЖтФП: 382]; *наедингъ приступивше къ святому Сергию они ученици его <...> въпрашают его о сем* [ЖтСР: 370]; *приходить къ святому, и възвъщаетъ о чловѣцгъ, вкупгъ же и молит его, да помолится о нем* [ЖтКБ: 186].

В рассказах, где «объектом» выступает недееспособный человек, вместо глаголов движения используются глаголы с семантикой перемещения и сопровождения: *Принесъ же его в монастырь, моляше святого въ еже помолитися* [ЖтСР: 350]; *Приведоша чловѣка нгкоего къ святому* [ЖтКБ: 166]. В последнем примере сама коммуникативная часть отсутствует.

Для рассказов, в которых «объект» обращается к святому через посредника, характерно употребление глагола *посылати*: *посылаетъ къ святому и молитъ его, яко да помолится о немъ* [ЖтКБ: 172]. В постчудесной коммуникации в таком случае целью может быть дознание: *пославъ и увгдгвъ истгье пргставление, плакася по томъ много* [ЖтФП: 432]; *посла в монастырь блаженаго Кириила, хотя извъстно увгдгти, кто суть бывшии в монастыри вчера и третьемъ дни* [ЖтКБ: 156].

Иницирующая «коммуникация», исходящая от святого, сопровождается глаголом *призвати*: *Святой же призывает еклисиарха Нифонта и въпросив его, аще вина не имут* [ЖтКБ: 166]; *Святой же призвавъ священника и посылаетъ его святых таинъ причастити брата* [ЖтКБ: 174]. Здесь проявляется еще одна иерархическая особенность участников коммуникации в ее осуществлении: святой в случаях, когда ему необходимо сообщить что-либо другим инокам, остается на своем месте. Служение Богу подразумевает стремление вверх, поэтому все, кто ниже саном, должны стремиться к святому, а не наоборот.

В случае, когда адресатом иницирующей «коммуникации» выступают «высшие силы», у просящего нет необходимости в передвижении (поскольку данный тип «субъекта» вездесущ): *и вси иже в корабли начаша молити Бога. С ними же и аз в нужди згълнѣ тако же начях всесилнаго молити Бога, яко да избавит ны належашаа скръби* [ЖтСР: 364]; *Сему убо Роману в болѣзнь велию впадшу и згѣло изнемогающу, начат молити Пречистую Богоматерь, да облегчит ему болѣзнь* [ЖтКБ: 176].

Цель иницирующей «коммуникации» выражается несколькими способами:

1) сочетанием глагола / глагольной формы речи с отглагольным существительным или субстантивированным причастием: *съповѣда блаженому бывшее* [ЖтФП: 412]; *прозрѣннѣ прося* [ЖтСР: 382]; *повѣда встѣм явление бывшее* [ЖтКБ: 176];

2) в придаточной части сложного предложения с помощью союза *яко* и сочетаний частицы *да* с глаголом наст. вр. или сочетаний местоимения *еже* с инфинитивом: *и моляху еже молитися о нем* [ЖтСР: 382]; *молит святаго еже освятити воду* [ЖтКБ: 176]; *начат молити Пречистую Богоматерь, да облегчит ему болѣзнь* [Там же];

3) в глагольной группе: *съповѣда блаженууму Феодосию пакости нечистыхъ бѣсовъ* [ЖтФП: 382]; *прося вина на службу святаго литургия* [ЖтФП: 406]; *Възвѣстиша же блаженому о человекѣ томъ* [ЖтКБ: 182];

4) в изъяснительном или определительном придаточном: *съповѣда ему, како молися и како явися ему тѣ самъ преподобный* [ЖтФП: 398]; *възвѣстити преподобному о вещи тѣй, яко брат преставися и не поспѣ причаститися святыхъ таинъ* [ЖтКБ: 174];

5) в сочетании нескольких способов: *каяся съ слезами о съгрѣшенных и исповѣдуа ему бывшее: како послалъ бѣше разбойники на нь, и видѣние, иже видѣша, пръвое и второе* [ЖтКБ: 156]; *скоро притече къ святому и сказуеть ему бѣду, яко: «Ловци, – рече, – въ езеръ утопают!»* [ЖтКБ: 174].

Ответная «коммуникация» исходит только от «субъекта», ее основная цель – предписание, поэтому в репликах святого и «высших сил» обязательно

присутствуют глаголы в повелительном наклонении. Для оформления ответа святого используются:

1) глагольные группы: *повелъвает, нѣколико дний постившеся, тако и съ княгиню священной водѣ и просѣфирѣ причаститися, причастившеся – окропитися* [ЖтКБ: 180]; *Святой же не токмо не послуша того Павла, но паче не повелъ оному челоуьку болящему ни в манастырь принестися* [ЖтКБ: 186];

2) прямая речь, которой предшествует глагольная группа, определяющая, кому и с каким посылом отвечает святой: *блаженный же учааше ѿ глаголя: «Николиже не отъчаися...»* [ЖтФП: 396]; *святой же запрѣти ему, рекъ: «Да никомуже възвѣстиши, яже видѣ, дондеже Господь сътворит яже о мнѣ отхождение от жития сего»* [ЖтСР: 386]; *святой же рече: «Не бойся, но дрѣзай!»* [ЖтКБ: 176].

Святой может не только повелевать, но и задавать вопросы: *Глагола тому блаженный: «Ни ли мало имаши?»* [ЖтФП: 412]; *призвавъ его, рече: «Чядо! почто устраиши духъ твой?»* [ЖтСР: 386].

Чудесная «коммуникация», исходящая от высших сил, также оформляется прямой речью и может выражать повеление или вопрос: *И глас от нея [от иконы Богородицы] исхожааше сице: «Почто се, Клименте, еже обѣща ми ся дати, и нѣси ми даль? Нѣ се нынѣ глаголю ти: потѣщися съвършити обѣщание свое!»* [ЖтФП: 400]; *Възгласи же второе, глаголя: «Сергие! Молишия о своих чадѣхъ, и Господь моление твое приять. Смотри же опасно и виждѣ множество инокъ въ имя святыа и живоначалныа Троица съшедшихся въ твою паству, тобою наставляеми»* [ЖтСР: 352]; *абие слышит гласъ глаголющъ: «Кирилле, изыде отсюду и иди на Бѣлоезеро, тамо бо уготовах ти мѣсто, в немже можеши спастися»* [ЖтКБ: 148]. Таким образом, коммуникативная часть в чудесных рассказах может быть непосредственно представлена глагольной группой, а также в форме косвенной и прямой речи.

В части текстов имеют место полноценные диалоги (реплики святого выделены шрифтом). Наличие сложных коммуникативных структур в форме

диалога является характерной чертой рассказов о «материализации необходимого».

Предчудесная и постчудесная «коммуникации» имеют одну и ту же форму выражения, однако различаются лексическими средствами. В предчудесной «коммуникации» используются преимущественно глаголы речи: *съповѣдати, глаголати, сказывати, възвѣстити, молити, речи* и т. п. Для постчудесной частотны глаголы и словосочетания с более разнообразной семантикой – по большей части назидательной: *каются, обнажити грехъ, исповѣдати, учити, повѣствовати, славити, въздавати благодарение*. При этом в паре глаголов *съповѣдати – исповѣдати* первый используется и в предчудесной, и в постчудесной «коммуникации», а второй – только в постчудесной. Это различие связано с тем, что одной из целей «коммуникации» является признание в греховном действии и раскаяние – герой приходит к святому на *исповедь*.

«Чудесное событие»

Языковые средства, которыми описывается результат или процесс чуда, зависят от вида чуда: каждому виду чудес присущи специфические типовые реализации и репрезентации этого жанрового параметра. При этом для всех рассказов значим момент совершения чуда вне зависимости от его вида. В связи с этим в описании «чудесного события» присутствует временные и причинно-следственные показатели.

1. В рассказах об «изгнании бесов» из помещения результатом чуда является изгнание и исчезновение бесов: *отъ того часа не явитися бѣсомъ на томъ мѣстѣ, ни пакости никоея же творити имъ* [ЖтФП: 382]; *отътолъ проныривии бѣси не съмѣша ни приблизитися къ мѣсту тому, молитвами бо преподобнаго отъца нашего Феодосия отъгоними суще и бѣжаще отидоша* [ЖтФП: 394].

При изгнании злых духов из человека показано его исцеление: *исцѣление получивъ* [ЖтКБ: 166]; *оттолъ исцѣльъ <...> и разумъ его пакы възвратися, начат же глаголати смыслено* [ЖтСР: 352].

2. Рассказы об «излечении» представлены более вариативными средствами. В них выздоровление героя обозначается устойчивыми формулами и их сочетаниями: *и вси исцѣльшиа* [ЖтКБ: 172]; *исцѣление получи не токмо в телесных, но и въ душевных* [ЖтКБ: 186]; *и абие в той час разумѣ болный, яко облегчися болѣзнь его* [ЖтСР: 382]; *человѣкъ тѣй, обрѣте себе здрава* [ЖтКБ: 192]; *и отпадоша яко чешуа от очию его, абие прозрѣ* [ЖтСР: 382]; *И тако вся просто начатъ видѣти и бысть здрава* [ЖтКБ: 182].

3. В рассказах о «наказании» недугом, наоборот, обозначается, каким образом у объекта случается болезнь: *и въшедишу ему въ обитель и яко узрѣ святого, нападе на нь слѣпота* [ЖтСР: 382]; *Понашающа мирянина гнѣвъ Божий постиже: вси бо уди тѣла его разслабѣшася* [ЖтКБ: 168].

В остальных текстах о «наказании» имеет место осквернение вещества, которое обнаруживается героем рассказа: *и се обрѣтесе ту жаба, якоже той варенѣ быти въ таковѣй водѣ* [ЖтФП: 410]; *и се видѣ мышь въпадѣшию въ не* [в масло], *мъртву плавающу въ немь* [ЖтФП: 410]; *и зрит венря оного растесана телеса, червѣми всего кипяща, бѣ бо тогда зимно время* [ЖтСР: 386]. Для последнего примера важно указание времени года (*зимно время*), поскольку через противоречие обстоятельств выражается чудесный характер события: зимой холодно, черви прячутся глубоко под землей, туша животного должна быть замерзшей, и по законам природы зимой она не может кишеть червями. Значит, это наказание от Бога.

4. В текстах об «оживлении» подчеркивается новое состояние «объекта» и его дееспособность: *И вънезапу отроча оживе, и душа его възвратися, и начат подвизатися* [ЖтСР: 350]; *възвѣсти блаженому Кирилу, яко Долматъ живѣ есть и еще святых таинѣ требуетъ причаститися* [ЖтКБ: 174].

5. Для рассказов об «исполнении просимого», в которых речь идет о стихии, характерны конструкции с глаголами *престати* и *преложитися*: *и абие в той час преста езеро от волнения своего и в тишину велию преложися* [ЖтКБ: 174]; *И абие вшедишу ему в воду, и вода на теплоту преложися* [ЖтКБ: 176]; *Помалѣ...*

недугъ преста в людех [ЖтКБ: 180]; И от того часа преста море от вльнення своего и в тишину велию преложися [ЖтСР: 364].

6. Группа рассказов о «материализации необходимого» распадается на три части. К первой относятся тексты, повествующие о пополнении запасов извне. Это пополнение происходит довольно буднично: *Таче уже бывъшю году вечерньому, и се нѣкто от богатыхъ принесе кърчагу велику зъло, пълну масла дрѣвянааго [ЖтФП: 410]; И се прѣжжереченый онъ боляринъ, Богу ему възложьшю на умъ, се бо напълнивъ три возы брашна <...> и то пошла къ блаженому въ монастырь [ЖтФП: 406].* Только в последнем примере при описании чуда сделан акцент на то, что человек, отправивший запасы в монастырь, сделал это по воле Бога. И только в одном тексте событие и посланник имеют действительно чудесный облик: *Таче отшедъшю иконому, и се възлезе свѣтъль отрокъ въ воиньстѣй одении и поклонивъся, и ничьсоже рекый, и положивъ же на стълпъ гривну злата и тако пакы мълча излезе вѣнь [ЖтФП: 394].* Через описание молчаливости отрока, его светлости и необычного способа проникновения в помещение передано посещение святого посланником Бога, а не реальным человеком.

Во второй группе текстов о «материализации необходимого» вещество пополняется само собой, при этом подчеркивается, что его становится не только достаточно, но избыточно много: *ти видѣ съсъкъ ть, иже бѣ прѣвѣе тѣщъ, и молитвами преподобнааго отъца нашего Феодосия пълнѣ същъ муки, якоже прѣсыпатися ей чръсъ стѣну на землю [ЖтФП: 414]; обръте съсуд онъ исполненъ вина и паче преизобилующъ, и текущъ прочее [ЖтКБ: 166].*

В третьей группе чудесность события передается через противопоставление «мало – достаточно» и «не прошено – получено»: *и древодѣльники, никымъ же позвани быша, приидоша [ЖтКБ: 154]; Но елико брашна взимаху оттуду, толико паче множахуся и преизобиловаху <...> И тако малыми брашны препиташася людие мнози [ЖтКБ: 166]; начаша варити нѣчто мало от рыбъ, <...> егда бысть варено, тогда много бысть видѣти рыбъ [ЖтКБ: 170].*

В этих примерах наглядно проявляются такие характеристики чудесного, как воплощение в чувственно доступной форме и противоречивость происходящего: событие по объективным причинам невозможно, но оно происходит, а его результат очевиден и нагляден.

7. В текстах о «видениях» и «защите» используются аналогичные средства выражения рассматриваемого коммуникативно-прагматического параметра, поскольку «защита» совершается за счет «видений». В этих тематических вариантах чудо является не только и не столько результатом, сколько процессом, который приобретает чувственно воспринимаемую форму. Этим обстоятельством обусловлены основные средства реализации данного параметра – лексические единицы, называющие и определяющие визуальные, аудиальные, изредка тактильные явления и способы их восприятия. К таким единицам относятся:

1) глаголы чувств: *зрити(ся), възрѣти, видѣти, смотрѣти, слышати(ся), услышати, прикоснутися*; глаголы речи: *глаголати, ꙗвити*; глаголы свечения: *светити, сияти, блистати*; глаголы возникновения и существования: *явитися, быти, исходити, предѣстати*;

2) отглагольные существительные: *видѣние, зрѣние, явление, звонъ, гласъ*;

3) прилагательные и причастия в составе развернутых описательных уподоблений.

Особо следует остановиться на выразительных, детальных описаниях визуальных – преимущественно световых – явлений. В текстах частотны слова с корнем *свѣт-* и *чюд-*, сравнения с дневным светом, глаголы *сияти, блистати*: *и толицѣмъ свѣтомъ ноць она просвѣщена бѣ, яко дневный свѣт превъсходити свѣтлостию* [ЖтСР: 352]; *видит свѣт, сияющъ къ полунощнымъ странамъ Бѣлаго езера* [ЖтКБ: 148]; *Ноци бо суци тѣмьнѣ, свѣтъ же прѣчюднѣ тѣкъмо надъ монастырьмъ блаженааго* [ЖтФП: 416]; *зрит въ олтари четвертаго служаща с ними мужа чюдна зѣло <...> въ свѣтлости велицей, и образомъ сияюща, и ризами блистающа <...> емуже сияюще, яко солнце, лица его, не можаше зрѣти на нь; ризы же его необычны, чюдны, блистающа, в них же мечтание златостройно зрится* [ЖтСР: 370].

«Объект» может видеть не только свет или явление «высших сил», но и божественный огонь: *видит огонь, ходящъ по жрътовнику, остъяюще олтарь* [ЖтСР: 386]; *и видит яко нъкъый великъ пламень изшедшь от руку его, иже всего того предреченнаго Исаакиа окруживши* [ЖтСР: 360]; *пламень великъ зъло от върьха църкъвьнааго* [ЖтФП: 416]; *и се видъ стълъпъ огньнъ, до небесе сушь надъ манастырьмъ тгъмъ* [ЖтФП: 432].

Кроме того, «объект» «видений» может наблюдать изменения в положении существующих объектов, например перемещения церкви: *чудо бысть страшно: отъ земля бо възятъся църкы и съ сущими въ ней възиде на въздусть, яко не мощи имъ дострълти ея* [ЖтФП: 400]; *видъ църкъвь у облака сущу <...> съступи църкы и ста на своемъ мгъстъ* [Там же].

Иногда ангел, являющийся «объекту», принимает вид близкого ему живого человека. Ангельская сущность явившегося познается благодаря тому, что после чуда явившийся исчезает: *И абие видит нъкоего чловѣка въ образъ предреченнаго Матфѣя Кукоса, имша за руку, глаголюща ему: «Иди въслгъд мене!» И абие изыде ничимже не вреженъ бывъ* [ЖтКБ: 152]; *и се вънезаану предъста у одра его блаженный Феодосий <...> И се рекъ, невидимъ бысть от него* [ЖтФП: 396 и 398].

Напротив, аудиальные явления представлены ограниченными языковыми средствами: *слыша глас, глаголющъ: «Сергие!» Онъ же удивися о необычном в ноци званию* [ЖтСР: 352]; *глас страшнъ, именьмъ того зовущъ его: «Клименте!»* [ЖтФП: 400]; *слышаша гласъ бещисльно поющихъ* [ЖтФП: 416]; *звонъ велий слышашеся от мгста того* [ЖтКБ: 150]; *отъ необычнаго гласа въспрянувъ* [ЖтКБ: 152].

В рассказах о «явлении» святых во время чуда явившийся представитель «высших сил» вступает в коммуникацию с «объектом», сообщает ему что-либо или побуждает к действию. Вместе с завершением коммуникации прекращается визуальная составляющая чуда: *И се рекъ, невидимъ бысть от него* [ЖтФП: 396 и 398]; *Си же рекъши, икона святыя Богородиця невидима бысть от него* [ЖтФП: 400]; *И сиа рекши, невидима бысть* [ЖтСР: 380].

«Видение» характеризуется как *чудно, странно и несказанно, ужасно и неисповѣдимо, неизреченное, блистающееся*. А чудо, которое произошло само собой, без запроса нуждающегося, - *страшное*. Оно происходит наяву, вызывает у наблюдателя не только эмоциональный отклик, но и глубокое чувственное потрясение, которое невозможно выразить: *дивляшеся оному неизреченному видѣнью <...> душею трепещуще от неизреченнаго видѣнна* [ЖтСР: 354]; *сия зря, ужаса и трепета исполнь бяше и в себѣ дивяся* [ЖтСР: 386]; *Святый же въ иступлении ума страхомъ и трепетомъ велиимъ одръжимъ бываше* [ЖтСР: 380]; *обръте ученика своего лежаща от страха, яко мертва <...> Понеже духъ мой в малѣ не разлучися от плотьскаго ми съюза ради блистающагося видѣнна* [Там же].

Следует также отметить, что «видения» представлены не только явно. В ряде текстов из жития Кирилла Белозерского отмечается, что «объект» удостаивается видения в промежуточном состоянии между видимым и невидимым (*тонкий сонъ*) или в измененном психическом состоянии (*исступление ума*). В текстах также указывается, что после видений, явленных в таком состоянии, «объект» просыпается: *князь Петръ яко в сонѣ тонокъ сведенъ бысть <...> Възбнувъ благочестивый князь Петръ Дмитриевичъ от сна и от видѣнна позна святаго Кирила явление быти* [ЖтКБ: 180]; *И тако молящуся, в сонѣ тонокъ сведенъ бысть. Видит въ снѣ <...> Въспрянув же человекъ от сна и повѣда в сѣмъ явлении бывшее* [ЖтКБ: 176]; *от тоа болѣзни яко въ иступлении ума бывшу, видит блаженнаго Кирила пришедша <...> Въспрянув же человекъ тѣй, обръте себе здрава* [ЖтКБ: 192] (последний пример – из рассказа об «исцелении» в «видении»). В таком случае чудо не воспринимается «объектом» или «свидетелем» как страшное или пугающее, а, наоборот, радуется.

8. Рассказы о «благоухании» по своей природе и способам лингвистического воплощения чудесности в тексте примыкают к предыдущей группе. Здесь используются номинации ароматического явления и способов его распространения и восприятия: *благоухание, воня благовонна, исполнитися, излитися, слышатися, обоняти*. Благоухание характеризуется как великое и

неописуемое, распространяющееся повсюду: *тогда абие внезапно испльнися вся церкви она благоухания: не токмо въ церкви, но и окрестъ церкви обоняша воню благовонну* [ЖТСП: 294]; *Излия же ся тогда благоухание велие и неизреченно от телесе святого* [ЖТСП: 388]; *Отсуду же бѣше благоухание нѣкое вѣсьмъ слышатися* [ЖТКБ: 192].

«Средство свершения»

Коммуникативно-прагматический параметр «средство свершения» чуда репрезентируется в текстах чудесных рассказов с помощью языковых конструкций двух типов: субъектной формулы или глагольной группы в составе повествовательных предложений. При этом каждое «средство свершения» чуда (за исключением прикосновения) в текстах имеет вариативные обозначения:

1) *молитва – сътворити молитву – (по)молитися – молитовати – пѣти молебень – молебная съвершати – обратитися къ Богу на молбу – въоружитися молитвою;*

2) *крестъ (при)нести – прекрестити – крестом знаменовати – знамение крестное сътворити – встати с крестом;*

3) *вкусити хлеба – вкушение хлеба – причаститися просѣфирѣ;*

4) *прियाи воду – вкусити воды – причаститися водѣ – покропити(ся) – (о)кропити – погрузитися въ иордани – въврѣжетися в воду;*

5) *въоружитися постѣмъ – поститися.*

В глагольных группах используется большинство перечисленных средств: *въоруживься на ня постѣмъ и молитвою* [ЖТФП: 412]; *прикоснуся ослѣпленным его зѣницамъ* [ЖТСП: 382]; *чисто воды священныя, от святого принесеной, вкусивъ и от нея покропився по всему тѣлу* [ЖТКБ: 172].

При обозначении «средства свершения» чуда с помощью субъектной формулы в ее состав входят только существительные в тв. п. В рассказах об «исцелении», «оживлении» и «изгнании бесов» субъектной формуле может предшествовать устойчивая формула или иная конструкция, обозначающая «чудесное событие»: *отъ того часа не явитися бѣсомъ на томъ мѣстѣ, ни*

пакости никоеяже творити имъ, запрещениемъ преподобнаго и молитвою [ЖтФП: 382]; *Яко твоими молитвами оживе* [ЖтСР: 350]; *вси исцѣльшиа <...> от него принесеннаго хлѣба вкушениемъ* [ЖтКБ: 172]; *исцѣление получи и бысть здравъ молитвами преподобнаго Кирила* [Там же].

Нестандартными «средствами свершения» чуда в рассказах выступают обещание, предсказание и испытание недужного. Обещания содержатся в рассказах о «материализации необходимого» и в комплексных рассказах об «исполнении просимого». В них святой наставляет «объекта» или посредника, учит их вере в Бога и просит не переживать из-за возникшей проблемы, поскольку Бог обязательно поможет, после чего отпускает посредника. Обещание и предсказание как «средство свершения» чуда в тексте выражены глаголами совершенного вида в форме настоящего времени, в которых реализуется семантика действия в будущем или же субъектной формулой: *Идѣте с миром к пославшему вас князю и от нас благословение и благодарение въздадите. Рцѣте же ему се: еже просили есте, дастъ вам Богъ. Прочее же не скорбите* [ЖтКБ: 170]; *Иди по глаголу моему и въ имя Господа нашего Иисуса Христа обрящещи медь въ съсудѣ томъ» <...> и по словеси святааго отъца нашего Феодосия обрѣте бѣчьвь ту правѣ положену и пѣльну суцю меду* [ЖтФП: 412].

Исцеление, которое обнаруживает себя благодаря испытанию, содержится лишь в одном тексте: *Хотяше же святой искусити, аще помилова ю Богъ. Рече же к ней святой: «Аще что видиши?» Она же рече: «Вижду книгу, юже в руцѣ имѣеши», бяше же святой тогда книгу имѣа в руцѣ своей. Таже по сих рече: «Вижду езеро и люди ходяще». И тако вся просто начатъ видѣти* [ЖтКБ: 182].

Если «субъектом» выступают высшие силы, «средством свершения» чуда может быть другое чудо или посланник Бога, который в свою очередь является либо ангелом, либо человеком. Однако в ряде текстов с «субъектом» данного типа «средства свершения» чуда указанного типа отсутствуют.

«Свидетель»

«Свидетель» чуда – единственный коммуникативно-прагматический параметр рассказа о прижизненном чуде, который не имеет своей регулярной репрезентации и чаще всего совпадает в реализации с параметром «объект». «Свидетель» оценивает произошедшее чудесное событие как выходящее за пределы, определенные общепринятыми представлениями о естественности, признает его чудом. В тексте в характеристиках человека, ставшего свидетелем чуда, употребляются языковые средства, обозначающие обнаружение им результата чуда, процесс восприятия чуда и его реакцию на произошедшее: *И о сем въ удивлении быша вси, вѣдяху бо, яко вина не бяше; обрѣте бѣчьвь ту правѣ положену и пльну суцю меду. Въ страсть же бывѣ [ЖтФП: 412]; всего видѣннѣ не сподобися, но часть нѣкую свѣта оного узрѣ и зѣло удивися [ЖтСР: 354].*

Характерно, что в большинстве рассказов о прижизненном чуде коммуникативно-прагматический параметр «свидетель» остается в пресуппозиции.

Заглавия рассказов

В качестве особого способа репрезентации параметров жанра можно рассматривать заголовки рассказов. В старорусских житиях Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, в отличие от жития Феодосия Печерского, повествовательная часть делится на главы. Все главы при этом имеют названия, некоторые из них целиком являются рассказами о прижизненном чуде святого, в некоторых главах чудесные рассказы являются одним из эпизодов. Для нас представляют интерес названия тех глав, которые совпадают с содержательными границами чудесных рассказов.

Таких заглавий двадцать пять: четырнадцать в житии Кирилла Белозерского и девять в житии Сергия Радонежского. Заглавие как элемент текста может отражать жанр, тему, предмет, центральный образ, идею произведения, которое оно называет [Богданова, 2007]. Применительно к настоящему исследованию

важно, что в заглавиях чудесных рассказов воплощаются также коммуникативно-прагматические параметры, положенные нами в основу жанрового анализа рассказа о прижизненных чудесах. Рассмотрим, какое именно содержание выносится авторами житий в названия чудесных рассказов.

В основу всех заглавий чудесных рассказов из жития Сергия Радонежского положена одна модель – «о чем-то / ком-то» (называется только тема текста). При этом заглавия по типу «о чем-то» служат для прямого обозначения вида «чуда», в нем также могут быть названы «объект» и «субъект»: *«О видѣннѣи аггела, служаще съ блаженным Сергием»*, *«О видѣннѣи божественаго огня»*, *«О посѣщениѣ Богоматере къ святому»*, *«О изведениѣ источника»*, *«О въскрешениѣ отрока молитвами святого»*. В этих названиях предлог *о* употреблен с отглагольными существительными, которые управляют зависимыми от них словами и словосочетаниями.

Заглавия по типу «о ком-то» указывают на «объект» чуда, при этом в них может быть названа «проблема» и вид «чуда», которые в таком случае становятся взаимоопределяемыми, а также «субъект» и «средство свершения»: *«О пришедшем епископѣ видѣти святого»*, *«О лихоимце»*, *«О бѣснующимся вельможи»*, *«О исцѣльвшемъ мужи молитвами святого Сергия»*. Здесь с предлогом *о* употребляются выраженные существительными номинации людей в сочетании с причастиями.

В житии Кирилла Белозерского заглавия чудесных рассказов более разнообразны. В нем также встречаются заголовки типа «о чем-то / ком-то». Они могут быть довольно простыми по компонентному составу: *«О боляринѣ Феодорѣ, иже хотяше пакость сътворити святому»*, *«О человекѣцѣ, иже хотяше огнемъ святому пакость сътворити»*, *«О беснующемся»*. В приведенных заглавиях обозначается только «объект» и «проблема», не всегда разрешающаяся в результате «чуда». Однако два заглавия из представленных формально сложнее заглавий из ЖтСР, поскольку сам заголовок имеет форму сложноподчиненного предложения, в котором в главной части отсутствует глагол речи или отглагольное

существительное, а в изъяснительной придаточной содержатся намерения объекта.

По той же модели строятся также два заглавия: «*О поставлении церкви Пресвятыя Владычица нашеа Богородица, честнаго ея Успения*», «*О явлении Пречистыя Богородица, егда явися святому Кирилу и повель ему отити на Бълоезеро*». В первом передается только общая тема и вовсе не представлены жанровые параметры. В тексте этого чуда рассказывается о том, что братия устремлена на возведение церкви в честь Богородицы, но не хватает рабочих рук, и тут – по молитве святого – приходят древоделы. Как явствует из содержания заголовка, ни «объект», ни «субъект», ни вид «чуда» («материализация необходимого») в заглавии не обозначены, а названо только то, что стало возможным в результате чуда, – возведение церкви. Однако второй заголовок «*О явлении Пречистыя Богородица...*» сообщает о чуде более развернуто: здесь и вид «чуда», и «субъект», и «объект», и даже «цель» (обозначается стандартным шрифтом). И вновь употреблено сложноподчиненное предложение, но в данном случае – с придаточным времени.

Примечательно, что в ЖтКБ большая часть заглавий (девять из четырнадцати) содержит номинацию чуда. Заглавия можно разделить на три группы:

1. Обозначение «объекта» чуда: «*Чюдо о властелинѣ Афанасии*», «*Чюдо о князи Петръ Дмитриевичи и его княгинѣ*», «*Чюдо о слѣпой женѣ*». При этом в последнем примере реализован еще и «ситуативный» параметр.

2. Актуализация «субъекта»: «*Чюдо святаго*», «*Чюдо святаго Кирила*».

Эти две группы объединяет один заголовок, в котором содержится и «субъект», и «объект»: «*Чюдо святаго о церковном винѣ*». Здесь также можно сделать предположение о «ситуации» и виде «чуда»: скорее всего речь пойдет о недостатке вина для службы и его чудесном возникновении.

3. Заключительная группа включает в себя три чудесных рассказа, названия которых имеют общий облик и характер: «*Ино чюдо*». Можно предположить, что в

таких заглавиях назван не жанр («чудо»), а только событие, о котором повествуется. Поэтому оно *ино* – «еще одно из многих».

Таким образом, в заглавиях рассказов о прижизненных чудесах могут воплощаться такие коммуникативно-прагматические параметры исследуемой жанровой формы, как «объект», «субъект», «ситуация» и «чудесное событие», «средство свершения» и даже цель «коммуникации». Однако формулировка заголовка рассказа не всегда прямо отражает его жанровую и тематическую отнесенность.

2.4.2. Жанровая структура рассказа о прижизненном чуде: формуляр

Важно отметить, что, несмотря на различия в структурных схемах, чудесные рассказы обоих типов имеют схожий набор начальных и конечных формул. В ходе анализа выделены следующие типы начальных формул чудесных рассказов:

1) локализация во времени: а) *По сих же нѣкогда, По сих же временехъ, По семь же;* б) *Се бо въ единъ от дний, Въ единъ же от дънии, И тако въ единъ от дъний;* в) *Нѣкогда убо, По нѣколицѣх же лѣтех, Времени же нѣкоему минувшу;* г) *въ 1-вую недѣлю таковаго въздържаня, Таже по дѣвоя днью;* д) *нѣкогда же празднику приспѣвшу святых Богоявлений, И в самый убо тѣй час;*

2) локализация в пространстве: *мѣсто же оно, идѣже;*

3) обозначение «объекта» или посредника: а) *человекъ нѣкий, прииде же нѣкий человекъ, приведоша человекъ нѣкоего;* б) *инъ же бѣ вельмуза, бѣ же нѣкий христолюбецъ, тѣмже нѣкий боляринъ, предреченный же слуга;*

4) некоторое обстоятельство: *ходящу же святому по той пустыни, и се же разгражену бывъшю манастирю и онѣмъ не стрѣгущемся;*

5) свидетельство о чуде: *слышана же быша святаго преславная чюдеса; ни же се да умолчано будетъ; хошу же вашей любви бесѣду прострети о преславных чюдестѣхъ, яже творит Богъ угодником своим; тѣмъ же тако того молитвами благый Богъ ино пакы чюдо показа о святѣмъ томъ мѣстѣ;*

б) сведения о источнике-рассказчике: *и се исповѣда ми единъ отъ братия, и се пакы тъ же чърньць Иларионъ съповѣда ми.*

Наиболее частотными и вариативными являются начальные формулы, в которых обозначаются время действия или «объект». Рассказы о прижизненных чудесах начинаются преимущественно одной начальной формулой.

Конечный формуляр представлен несколькими типами:

1) хвалебно-благодарственные формулы: *многа благодарения въздаваа Богу, творящему дивнаа и преславнаа чюдеса своим угодником; благодать въздая Богу и Пречистѣй Его Матери, творящему преславная святым Своим угодником; поя и славя Бога и Пречистую Его Матерь и святому Кирилу велие благодарение въздая; прославиша Бога, давшиаго ему такову благодать;*

2) субъектная формула: *запрещениемъ преподобнааго и молитвою; благодатию Христовою и помощию Владычица нашеа Богородица, се бо посъщение Божие есть; гадѣмъ осквърни сию Богъ, якоже на показание тому бытии; блаженный помысли, яко Божие есть съмотрение; съхраненъ помощию Владычица нашеа Богородица;*

3) результат чуда: *Якоже от того часа не явится бѣсомъ на то мѣсто; И тако церковь поставлена бысть во имя Пресвятыа Владычица нашеа Богородица и Приснодѣвы Мариа, честнаго еа Успения;*

4) следствие чуда: а) *отиде же человекъ здоровъ въ домъ свой; Святый же, наказавъ человека того не послушати того лукаваго съвѣты, прочее отпусти его; пребысть в монастырѣ нѣколько дни кроток и смысленъ;* б) *Оттолѣ же предреченный князь Михаилъ велику вѣру стяжа къ святому; подаваше же и от имѣния своего на състроение манастирю; Он же не можаше срама ради явится пред лицомъ святого;* в) *И того дни ловци тиши яши множество рыбъ паче прѣвыхъ дний; Богъ же пакы нескудно подаваше ему еже на потребу божествьнууму тому стаду;*

5) состояние «объекта» чуда или другого героя: *Пребысть же святый всю ноцъ без сна, внимаа умом о неизреченномъ видѣнии; но токмо дивляхуся и не*

просту быти вещь познаваху; Тъмже братия яко мало нѣчто от печали премѣнившеся;

б) свидетельство о чуде: *проповѣдаше святаго чюдеса; Сице же ини мнози, видѣвъше се многашьды, сповѣдаху се; исповѣда единому отбратия въ манастири блаженааго, иже истиньна суть;*

7) сведения о источнике-рассказчике: *Увѣдѣно же бысть чюдо сие от иже ученика святаго; Сиа убо сама та княгини Марья исповѣда единому от инокъ обители тоя.*

Наиболее частотными являются хвалебно-благодарственные формулы и формулы, описывающие последствия чудес. Обычно в текстах имеет место не одна, а несколько конечных формул: *И тако пребысть в монастырь нѣколико дни кроток и смыслень, благодатию Христовою отиде здравъ в дом свой, радуяся, и славя Бога, и хвалу въздая, яко его ради молитвъ приат исцѣление [ЖтСР: 352]; И абие помощию Божию и Пречистыя Его Матере чисто воды священныа, от святаго принесеной, вкусивъ и от нея покротився по всему тѣлу, исцѣление получи и бысть здравъ молитвами преподобнаго Кирила [ЖтКБ: 172], Блаженный же, то слышавъ, прослави Бога, спасъшааго я от таковыа съмьрѣти. Онъ же поучивъ я, еже о спасении души, и тако отпусти я, славяща и благодаряща Бога о вьсѣхъ сихъ [ЖтФП: 400].*

2.4.3. Базовые стилистические средства и приемы репрезентации чуда

Переходя к характеристике выразительного языкового потенциала рассказов о прижизненных чудесах, считаем уместным вновь обратиться к сущности чуда. Чудо – это сверхъестественное событие, явленное человеку. Чудо должно иметь воплощение, образ, чтобы тот, кто его удостоился, мог увидеть, почувствовать, воспринять его. Чудо также должно противоречить естественным законам природы, чтобы человек распознал его именно как чудо, а не как рядовое событие. При этом важно, что «в чуде создается конкретно-чувственный образ, предметное значение которого обязательно» [Рогожникова 2003: 52]. «Закономерным поэтому

представляется предпочтение в чудесах приема сравнения другим образно-выразительным средствам» [Там же: 90].

Действительно, в текстах всех видо-тематических вариантов находим большое количество сравнений: *Они же, яко земля жаждущия воды <...> чловѣкы, житиємь акы ангельмь тѣчны, <...> Феодосий паче солнца въсиявъ добрыими дѣлы* [ЖТФП: 384]; *устрьмишася на ня, акы звѣрие диви* [ЖТФП: 400]; *пламень великъ зѣло от върха църкъвьнааго ишѣдъ и, акы комара сътворивъся, прѣиде на другой хѣльмь* [ЖТФП: 416]; *нѣчто образом акы анафору, видѣнием акы малъ кусъ бѣла хлѣба пшенична* [ЖТСР: 276]; *свѣтъ бо велий явися с небесе, яко всей ноцнѣй тмѣ отгнаннѣй быти... и толицѣмь свѣтом ноцъ она просвѣщена бѣ, яко дневный свѣтъ превъсходити свѣтлостию* [ЖТСР: 352]; *Имже образом видѣль еси птица сиа, тако умножится стадо ученикъ твоих и по тебѣ не оскудѣют* [Там же]; *свѣтъ велий остины святого зѣло, паче солнца сияюща* [ЖТСР: 380]; *лежаща от страха, яко мертва* [Там же]; *и отпадоша яко чешуа от очию его, абие прозрѣ* [ЖТСР: 382]; *тогда божественый огонь свится якоже нѣкаа плащаница* [ЖТСР: 386]; *И гласом онѣм, яко перстом, показаше мѣсто то* [ЖТКБ: 148]; *не токмо звонъ слышашеся от мѣста того, но яко и пѣвци поюще бяху* [ЖТКБ: 150]; *снидох в воду, мнѣхся, яко въ укропѣ стояти* [ЖТКБ: 176]; *яко в сонѣ тонокъ сведенъ бысть* [ЖТКБ: 180]; *от тоа болѣзни яко въ иступлении ума бывшу* [ЖТКБ: 192].

Сравнение позволяет описать то, что не имеет конкретной материальной формы или закрепленного в узусе названия; то, что по своей интенсивности приближается к некому идеалу или превосходит его; то, что не является свойственным объекту.

Противоречивость чудесного заключается в противопоставлении должного и наличествующего: то, что случилось, невозможно, потому что так быть не должно, однако оно есть. В тексте противопоставление передается за счет антитезы, в которой сталкиваются противоречащие друг другу обстоятельства, при этом должное может подразумеваться, оставаться невысказанным: *Тѣгда же тѣ разумѣвъ, яко явление от Бога бысть ему, не бо его видѣ двѣрми излѣзшиа,*

ни пакы двърми вълъзъша, нъ на немъже мѣсть явивься, на томъ же пакы и невидимъ бысть [ЖтФП: 398]; отъ земля бо възятъся църкы и съ сущиими въ ней възиде на въздусть <...> Сущеи же въ църкви съ блаженнымъ не разумъша, ни чюша того [ЖтФП: 400]; Жены же рѣша к ней: «До како дастъся глас прежде рожения младенцу, въ утробѣ сущу?» [ЖтСР: 264]; Токмо прешедше къ игумену, дивляхуся, глаголюще: «Отче! Како пшеничнии хлѣбы с маслом и съ зелиемъ утворени суть, тепли, а не от близ привезени <...> суще?» [ЖтСР: 340]; Но сиа ушесы слышаху, и очима же ничтоже можаху видѣти, но токмо дивляхуся и не просту быти вещь познаваху [ЖтКБ: 150]; древодѣлники, никымъ же позвани быша, приидоша [ЖтКБ: 154]; Но ничтоже бяше видѣти: он бо толико отхожаше, и огонь угасаше [Там же].

Таким образом, можно заключить, что сравнение и антитеза выступают основными выразительными средствами, воплощающими природу чуда в тексте [Хоменко 2023].

Выводы по главе 2

В результате анализа текстовых, тематических, структурно-семантических, коммуникативно-прагматических и лингвостилистических особенностей рассказов о прижизненном чуде в составе древнерусской и старорусской агиографии, представленной житиями Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, выявлен ряд специфических признаков, характеризующих рассматриваемую жанровую единицу.

1. Текстовые признаки. Прижизненные чудеса входят в основную часть жития, являются композиционно завершенными фрагментами агиографического текста. Структурные единицы жанровой формы представлены тремя типами: моночудесными рассказами, поличудесными рассказами и чудесами, входящими в состав последних. Для поличудесных рассказов определено четыре типа отношений: самостоятельные чудеса, основное и второстепенное чудо, основное и побочное, основное и вспомогательное. Рассказы о прижизненных чудесах отличаются разнообразием размера, структурно-сюжетной сложности, объема

текста. Выделяется четыре типа структурно-сюжетной сложности рассказов: элементарные, простые, осложненные и комплексные рассказы. При этом текстово, а вместе с тем содержательно и прагматически, рассказ о прижизненном чуде в отношении к житию принципиально не самостоятелен, не автономен. Такое положение рассказа о прижизненном чуде позволяет квалифицировать данную жанровую форму как субжанр, функционирующий в рамках агиографического жанра.

2. Тематические признаки. Рассказы о прижизненных чудесах классифицируются по тематическому основанию. Тема рассказа определяется видом чуда или проблемной «ситуацией», в которой оказывается герой рассказа. Выявлены девять регулярных (воспроизводящихся в разных житиях) видо-тематических вариантов рассказов: «изгнание бесов», «исцеление», «оживление», «исполнение просимого», «материализация необходимого», «наказание», «защита», «видение», «благоухание»; и четыре единичных, обнаруженных только в одном из исследуемых житий: «крик младенца в утробе», «освоение грамоты», «изведение источника», «тушение огня». В старорусской агиографии в сравнении с древнерусской тематика рассказов представлена в расширенном виде.

3. Коммуникативно-прагматические признаки. В качестве базового для описания жанровых признаков рассказов о прижизненном чуде и его моделирования применен коммуникативно-прагматический анализ на основе семи параметров (конститутивных элементов), определенных на основании внутритекстовой коммуникации и коммуникативных ролей ее участников. Базовыми элементами жанровой модели являются четыре параметра: «ситуация», «субъект», «объект» и «чудесное событие». Каждому видо-тематическому варианту рассказов свойствен определенный набор жанровых параметров и их реализаций. Так, для регулярных видов чудес сформировано девять жанровых моделей. Все коммуникативно-прагматические параметры представлены в текстах рассказов специфическими языковыми средствами. Особым жанровым компонентом является «коммуникация», поскольку в ней реализуются

коммуникативно-прагматические цели и установки данного субжанра. Параметры «средство свершения» и «свидетель» чуда являются дополнительными. Параметр «ситуация», представленный в двух типах реализации, обуславливает соответствующие структуры чудесных рассказов, различающиеся количеством и составом частей.

4. Лингвостилистические признаки. В результате лингвостилистического анализа выявлены языковые признаки субжанра: начальные и конечные формулы, сигнализирующие о границах рассказов; репрезентации коммуникативно-прагматических параметров, воплощающие в тексте конститутивные элементы жанра; языковые средства выражения значимой для чудес категории времени; средства художественной выразительности, позволяющие отразить сущностные признаки чуда (образность, неожиданность, противоречие естественным законам).

В начальных формулах задается хронотоп повествования, обозначается исходная «ситуация», сообщается информация об «объекте», свидетельстве или источнике чуда. Конечный формуляр включает формулы, выражающие результаты, последствия, источник, свидетеля чуда, состояние «объекта», а также формулы субъектные и хвалебно-благодарственные.

В текстах рассказов о прижизненных чудесах могут быть представлены как свернутые, так и развернутые репрезентации коммуникативно-прагматических параметров жанра. Размер рассказа, его структурная схема и развернутость языковых репрезентаций жанровых параметров являются взаимообусловленными. Свернутым текстам свойственна структура, представленная минимальным набором языковых средств: «ситуация», «коммуникация», «чудесное событие» выражены свернуто, формульно. Чем объемнее текст, тем полнее его структура, богаче и разнообразнее языковые средства, воплощающие жанровые компоненты.

Каждому виду чуда свойственны особые формулы и обозначения. Большая степень языковой вариативности проявляется в рассказах о «видениях» в связи с коммуникативно-прагматическим параметром «чудесное событие».

«Субъект» и «средство свершения» чуда, кроме обычных номинативных структур, репрезентированы также субъектными и хвалебно-благодарственными формулами – одними из наиболее устойчивых и показательных для рассматриваемого жанра: во-первых, они служат формальными границами рассказа о прижизненном чуде, сигнализируя о его завершении и начале следующего; во-вторых, наличие благодарственных и субъектных формул характерно исключительно для рассказов о чудесах (в основной повествовательной части жития они не обнаружены).

В репрезентации параметра «коммуникация» значимое место занимают побудительные и вопросительные предложения как средства экспликации основных коммуникативных намерений и целей героев – просьбы, побуждения, дознания.

Отличительной особенностью чуда как события выступает свойство ввергать его свидетелей в определенные эмоционально-чувственные состояния радости или ужаса, которые в рассказах о чудесах передаются преимущественно с помощью сравнения и антитезы – приемов, релевантных для отражения признаков связанного с чудом события.

5. Становление жанра. Принципиально важным для нашей работы является выбор для анализа исследуемой житийной формы источников материала, которыми явились прежде всего жития преподобнических. Описание чудес было обязательным элементом житий именно преподобных святых, поскольку чудотворение является одним из определяющих признаков этого лика святости. Результатом комплексного исследования рассказов о прижизненных чудесах стало заключение о том, что в преподобнической агиографии обсуждаемая жанровая форма представлена в своем образцовом виде. При этом установлено, что хронологически в рассказах о прижизненных чудесах происходит усложнение видо-тематического разнообразия и содержательной структуры, возрастает количество текстов, в которых «субъектом» чуда становится сам святой, чудеса выделяются в главы и получают заглавия. Это свидетельствует о развитии данного субжанра в составе житий преподобных святых в период XII–XV вв. на

тематическом, структурно-семантическом, композиционном,
коммуникативно-прагматическом и лингвостилистическом уровнях.

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБРАЗЦА РАССКАЗА О ПРИЖИЗНЕННОМ ЧУДЕ В АГИОГРАФИИ XVI–XXI ВВ.

Выявленные и описанные в главе 2 жанровые признаки рассказа о прижизненном чуде являются основой для описания прижизненных чудес в составе других агиографических повествований – как более поздних житий преподобных святых, так и агиографии других ликов святости. Третья глава настоящей работы посвящена изучению жанровой формы «рассказ о прижизненном чуде» в составе житий преподобных святых XVI в. и житий юродивых святых XVI–XXI вв.

3.1. Рассказ о прижизненном чуде в составе преподобнических житий XVI в.

Предметом изучения в данном разделе являются тематические, структурно-семантические, коммуникативно-прагматические и лингвостилистические особенности рассказа о прижизненном чуде в составе житий преподобных святых Пафнутия Боровского и Александра Свирского, а также изменения в проявлении его жанровых признаков в сравнении с жанровым образцом.

Преподобный Пафнутий, основатель монастыря в Боровске, духовный учитель Иосифа Волоцкого, яркого религиозно-политического деятеля рубежа XV–XVI вв., занял свое почетное место в истории русской церкви. Известно, что из монастыря Пафнутия Боровского вышел митрополит Макарий, под патронатом которого составлены Великие Минеи Четьи [Ключевский 1988: 221].

О жизни святого сохранилось два произведения, написанных его ближайшими учениками: «Сказание о смерти Пафнутия Боровского» авторства инока Иннокентия, повествующее о последних днях и кончине преподобного, а также житие, составленное Вассианом Саниным, братом Иосифа Волоцкого. Последнее явилось отражением не только преподобнического подвига святого, но и религиозных настроений времени [Кадлубовский 1898: 3-5]. Житие известно в

двух редакциях, одна из которых вошла в состав Великих Миней Четых и представляет собой один из интереснейших текстов агиографического жанра.

Заслуживающим специального исследования прижизненных чудес в составе преподобнической агиографии XVI в. представляется также житие Александра Свирского. Его автор Иродион (Кочнев) был лично знаком с Александром, постригшим его в иноки Спасско-Троицкого монастыря, и запечатлел события его жизни по повелению митрополита Макария специально для Великих Миней Четых всего через 12 лет по преставлении святого. Отечественные исследователи житийной литературы отмечают, что агиограф при написании опирался не только на свидетельства современников, но и на такие литературные источники, как жития Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского и др., а значит, в нем, несомненно, отразились традиции создания образцового чудесного рассказа. Как отмечает исследователь текстологии жития Александра Свирского Е. А. Соболева, житие имело высокую популярность, о чем свидетельствует большое количество редакций и списков, дошедших до нашего времени [Соболева 2016]. В настоящей работе житие изучается по списку РНБ, Погод. 874, XVI в. (443 об. – 514 об.) [21 тыс. с/у], входящего в состав Санкт-Петербургского корпуса агиографических текстов (СКАТ) и изданного в рамках его оцифровки [URL: <https://project.phil.spbu.ru/scat>].

3.1.1. Особенности тематики и реализации коммуникативно-прагматических параметров в рассказах о прижизненном чуде в житиях преподобных XVI в.

В составе Жития Пафнутия Боровского (далее также – ЖтПБ) нами выделены рассказы о 21 чуде, свершившемся при жизни святого. Тематический круг рассказов ограничен шестью разновидностями: «исцеление недуга» (8), «изгнание бесов» (4), «видение» (4), «наказание» (3), «защита» (1), «материализация необходимого» (1). В Таблице 5 представлено тематическое распределение рассказов о прижизненных чудесах в составе житий Пафнутия Боровского и Александра Свирского.

Таблица 5. Количество и видовое распределение чудесных рассказов в преподобнической агиографии XVI в.

Вид (тема)	ЖтПБ	ЖтАС	Всего
1. Изгнание бесов	4	1	5
2. Оживление	-	-	-
3. Исцеление	8	1	9
4. Исполнение просимого	-	3	3
5. Материализация необходимого	1	2	3
6. Наказание	3	-	5
7. Видение	4	13	17
8. Защита	1	-	1
9. Благоухание	-	-	-
10. Крик младенца в утробе	-	-	-
11. Освоение грамоты	-	1	1
12. Изведение источника	-	-	-
13. Тушение огня	-	-	-
Всего видов	6	6	9
Всего рассказов	21	21	42

Самая многочисленная в ЖтПБ группа рассказов об «исцелении» представлена четырьмя текстами, входящими в состав поличудесных рассказов, а также четырьмя самостоятельными текстами, три из которых расположены в житии друг за другом и перемежаются с двумя рассказами об «изгнании бесов», а четвертое выделено в особую главу. В трех поличудесных рассказах «исцеления» показаны в единстве с «наказаниями»: в первом недужный после исцеления нарушает данное святому обещание и наказывается очередным недугом и, покаявшись, получает исцеление («Чудо святого о Діонисіи иконникъ»), во

втором и третьем согрешивший и наказанный просит святого об избавлении от страданий. В одном из рассказов исцеление происходит после ритуальных действий в то время, когда «объект» находится в состоянии сна [Хоменко 2024].

В одном из чудесных рассказов наблюдается смешение двух видов чудес – «исцеления» и «изгнания бесов». В заголовке рассказа заявляется первый вид чуда – «*О женѣ болярыни, исцѣльвишей отъ святаго*», далее в описании проблемной «ситуации» говорится о болезни, происходящей от дьявола: *нападе болѣзнь отъ дѣйства дьявола, смущеніе ума. зряше очивѣсть дѣмоны многы приходяща къ неи, и устрашающе ея. и смущеніе ума содѣвающе* [ЖтПБ: 33]. При этом исцеление происходит без запроса «объекта» в видении: *повнегда же бываше еи сіе и зреть нѣкоего страца <...> и внегда нападати на ню дѣмономъ. онъ же явися со властію яко волки отганяше ихъ отъ нея и тогда здрава бываше* [ЖтПБ: 33]. «Видение» в данном случае является вспомогательным и выступает в качестве «средства свершения» основного чуда. Причину облегчения состояния страждущей можно обнаружить лишь в исходной характеристике героини, которая при этом ни разу не видела своего спасителя: *сія зѣло велію вѣру имяше ко блаженному отцу Пафнотію* [ЖтПБ: 33]. Несмотря на то что в этих двух видах чуда используются аналогичные средства описания проблемных обстоятельств, объединить их в рамках одного вида не представляется возможным. По нашей классификации текст отнесен к виду-тематическому варианту «изгнание бесов», поскольку в них «объект» подвергается в первую очередь ментально-душевному страданиям, в то время как «исцелением» является избавление только от телесных недугов.

Данный текст ярко демонстрирует строгость порядка, установленного Пафнутием в пределах его управления. Боярыня, никогда дотоле не встречавшаяся со святым, в исцеляющем «видении» впервые узрела его облик и после этого отправилась в монастырь, чтобы увидеть святого вживую, но сделать это ей удалось лишь мельком, за пределами обители, поскольку *не въходно же бѣ женамъ во обитель* [ЖтПБ: 33]. Мотив узнавания наяву ранее явленного в видении святого является важным элементом в сюжете подобных рассказов и

обнаруживается также в составе уже рассмотренных агиографических памятников.

В остальных текстах об «изгнании бесов» в качестве «объекта» чуда выступает также человек, его образ и поведение. При этом коммуникативная ситуация характеризуется нетипичными особенностями, которые будут рассмотрены в следующем разделе.

«Видение» как разновидность чуда с непроблемной «ситуацией» (цель не в помощи «объекту» в трудных обстоятельствах (болезнь, нехватка, угроза жизни), а в его информировании), происходит в условиях службы, молитвы или же в состоянии, близком ко сну, и обычно представляет собой комплексный визуально-аудиальный образ, явленный объекту высшими силами с целью сообщить нечто важное. Однако в данном житии «видения» меняют свою коммуникативную цель. Если в житиях XII–XV вв. с помощью «видений» «объекту» чуда сообщалось, за редким исключением, только о благостных обстоятельствах (святому указывалось направление движения или место, угодное Богу для поселения подвижника или для возведения монастыря, отмечалась великая судьба святого и избранность его обители и др.), то в данном агиографическом памятнике самостоятельные «видения» явлены «объекту» с целью обнажить для него неблагоприятные обстоятельства [Хоменко 2024]. Из четырех «видений» в этом житии три являются самостоятельными и одно входит в состав поличудесного рассказа в качестве вспомогательного.

В ЖтПБ число рассказов о «защите» и «материализации необходимого» сокращается до одного в каждом виде. «Защита», ранее зачастую свершавшаяся благодаря «видениям», в этом житии определяется как чудесная лишь косвенно. Рассказ о «материализации необходимого» в жанровом аспекте не проявляет специфических черт и соответствует рассказам данного тематического вида в составе уже рассмотренных житий.

Обилие недужных, бесноватых и наказанных за грехи, по замечанию А. П. Кадлубовского, согласуется с общим настроением жития, в котором «религиозное начало получает характер суровый и мрачный» [Кадлубовский

1898: 8]. Последнее, в свою очередь, объясняется большим вниманием к внешней, формальной стороне служения Богу, к аскетизму, запрету и каре за преслушание, нежели к всепринятию и всепрощению. В. О. Ключевский видит причины такой «суровости и мрачности» в выработанном Пафнутием особом направлении русского монашества XVI века: «согласно с духомъ своего родоначальника <...> эта школа отличалась стремленіемъ къ дисциплине, к внѣшнему порядку и благолѣпію и сильнымъ практическимъ смысломъ» [Ключевский 1988: 222].

Кроме чудес в житии Пафнутия можно выделить рассказы о провидении. Однако отсутствие ряда жанровых признаков чудесных рассказов не позволяет квалифицировать указанные рассказы как чудесные: в начале рассказа не дается исходной проблемной «ситуации», которая в дальнейшем разрешается с помощью «чудесного события»; при обличении не происходит качественного изменения в состоянии обличаемого (потенциального «объекта», как могло бы быть в рассказах о «наказаниях»); отсутствует описание визуальных и аудиальных явлений, свойственных «видениям». Кроме того, в рассказах о провидении речь идет не о даре чудотворения, а о даре прозрения, и эта особенность раскрыта в самих текстах: *«О прозрѣніи святаго отъ образа познавати. Имяше же сеи даръ отъ бога... еже отъ образа познавати, аще кто коею страстію побѣдитя»* [ЖтПБ: 32]. Подробнее роль провидческого дара в чудесных рассказах раскрывается нами в разделе, посвященном чудесам в житиях русских юродивых, для которых прозорливость – один из характерных признаков святости [Хоменко 2024].

Провидческий дар Пафнутия обуславливает такую особенность в реализации коммуникативно-прагматического параметра «коммуникация», как отсутствие вербализации просьбы нуждающегося в помощи, которая является одним из жанрообразующих признаков чудесных рассказов.

Наиболее частотным типом «объекта» чуда является человек, лишь в двух текстах (о «материализации необходимого» и «наказании») – пища. В качестве «средства свершения» чуда выступают молитва и молебен, крестное знамение,

обещание блаженного, помазание святой водой или ее вкушение. В качестве новых реализаций данного параметра можно отметить чтение Псалтири.

В ЖтПБ прижизненные чудеса совершаются преимущественно в пределах монастыря и по отношению к членам братии. Миряне становятся «объектами» чудес в ограниченном числе рассказов и по большей части лишь в границах обители, куда им необходимо прибыть для получения чудесной помощи. Святой выступает «субъектом» чуда в двух третях рассказов. В двух случаях «субъектом» являются темные силы.

В ЖтПБ чудесные рассказы встречаются как с заглавиями, так и без них. Заглавия служат для маркировки фрагмента жития как отдельного эпизода в жизни и деятельности святого или других героев повествования. В заглавиях обозначаются жанр рассказа, тематика, реализуются параметры «субъект», «объект» и даже «средство свершения» чуда: *О видѣніи святаго и о старце впадшемъ в блудъ, Чюдо святаго о рыбахъ, Чюдо святаго о Діонисіи иконникъ, О гавранъхъ, О татехъ крадшихъ волю, Видѣніе старца Еуфимія о двою брату, О женѣ болярыни, исцѣльвшеи отъ святаго, О исцѣльвніи ока молитвами святаго, О юнемъ ученицѣ святаго*. Остальные чудесные рассказы приводятся без заглавий [Хоменко 2024].

В житии Александра Свирского обнаружен 21 рассказ о прижизненных чудесах. Тематический репертуар не отличается особым разнообразием и так же, как в предыдущем памятнике, ограничивается лишь шестью разновидностями, однако их круг и распределение текстов иные: «видение» (13), «исполнение просимого» (3), «материализация необходимого» (2), «исцеление» (1), «изгнании бесов» (1), «освоение грамоты» (1). Последняя разновидность среди исследуемых нами текстов ранее встречалась лишь в житии Сергия Радонежского. Повтор этого типа чуда в более позднем памятнике преподобнической агиографии позволяет ввести «освоение грамоты» в разряд тематических видов, определяемых нами как регулярные – представленные в нескольких из рассматриваемых нами житий. Остановимся на этом виде чуда для подробного рассмотрения его признаков.

В первую очередь следует отметить, что в рассказах этого вида «объектом» чуда становится сам святой, при этом будучи еще не воцерковленным, но уже глубоко верующим подростком. Такие чудеса встречались редко, меньше остальных воспроизводились книжниками в текстовом виде, и поэтому рассказы об «освоении грамоты» содержательно и структурно менее формализованы. В житии Сергия Радонежского этот вид чуда представлен продолжительным повествованием, начинающимся с того, что отец отправляет отрока Варфоломея на поиск скота, но тот встречает молящегося под дубом черноризца, *старца свята, странна и незнаема, саномъ прозвитера, святолънна и аггеловидна* [ЖтСР: 276]. В характеристике старца проявляется его чудесная природа. В ответ на вопрос старца о предмете поиска отрок говорит, что хочет обучиться грамоте, но пока безуспешен в этом, и просит старца помолиться о нем. Тот исполняет его просьбу и дает вкусить кусочек просфоры. Вслед за этим черноризец поучает Варфоломея и обещает ему успех в обучении: *о грамотъ, чадо, не скръби: вгдыи буди извъстно, яко от сего дне дарует ти Господь грамотъ умъти зъло добръ, паче братиа твоя и паче свръстник твоих* [ЖтСР: 276]. Не готовый разлучиться со старцем, отрок просит его прийти в родительский дом, но прежде они приходят в часовню помолиться, где обнаруживается, что будущий святой *приим благословение от старца, начят стихословити зъло добръ стройнъ; и от того часа гораздъ бысть зъло грамотъ* [ЖтСР: 278]. Родители благодаря старцу утверждают в избранности своего чада, рассказывая о чуде, происшедшем, когда их сын был еще в утробе матери. Проводник Варфоломея предрекает ему великую судьбу. Повествование сопровождается отсылками к Священному Писанию и пространными репликами старца. Когда он покидает родителей отрока, вновь проявляется ангельская сущность «субъекта» чуда: *от них вънезаану невидим бысть. Они же, недоумгвающеся, помышляяху, яко аггель посланъ бысть даровати отроку умъние грамотъ* [ЖтСР: 278]. Параметр «чудесное событие», уже обозначенный во фрагменте о служении Варфоломея вместе со старцем, вновь актуализирован в более детальном описании в завершении рассказа: *по ошествиши же старца оного обрътесе отрокъ внезаану*

всю грамоту оттуду добръ умѣа, прѣмѣнися странным образом: и куюждо разгнетъ книгу, ту абие добръ чтый, да разумѣетъ [ЖтСР: 280].

В составе жития Александра Свирского рассказ об этом виде чуда более краткий и простой сюжетно. Учащийся грамоте отрок Амос *ничто же успѣваше се же бѣ по строенію Божію. яко да отъ Бога книжныи разум дастся ему а не отъ человекъ* [ЖтАС: 5/446 об. стб. 1]. Автор жития сообщает о чуде до его свершения, подготавливая читателя к описанию этих событий. Отрок в молитве просит о помощи в обучении, после чего *некое Божіе явленіе явися глаголя въстани не боися а еже еси просил то и примѣши. и то же слышавъ юноша от божественаго онога гласа скоро воставъ отъ земля и благодарныя молитвы Богу воздаваше и съ свои домъ отиде зило радовашеся* [ЖтАС: 447 л. стб. 1-2]. Здесь очевидна неоднородность чудесного элемента: тематически это «освоение грамоты», но формально реализация параметра «чудесное событие» свидетельствует о том, что это «видение» – описание явления ангела, сообщающего отроку, что тот услышан и одарен знанием грамоты. Это чудо носит не преобразующий, а информирующий характер: агиограф в тексте никак не демонстрирует нового умения отрока. Читателю остается принять это на веру. Тем не менее, опираясь на тематическую составляющую, в данном рассказе реализующуюся в параметре «ситуация», считаем правомерным отнести этот текст к разновидности «освоение грамоты», а «видение», с помощью которого совершается тематическое чудо, считать вспомогательным и не учитывать его в числе текстов этого тематического вида.

«Видения» является ведущим видом чуда в составе ЖтАС. Они представлены тринадцатью рассказами. И. В. Стародумов объясняет этот факт связью жития «с исихастскими традициями, развивавшимися на Русском Севере учениками преп. Сергия Радонежского» [Стародумов 2009: 19]. Одно из «видений», явленное родителям святого, сообщает им об избранности их чада и перекликается с чудом о крике младенца в утробе в составе жития Сергия Радонежского.

Особенностью «видений» в ЖтАС является разнообразие содержательных подробностей и обилие языковых средств выражения природы чудесного. Здесь агиограф отступает от шаблонного описания явления высших сил. При этом в данном житии обнаруживается специфический подвид «видений» – явление ангела-проводника, который сопровождает «объекта» на пути к его цели, указывая направление движения, приводя его в то место, в котором его хочет видеть Бог.

Один из рассказов этого вида демонстрирует отступление от сложившегося ранее образца «видения» в части реализации параметра «ситуация». Специфика чудесного рассказа под заглавием *«О видении Данила како видѣл в раи преподобнаго отца Александра з братею в льто 7023»* заключается в том, что вопреки виду чуда, которому соответствует непроблемная «ситуация», проблема содержится в экспозиции: мирянин Данил, духовный сын и ученик Александра Свирского, тяжело болен и находится при смерти. На седьмой день болезни в ночное время он обнаруживает себя *на некоем мѣсте велицѣ и свѣтле стояща*, где ему являются два ангела. Однако чудесное «исцеление» бывшего больным Данила здесь вытесняется на второй план, описывается вскользь и скудными языковыми средствами; отсутствует важный для этого вида чуда показатель внезапности события, разрешающего проблемную «ситуацию». Заданное проблемной ситуацией «исцеление» теряется на фоне многоступенчатого красочного «видения» и постчудесной «коммуникации».

В тексте жития содержатся пять заключительных рассказов о прижизненных чудесах, имеющих заглавие с обозначением номинации чуда и его номера (традиционным средневековым способом – буквенным), темы, «субъекта» и «объекта»: *«Чюдо А Преподобнаго Отца Александра»*; *«Чюдо В о рыболовстве»*; *«О Богдане о Крюкове чюдо Г е святаго»*; *«Чюдо Д о видѣнїи святыя богородица како явися святому на основанїи церкви»*; *«Чюдо Е о рыбахъ како яша множество рыбъ молитвами святаго»*. Эти главы расположены непосредственно перед повествованием о преставлении святого. В связи с этим закономерно предположить, что главы были присовокуплены к житию при создании одной из

редакций. Эта группа рассказов включает оба текста о «материализации необходимого», два рассказа об «исполнении просимого» и одно «видение».

Особенность рассказов о «материализации необходимого» в житии Александра Свирского заключается в том, что «объектом» в обоих случаях является пища, а чудо происходит не в связи с ее нехваткой, а по морально-этическим причинам. Более подробно эти особенности будут рассмотрены в следующем разделе.

Два из трех рассказов об «исполнении просимого» сопоставимы с рассказами из ЖтКБ о супружеских четах, которые не могли зачать ребенка: в них нуждающиеся также обращаются к святому за помощью в деторождении. Однако в ЖтАС в рассказах данного вида святой не спешит помогать просящему, а поучает его и наставляет быть трудолюбивым и помогать нищим, убогим, сиротам и вдовам. Ритуальные действия для свершения чуда Александр производит лишь тогда, когда «объект» демонстрирует ему готовность быть смиренным и служить во благо обществу, а чудо происходит как дополнение к поучительной составляющей рассказа.

К «исполнению просимого» мы относим также рассказ, в котором повествуется об изведении источника, однако чудесным образом в нем решается другая проблема: Александр обращается к Богу с молитвой о помощи в предотвращении разрушения монастыря бурным водным потоком горной реки, появившейся благодаря упорному физическому труду святого и братии. Идея, постулирующая приоритетность активных действий в достижении целей и исполнения желаний нуждающихся над упованием на чудо, вербализуется в большинстве чудесных рассказов с проблемной «ситуацией».

Единственный рассказ об «изгнании бесов» предлагает нетипичное для данного вида чуда положение, в котором святой совмещает в себе роли «объекта» и «субъекта», а бесовское наваждение представлено как процессуальное событие, характерное для «видений», с той лишь разницей, что являются святому не высшие силы, а демоны. «Объектом» чуда в рассказе об «исцелении» также

выступает преподобный Александр. Эта особенность дополнительно выделяет его житие на фоне других рассмотренных.

В целом, для данного ЖтАС характерна концентрация чудес вокруг фигуры святого: они происходят либо с ним, либо для него и лишь изредка благодаря ему, когда он приходит на помощь нуждающимся. Александр становится «субъектом» чуда менее чем в трети рассказов. Действия в них разворачиваются преимущественно в пространствах, где находится святой: в монастыре или в пустыне, где он живет, на пути его следования к месту назначения и пр. (дистанцированно от святого – в единичных случаях).

В большинстве рассказов с проблемной «ситуацией» прослеживается реализация жанровых интенций жития: читателю сообщается идея о том, что для получения желаемого или необходимого нужно не полагаться на чудо, а быть богопослушным, трудиться духовно, физически и во благо братии и мирян. При этом в сравнении с другими рассмотренными житиями в ЖтАС чудесное разрешение не удовлетворяющих «объекта» обстоятельств второстепенно, оно происходит лишь благодаря смирению и покаянию героев, готовых к принятию своей судьбы. Эта особенность сопровождается полным отсутствием в житии рассказов о «наказании» и «защите», в которых чаще, чем в других тематических видах, репрезентируются образы грешников. Герои чудес по большей части либо демонстрируют праведный образ жизни, либо без сомнений готовы его придерживаться.

Возвращаясь к особенностям озаглавленных рассказов, отметим, что в их заглавиях эксплицируются вид, тема, «субъект» и «объект» чуда: «*О приходѣ к преподобному Александру Андрѣя Завалишина*», «*О приходѣ святаго ангела к преподобному*», «*О видѣніи Святыя Троица еже преподобнии видѣ и слыша глаголанная къ нему в лето 7016*», «*О видении Данила како видѣл в раи преподобнаго отца Александра з братею в лѣто 7023*». Отметим, что в текстовом выделении рассказов о чудесах в составе ЖтПБ и ЖтАС проявляется общая направленность агиографии XVI века к усилению рубрикации текста.

Помимо рубрикации еще одной общей чертой для обоих памятников агиографии выступает утрата чудесного начала в ряде эпизодов, которые в более ранних житиях были представлены как рассказы о чудесах. Раскроем указанную особенность на примере фрагмента ЖтПБ с заглавием «*О поставленіи святого каменная церкви*» и двух фрагментах ЖтАС, имеющих начало, сходное с чудесными рассказами о «материализации необходимого», но в ходе сюжета не получающих развития чудесного начала.

В первом рассказывается о том, как святой и его ученики в зимнее время возводили каменную церковь. Подобный рассказ имеется и в ЖтКБ под заглавием «*О поставлении церкви Пресвятыя Владычица нашеа Богородица, честнаго Ея успения*». Оба текста схожи тематически, сюжетно и даже по объему, при этом лишь второй является чудесным рассказом, что подтверждается результатами лингвистического и коммуникативно-прагматического анализа фрагментов. В экспозиции текста из ЖтКБ обозначена проблемная «ситуация»: *Но понеже убо братиамъ тогда съ святымъ суще, нужда бысть церковь въздвигнути ради общаго събрания* [ЖтКБ: 156]. Далее проблема усугубляется: *Но понеже мѣсто оно далече челоувѣчьскихъ жилищъ отстоаше, и древодѣли не бяше, и сего ради вся братиа нужно си имяху* [ЖтКБ: 156]. Приведенный фрагмент ЖтПБ начинается со следующих слов: *И якоже рѣхъ мнозѣхъ собравшимся къ нему. и раздѣляютъ съ тѣмъ множаишая труды. еже о вознаграеніи отъ камене сугубеишая церкви* [ЖтПБ: 28]. Так подчеркивается совместность действий святого и его учеников по возведению церкви, однако нет указания на потребность в помощи. Следовательно, жанровый параметр «ситуация» в этом случае отсутствует. Вслед за этим в рассказе из ЖтКБ представлены репрезентации параметров «средство свершения» и «чудесное события»: *Святый же Кирилъ <...> молитвовавъ къ Пречистѣй, и древодѣлники, никымъ же позвани быша, приидоша. И тако церковь поставлена бысть* [ЖтКБ: 154]. По молитве святого к Богородице материализовались помощники – проблемная ситуация решена; цель, заключавшаяся в возведении церкви, достигнута. Достигнута она и в отрывке из ЖтПБ, однако иным образом. Здесь подчеркивается трудовая доблесть

и готовность к аскезе подвижника и его союзников: *самъ блаженныи со ученики во время зимы каменіе влчаше. и въ часъ дѣла не точію каменіе но и воду. и ина вся на плещу ношаше. и не точію въ сихъ трудъ бѣ тѣиѣ. но и въ скудости пища и питія. и въ хуомъ покровеніи телеси во время зимное* [ЖТПБ: 28].

Фрагменты из ЖТАС также могли бы быть чудесными рассказами о материализации необходимого, причем первый из них в таком случае распался бы на два эпизода, поскольку в нем описывается подряд две проблемные ситуации: 1) отсутствие в обители воды для приготовления праздничной трапезы; 2) нехватка дров на кухне. Но решаются эти проблемы вновь благодаря активной деятельностной позиции святого: *тои же Роман шедъ повѣле блаженъному Александру яко нѣсть кто воды носяи тожде блаженъныи слышавъ съ великимъ спѣхомъ въставъ начатъ отъ езера в поваръню носити воду* [ЖТАС: 479 л. 2 стб.]; *то ж слышавъ блаженъныи и глагола то се азъ празденъ есмь се поиду приготавати на потребу елико дозвлетъ та ж преподобныи повелъ братии коемуждо поити на заповѣданую ему службу самъ же вземъ секиру и нача дрова сѣчи* [ЖТАС: 479 об. 1 стб.].

Второй фрагмент из ЖТАС имеет заглавие *О посланіи къ великому князю и о поставленіи церкви* и повествует о том, как святой решил построить каменную церковь, но братия роптала о нехватке необходимых для этого ресурсов. Приняв эту реакцию без скорби и смущения, Александр наставил иноков на веру в божью помощь и вскоре, помолившись, обнаружил неподалеку глину. Таким образом решается проблема отсутствия строительного материала, однако чудесность этого обнаружения лингвистически не проявлена в тексте – нет реализации параметра «чудесное событие». Далее в этом же рассказе за помощью в предоставлении рабочих святой обращается не к Богу, а к князю Василию Ивановичу, посылая к нему с грамотой нескольких старцев (подобно тому, как в ЖТКБ князь отправляли к святому своих посланников просить его помолиться Богу о деторождении). Князь с радостью удовлетворяет просьбу святого, отправляя ему каменщиков и надзирателя. Как видим, в данном случае нуждающиеся не надеются на чудо, а прибегают к самостоятельному поиску разрешения

обстоятельств, затрудняющих строительство каменной церкви. Помощником, наряду с небесным правителем, которому непременно нужно молиться и на волю которого нужно положиться, избирается также административный правитель.

Сопоставление этих фрагментов позволяет увидеть разность подхода агиографов XVI в. к отражению фактов биографии святого и раскрытию святости героя: если Пахомий Серб воплощает событие построения церкви в чуде, которое случилось благодаря покровительству Богородицы святому Кириллу, то Вассиан Санин акцентирует внимание на суровости условий и самоотверженности святого Пафнутия, а игумен Иродион подчеркивает покорность условиям, важность личного деятельного примера святого Александра и возможность разрешения проблемы в рамках профанного мира.

Обобщая анализ, можно заключить, что в тематическом распределении чудесных рассказов рассматриваемые жития характеризуются специфическим репертуаром видов прижизненных чудес, обусловленных фигурой святого, традицией и средой, в которых работал агиограф.

3.1.2. Содержательные и структурно-композиционные особенности

Рассказы о прижизненных чудесах в составе преподобнических житий XVI в. заметно отличаются от более ранних в содержательном плане, а также характеризуются рядом композиционных особенностей. Рассмотрим указанные жанровые признаки относительно видовых групп в каждом житии отдельно.

В составе жития Пафнутия Боровского рассказы о прижизненных чудесах передаются как простые и осложненные в структурно-семантическом плане, преимущественно короткого и среднего размеров, имеют место как моно-, так и поличудесные единицы.

Монорассказы об «исцелении» представлены довольно кратко, лишь один из них осложнен сюжетными подробностями: за недужного просит посредник – его мать, которая посылает к святому за молитвой и освященной водой для окропления. В этом и еще двух текстах подчеркивается крайне немощное состояние «объекта», близкое к кончине: *ему же умерти в сѣмъ ожидающимъ*

[ЖтПБ: 41], *смерти такоже приближающуся* [ЖтПБ: 41], *къ смерти приближающеса* <...> *смерти якоже познаватися приближшуся* [ЖтПБ: 41]. Четвертое самостоятельное «исцеление» выделено в главу под названием «*О исцѣльнѣи ока молитвами святаго*» и повествует о захворавшем иноке, которому святой повелел для выздоровления прочесть одну молитву тысячу раз, но тот *скончавъ же полъ, ощути от сея здравіе* [ЖтПБ: 34]. Прознав об этом, святой наказал иноку исполнить предписание до конца.

Поличудесные рассказы, являющие собой череду чудес (в данном житии – «наказаний» и «исцелений»), имеют средний размер и содержательно осложнены дополнительными обстоятельствами. Так, например, одно из «наказаний» происходит по причине нарушения установленного святым порядка, когда сын воеводы застрелил из лука ворона: *полагашежеса отъ него заповѣдь еже никтоже тѣхъ птиць или птенца ихъ рукама емъ или инѣмъ орудіемъ да погубить* <...> *обрѣте ю* [голову] *криво зѣло утвержену* <...> *отмсти рече богъ кровь гавранову* [ЖтПБ: 29].

Среди трех самостоятельных «видений» в ЖтПБ только одно можно назвать божественным: святой, задремав, видит метафорический сон о чудесном саде (обитель), в котором одно из деревьев клонится к земле (согрешивший инок); вслед за этим Пафнутий встречает раскаявшегося инока и поучает его. Это «видение» сродни провидению, которое также было даровано этому подвижнику, однако отраженные в тексте образность и процессуальность события делают его чудесным, в то время как во фрагментах о прозрении знание скрытых обстоятельств приходит к святому одномоментно. Остальные два «видения» имеют демоническую природу. В них «объекту» являются бесовские силы, препятствующие служению других иноков: *блаженному убо по утренемъ пѣнѣи, восклонившуся препочити. зрѣтъ нѣкоего черна видѣнїем, исъ пеци келїя его главня горяща изъемлюще и на келїю прежереченныхъ инокъ мещуща* [ЖтПБ: 30]; *зрѣтъ изъ за нихъ выникнуша нѣкоего мурина имуща на главѣ шлем остръ зѣло самъ же клочать отъ различныхъ цвѣтовъ клочїе имыи и в руцѣ крюкъ желѣзень имже начатъ привлчати къ себѣ прежереченная она два брата* [ЖтПБ: 31].

Издавший житие А. П. Кадлубовский отмечает, что интерес к демонологическим чудесам соответствует строгому направлению религиозной мысли, явленной в ЖтПБ, которая концентрируется «прежде всего на карахъ за грехи, съ представлениемъ, по которому Богъ отступает от грешника и предаеть его діаволу» [Кадлубовский 1898: 10].

Примечателен тот факт, что вслед за такими откровениями в видениях происходит дознание, когда святой обращается к инокам, подвергшимся бесовскому влиянию, *объявляет имъ видѣнная*, после чего они раскаиваются, признаваясь в согрешении. Блаженный же Пафнутий поучает и наставляет их: *призвавъ реченныя иноки и наказавъ ихъ еже не приимати отъ врага встъваемыя помыслы и не таити ихъ но исповѣданіемъ истерзати* [ЖтПБ: 32]. Кроме того, во многих чудесных рассказах независимо от вида чуда святой Пафнутий обличает пороки «объекта» и дает ему наставление о праведной жизни. Такие фрагменты являются важным элементом композиции чудесных рассказов в ЖтПБ, в них вербализуются нравственные ориентиры православного человека, что служит реализации жанровых интенций прижизненных чудес.

Сопоставление с рассказами о чудесах более ранней преподобнической агиографии показывает, что «защита» в ЖтПБ лишается описания чудесного события. Так, в агиографических памятниках, рассмотренных в предыдущей главе, чудесная «защита» высшими силами могла производиться с помощью «видений». Например, в житии Феодосия Печерского находим чудо, в котором разбойникам, желавшим обокрасть братию, слышалось ангельское пение из церкви и было явлено, как она воспарила над землей, а Кирилла Белозерского в минуту опасности спасали образы товарищей, пришедшие ему во сне. Эти «видения», хоть и с разной степенью развернутости, передавались как визуально-аудиальные явления. В ЖтПБ в рассказе о «защите» повествуется о том, как воры, спрятавшись в соседнем лесу, хотели украсть волов из обители святого, но никак не могли найти дорогу к ней. Здесь параметр «чудесное событие» реализуется опосредованно – на чудесность происшедшего указывает качественное сравнение с ослепшими и субъектная формула, которой представлен

параметр «субъект» чуда: *но путь тѣмъ не обрѣташеся. яко не правъ бѣ. и яко слѣпи замжвише, всю ноцъ округъ обители заблужающе ходиша <...> но ихже они надѣющеся держати. отъ тѣхъ удержани быша. не художствомъ тѣхъ но божією силою* [ЖтПБ: 30].

Особое внимание обратим на рассказы об «изгнании бесов», которые, в сравнении с рассказами аналогичной тематики, рассмотренными в предыдущей главе, демонстрируют изменения в характеристике «объекта», а также в условиях коммуникативного взаимодействия с ним святого. Так, в одном из рассказов «объект» описывается как *некий иной, сверепый и нерадивый, горделивый и приведенный лукавым бесом*, пришедший к святому за благословением. Но герой не успевает попросить о нем, поскольку святой упреждает его словами, в которых обнажает бесовское наваждение, в ответ на это *лукавыи духъ въ немъ объявися возмущена того сотворивъ* [ЖтПБ: 42], после чего герой покидает обитель на коне и, обнаружив рядом пруд и реку, пытается в них утопиться. Об этом сообщают святому, он же, *помиловавъ того и моливъ бога и пречистую его богоматере здрова сотвори его* [ЖтПБ: 42]. На этом чудесный рассказ заканчивается. «Объект» не характеризуется сверхъестественными физическими способностями или измененным состоянием сознания, возникающими вследствие дьявольского воздействия, которые приводились в описании «объекта» в древнерусских и старорусских житиях. Вместо этого подробно прописаны желание героя получить благословение и его метания после обличения, что ранее не встречалось в данном виде чуда. При этом «чудесное событие» описано в тексте отдельно от «объекта», что тоже нельзя назвать типичным для рассказов, в которых в данном жанровом параметре представлен человек.

В другом рассказе «объект» – молодой инок – вовсе не обуреваем бесом. Он *начать помысломъ смущатися. понеже наиде нань страхованіе отъ непріязни* [ЖтПБ: 44]. Герою казалось, что к нему приходят дикие звери, но сообщить святому об этом он стыдился. В этом тексте также не обнаруживается описания коммуникативной ситуации: «объект» не просит «субъекта» о помощи, последний вступает в общение с первым, иницируя его самостоятельно, в то время как

обычно инициатором «коммуникации» в рассказах с проблемной «ситуацией» выступает нуждающийся в помощи. Не описываются и действия, предпринимаемые «субъектом» или «объектом» для свершения чуда, – чудо происходит непосредственно после обращения святого к «объекту»: *блаженныи же повелъ ему предъ собою изглаголати псалтырь. и оттолъ вся мечтанія бѣсовская безъ вѣсти быша, молитвами святаго. и юнныи отъ страсти свободися* [ЖтПБ: 44]. В данном случае определение вида чуда возможно только по параметру «чудесное событие», поскольку описание «ситуации» не дает исчерпывающей информации о характере возникшей проблемы.

В третьем тексте об «изгнании бесов» предчудесная «коммуникация» между «объектом» и «субъектом» чуда вовсе отсутствует, не эксплицирован момент их встречи или сообщения о проблеме святому. Однако при этом наличествует постчудесная «коммуникация», в которой освобожденный от бесовского влияния «объект» сообщает Пафнутию видение, бывшее ему в момент, когда святой осенил его крестом с целью избавления от мучений: *видѣхъ пламень изшедше хотя мя опалити и исторгъсь ввергохся въ воду и свободихся отъ бѣса бѣжащу ему палиму* [ЖтПБ: 41]. Подобный рассказ об «изгнании бесов» с «видением» в состоянии дьявольского наваждения, в котором в момент свершения чуда бесноватый погружается в водоем, а после объясняет это действие тем, что таким образом он хотел потушить пламя, исходящее от креста, содержится в житии Сергия Радонежского.

Таким образом, можно констатировать, что тематический вид «изгнание бесов» утрачивает ряд содержательных признаков, свойственных ему в более ранние периоды: описания измененного ментального и физического состояния бесноватого, вербализованной просьбы о помощи в избавлении от бесов самого «объекта» или его посредников.

Структурно-семантический и композиционный анализ рассказов о прижизненных чудесах в составе жития Пафнутия Боровского показал, что в ряде чудесных рассказов с проблемной «ситуацией» систематически опускается одна из структурных частей – предчудесная «коммуникация», в которой обычно

нуждающийся выражает просьбу о помощи. Объяснение этому можно найти в том, что святой, обладающий даром провидения, сам узнает о проблеме, с которой к нему приходит «объект» чуда, поэтому ее вербализация становится избыточной в силу особенностей образа святого. Вместо этого агиограф больше внимания уделяет описанию постчудесной «коммуникации», в которой святой дает наказание и поучает «объекта» чуда. В двух случаях рассказы завершаются похвальной речью о святом, что ранее не встречалось в прижизненных чудесах преподобных. Наблюдается также ряд содержательных отступлений от образцового типа прижизненного чуда, сложившегося в XV в., по большей части связанные с несоответствием в реализации коммуникативно-прагматических параметров и вида чуда.

Объяснение изменениям в проявлении жанровых признаков рассказов о прижизненных чудесах в составе ЖтПБ можно найти в том, что традиция изложения древнерусского жития прерывается в середине XVI в., когда явным становится «предпочтение живой конкретности абстрагирующей силе» [Колесов 1989: 69]. В начале XVI в. «развиваются элементы реально-биографического плана: точное приурочение местожительства героя, его социальная принадлежность, некоторые свойства и привычки» [Колесов 1989: 66].

Подробному рассмотрению особенностей прижизненных чудес в составе жития Пафнутия Боровского посвящена статья автора настоящей работы [Хоменко 2024].

Прижизненные чудеса в составе жития Александра Свирского представлены рассказами различного объема – от коротких до гиперобъемных, а различных структурно-семантических типов – от простых до комплексных. Встречаются как моночудесные, так и поличудесные рассказы. Как уже отмечалось, в данном житии видо-тематический вариант «освоение грамоты», ранее встречавшийся только в житии Сергия Радонежского, входит в круг видов чудес, определяемых нами как регулярные.

В составе жития Александра Свирского содержится еще один чудесный рассказ, перекликающийся с чудом об изведении источника Сергием

Радонежским. В обоих рассказах братия выражает в адрес святого недовольство, поскольку он поселился в том месте, где недостаточно питьевой воды, на что преподобный в обоих случаях отвечает пояснением, что селился в пустыне для уединенной жизни, а все остальные по своей воле пришли к нему. Для разрешения проблемы святой берется устроить источник воды. В ЖтСР Сергей осуществляет это с помощью чуда, а в ЖтАС Александр достигает цели в результате упорного труда: монастырь расположен между двумя озерами, одно из которых горное; Александр решает проложить между ними путь для реки и поставить на ней мельницу. Таким образом, источник воды не возникает чудесным образом. Сопоставление фрагментов представлено в Таблица 6:

Таблица 6 – Сопоставление фрагментов об изведении источника

ЖтСР	ЖтАС
<p><i>Обрътъ же святой въ едином рову мало воды от наводнения дождевнаго, и преклонь колѣнѣ, начат молитися, глаголя <молитва> И се рекушу святому и мѣсто назнаменовашу, вънезаану источникъ велий явися, иже и донынѣ всѣми видим есть</i> [ЖтСР: 348]</p>	<p><i>и сътвори преподобныи молитву и отуду же рыти начатъ ископавая и же та самая посреди же прокопаніа рѣкы проходи отъ многихъ вод съ высоты горы тоя къ монастырю низвести хотя и повелѣ ж преподобныи всѣмъ братіам коемуждо ихъ рыла въземши и прокопаніе сътворити отъ горьнаго езара въ нижнѣишее и сътворишимъ же им ископаніе яко же преподобныи повелѣ и тако вънезаану устремися вода иже своимъ съхоженіемъ съ высоты горыскіа нисшедъ с великимъ шумомъ и грѣменіемъ воднымъ</i> [ЖтАС: 483 об. 2 стб. – 484 л. 2 стб.]</p>

Чудесным в рассказе из ЖтАС является не возникновение реки, а усмирение бурного водного потока, который устремился с высокой горы мимо монастыря и мог его разрушить. Чтобы этого не случилось, святой обратился к небесам за помощью, *и абіе на стремнѣнь горы нисходящая воды молитвою святаго уставиша, и теченіе водамъ преста* [ЖтАС: 484 об. 2 стб.]. Этот чудесный рассказ мы относим к разновидности «исполнение просимого».

Остальные два рассказа об «исполнении просимого» представлены в завершающей житие группе чудес и связаны с деторождением. Первый из них наиболее близок к рассказам аналогичной тематики в ЖтКБ. В ЖтАС боярин лично обращается к святому с просьбой помочь в зачатии сына, т. к. до этого у супругов рождались только дочери. Святой благодаря дару провидения сообщает просящему, что в настоящий момент во чреве его жены находится плод женского пола, долго поучает боярина («объект»), а затем дает наказание: *аще хоцещи умолити бога о сих то подобаетъ ти чадо миловати нищія сироты и вдовицы неоскуднѣтъ тѣ бо вамъ еста ходатаи небеснаго царства и тѣми ж всѣми благыми дѣлы бога милостива себѣ сътвориши і елика ж от него требуеши чадо си вся подати тебе иматъ* [ЖтАС: 491 л. 1-2 стб.]. Когда же боярин начинает упрашивать преподобного поспособствовать молитвой, тот дает наказание и обещает, что при его исполнении Бог подарит супругам сына.

Само чудо не получает свойственного более ранним аналогичным рассказам описания, о его свершении сообщается как о факте прошлого, когда боярин приходит к святому с благодарностью: *и по лѣтъ ж нѣкоемъ прииде пакы преждереченыи боярин Тимофеи повѣдая преподобному еже дарова ему богъ отрочя мужеска полу молитвами святаго и много о семъ благодареніе въздавая богу і его угоднику великому в чудестѣхъ яко родися ему отрочя по пророчеству святаго* [ЖтАС: 492 л. 2 стб. – 492 об. 1 стб.]. Пространство рассказа ограничено пределами монастыря, в то время как ЖтКБ в подобных чудесах сменялся хронотоп – действия разворачивались в домашних пределах просивших о детях князей и в монастыре, в который отправляли посредников. В ЖтАС в тексте не представлены временные показатели чудесного события и его описание, которые

являются жанровой чертой чудесного рассказа. Внимание повествователя смещается с чудесного элемента на поучительный: святой наставляет «объект», проповедует деятельностный подход в достижении целей, служение и помощь людям, а не надежду на чудо.

Во втором тексте об «исполнении просимого» купец, потерявший единственного сына в болезни, просит святого вымолить ему у Бога рождение новых наследников. В ответ святой поучает просящего о вере, объясняет смерть детей грехами их родителей, затем также дает наказание, выполнив которое купец сможет удостоиться божьего дара: *отнынѣ въспряни чадо и останися отъ грехъ своихъ да не ктому уже прилагаи рѣзы на рѣзы въ злая но подобаетъ ти миловати нищихъ и убогихъ сироты и вдовица такожде и в темницахъ заключеныя насыщати ктому ж и лихвы отъ должныхъ ти да не истязуеши, и тѣми всѣми добрыми дѣлы бога милостива себѣ сътвориши и тѣ подати тебѣ имать прижитіе чадомъ* [ЖтАС: 495 л. 1-2 стб.]. Далее агиограф в прямой речи купца отмечает его духовное преображение от слов святого, готовность исполнить наказание и благодарность Александру Свирскому. В этом рассказе параметр «чудесное событие» получает привычную для подобных рассказов реализацию: *по нѣколициъ же времени родишася ему сыны и дщеря по пророче святаго* [ЖтАС: 495 л. 1-2 стб.].

В обоих рассказах о «материализации необходимого» в качестве «объекта» выступает рыба, а чудо творится в интересах мирян. Первый текст повествует о рыболове, который поймал крупного осетра, но продал его, не сообщив об этом правителю той местности, дабы не платить налог. Однако тайное стало явным, и рыболов решил обратиться за помощью к преподобному. При этом, встретив некоего старца, он не узнал в нем святого и просил передать свое прошение. Святой Александр же не стал раскрываться просящему, сказав, что передаст просьбу, и пообещал рыболову избавление от печали и даже вознаграждение, но только если тот исполнит наказание – наловить рыбы и отнести правителю. После некоторого сопротивления просящий сделал это *и яша много множество рыб. послѣди ж и осетръ великъ зело в стѣхъ увязну по пророчеству святаго* [ЖтАС:

493 об. 2 стб. – 494 л. 1 стб.]. Чудо свершается не из-за дефицита рыбы или срочной потребности в ней, что являлось бы типичным для данного вида чуда, а в силу милости и великодушия святого. Конфликт, обуславливающий проблемную «ситуацию» в этом чудесном рассказе, можно охарактеризовать как социально-правовой.

Во втором случае проблемная «ситуация» возникает вновь не по причине острой нехватки требуемого вещества или предмета, а из-за противоречия мирских интересов и церковных устоев. В обители строилась каменная церковь, и в день Петра и Павла руководитель строительства, придя в монастырь, решает отпраздновать событие закланием барана. Однако святой просит его не устраивать кровопролитие и разделить трапезу с братией. Для этой трапезы преподобный отправляет келаря наловить рыбы: *и вземъ же келарь сети прииде на показаное ему мѣсто. и по глаголу святаго въверже и въ езеро и обрете ж много множество рыбъ последи ж и щуку превелику зѣло в стѣхъ увязнувшу обрѣтоша по пророчеству святаго* [ЖтАС: 499 л. 1 стб.]. Так, высшие силы помогают святому поддерживать подвижническую дисциплину и церковные порядки.

Перейдем к рассмотрению группы чудесных «видений», самой многочисленной, изобилующей содержательными подробностями и языковыми средствами выражения природы чудесного. В составе ЖтАС эти чудеса заслуживают пристального внимания, поскольку в них агиограф проявил особый творческий подход, отступив от традиционного формата повествования о вторжении высших сил в материальный мир.

Самое раннее из видений перекликается с эпизодом из жития Сергия Радонежского, а именно с чудом о «крике младенца в утробе». Рассказ в составе ЖтАС повествует о том, как родителям будущего преподобного, молящимся в монастыре, *нѣкое божіе явѣленіе явися глаголя*, что Всевышний услышал их мольбы и даровал им божественное чадо, которое ждет большое будущее в Боге.

Специфичными для данного жития становятся явления проводников. Тексты о таком чуде встречаются дважды. Первый из них следует рассматривать в связи с

предшествующим ему другим «видением». Когда блаженный отрок покинул родительский дом и отправился в монастырь, заночевав у красивого озера, он просит Бога наставить его на путь спасения и засыпает. Во сне он получил ответ небес, в котором сообщалось, что путь его праведен и благороден. Яркий свет пробудил его, и *возбъувъ же юноша отъ сна і видѣвъ некую лучю божественую осиявшу его* [ЖтАС: 455 л. 2 стб.]. Отправляясь в дорогу, святой молит Бога об обретении *спутники направляюща его на путь желанія. и се по смотренію божію видитъ етера мужа по немъ идуща путемъ темъ* [ЖтАС: 455 л. 2 стб.]. Когда они достигают монастыря, святой вновь молится – текст молитвы приводится в рассказе и занимает около 40 % его объема – а после нее не обнаруживает своего спутника, *и разумѣвъ же блаженънии яко божія нѣкая есть сила или ангела божія быти* [ЖтАС: 456 л. 2 стб.].

Второй подобный текст входит в главу под названием «*О приходѣ къ преподобному Александру Андрѣя Завалишина*». В этом рассказе боярин Андрей, находясь на охоте, встречает оленя, следует за ним и приходит к месту затворничества святого. О чудесной природе проводника в данном тексте свидетельствует его внезапное исчезновение: *устремися елень той къ восточнымъ странамъ яко мѣгла текіи и къ тому невидимъ бысть* [ЖтАС: 466 об. 2 стб.], *и мню ж азъ раби божіи яко не еленю гониму быти мъною но божія некая сила есть приведе мя съмо къ твоему преподобству* [ЖтАС: 467 л. 2 стб.]. Это пространный рассказ с продолжительными отрезками прямой речи героев, в которых они рассказывают другу другу о себе, а святой признается, что боярин стал первым человеком, которого он увидел после оставления монастыря ради жизни в уединении.

В этой же главе упоминается еще два чудесных «видения». В первом боярин Андрей свидетельствует о необычных визуальных явлениях над местом, где поселился святой: *овогда яко столпъ огненъ стоящ овогда же яко и зарю нѣкакю божествену сіающую аиногда же яко дымъ отъ земля къ высотъ восхождаше* [ЖтАС: 468 л. 1 стб.]. Аналогичные свидетельства в ранней преподобнической агиографии встречались лишь в составе ЖтФП.

В завершении этой главы рассказывается, как святой был болен и исцелился в «видении», которое в данном случае является вспомогательным чудом, по проблемной «ситуации» рассказ определяется как «исцеление». Примечательно, что это редкий случай, когда в качестве «объекта» в данном виде чудес выступает святой: *молящу ж ми ся всячески милосердому богу одержжащая мя тогда болъзни сердвечныя избавить* [ЖтАС: 469 л. 1 стб.]. Данная особенность реализации коммуникативно-прагматического параметра «объект» является отличительной чертой прижизненных чудес в составе жития Александра Свирского. Относительно рассмотренной главы любопытным представляется также переход от рассказа к рассказу, в котором агиограф проявляет себя, повествуя от первого лица.

Во фрагменте под заглавием «*О видѣніи Святыя Троица еже преподобным видѣ и слыша глаголанная къ нему в лето 7016*» представлено два «видения». Первое из них повествует о том, как во время молитвы Александру является Святая Троица и сообщает о необходимости возвести церковь во имя Троицы, второе – о явлении ангела, указывающего место, на котором нужно возвести эту церковь.

Заключительное в ЖтАС «видение» под заглавием «*Чудо Д о видѣніи святыя богородица како явися святому на основаніи церкви*», «объектом» которого становится святой, повествует о явлении преподобному Богородицы с младенцем Иисусом на руках. Это единственный рассказ о явлении высших сил, в котором репрезентирован параметр «свидетель» чуда, что обуславливает ряд структурно-содержательных особенностей, отличающих этот текст от других «видений» в ЖтАС. В «ситуации» рассказа представлен только «объект» чуда – святой, молящийся перед образом Богородицы, далее приводится открывающая «коммуникация» Александра, представленная развернутой молитвой протяженностью в восемь строк. Вслед за ней обозначается предупреждение «свидетеля» о грядущем чуде: *рече ученику своему ему же имя афанасіе чадю трезвися и бодрѣствуи понеже посещение чюдѣно хочеть нам быти и ужасно въ сии часѣ* [ЖтАС: 496 л. 2 стб. – 496 об. 1 стб.]. Однако ученик преподобного не

становится «объектом» чуда, при описании явления Божьей Матери он даже не упоминается – явившаяся взаимодействует только со святым: *пречистая же преподобному глаголаше встани не ужасаюся избранъниче мои придохъ бо поспѣти тебѣ възлюбленне и съглядати основаніе цѣркви моеа* и т. д. [ЖтАС: 496 об. 2 стб.]. Богородица сообщает Александру, что его братия будет расти, и дает обещание, *аще кто единъ кирпич принесет на согражденіе цѣркви моеа въ имя Иисуса Христа и Бога моего тѣ избавлю его вѣчнаго мученія* [ЖтАС: 497 л. 2 стб.]. После чудесного видения святой приходит в себя и обнаруживает Афанасия *от страха яко мертва на земли лежаща* [ЖтАС: 497 об. 1 стб.]. Он же, как сторонний наблюдатель чудесного явления, дает оценку увиденному, характеризует его и свое эмоциональное состояние: *извѣсти ми отче господа ради что бысть се виденіе понеже духъ мои впадѣ не разлучися от плотскаго ми съюза ради блистающагося видѣнія* [ЖтАС: 497 об. 1 стб.].

Наличие параметра «свидетель» в данном случае обуславливает постчудесную «коммуникацию». Она протекает между Александром и учеником, который просит его объяснить произошедшее, и далее между святым и его духовным отцом Исаией. Последнему Александр пересказывает случившееся.

Специфической чертой «видений» в ЖтАС можно назвать подробное и красочное описание происходящего в момент явления «высших сил». При этом структурно-композиционной особенностью «видений» в рассматриваемом житии становится то, что пережитое «объектом» чудо сначала подробно описывается, а в конце рассказа резюмируется им же в виде пересказа. Рассматриваемый рассказ завершается конструкцией, в которой автор жития, повествуя от первого лица, называет источник сообщения о чуде: *сія чюдо исповѣда святыи смиреному мнѣ Родиону акы от инога лица глаголаше а не яка от себѣ того ради афанасия себѣ преименова і сіа ж доздѣ* [ЖтАС: 498 л. 1 стб.].

Самым обширным и подробным «видением» и в целом рассказом о прижизненном чуде в составе ЖтАС является глава «*О видении Данила како видѣл в раи преподобнаго отца Александра з братею в лѣто 7023*». Духовному сыну и ученику Александра Свирского Данилу, больному и находящемуся при смерти, на

седьмой день болезни даровано божественное откровение. Будучи не то во сне, не то в бреду, он оказывается в раю, где его сопровождают два ангела. Повествование в начале рассказа ведется от третьего лица, но с момента, когда герой вступает в коммуникацию с ангелами, и до конца главы повествователем выступает сам Данил: *и рѣша же ми что стоя дряхлуеши человеце и азъ же отъ ужаса трепетень быхъ і едва възьмогохъ отвѣцати* [ЖтАС: 488 л. 1 стб.]. Оказавшись в неизвестном месте, Данил просит у ангелов помощи, они, взяв за руки, поднимают его в воздух, после чего раздается голос Господа: *понесите пакы душу сію възспять отнюду же и принесосте ю* [ЖтАС: 488 л. 2 стб.]. Исполнивших это повеление ангелов Данил стал упрашивать показать ему, где и в каком чине находится святой Александр и какое место ему уготовал Бог. Так ангелы и Данил отправляются в путешествие по раю. Сначала они попадают в место, где живут все святые, затем в чудный город, где ангелы – *мужи крилати* – поют песни, а в центре на престоле в сиянии возвышается Александр. Данил просит у него благословения и сообщает о желании поселиться в этом месте, на что святой ему отвечает: *аще хоцещи здѣ быти иди подвизаися* [ЖтАС: 489 л. 2 стб.]. Тогда ангелы относят героя в его село, к реке, возле которой построена новая церковь.

Далее в повествовании происходит смешение нескольких пространственно-временных планов, видения и реальности: *и пакы же въземъше мя святая ангела и несоша мя и поставиша у рѣцѣ близь села моего и показаша ми ту церковь нову въ высоту и въ ширину* (все еще видение) *и пакы обрѣтохся лежащи на одрѣ моемъ и къ тому же лежа безгласънъ яко мертвъ осми днеи бес памяти* (самообнаружение, но в этом случае непонятно, наблюдает ли душа свое тело со стороны или же возвращается в него, однако можно отметить, что путешествие героя было длительным, т. к. в начале рассказа говорится о седьмом дне болезни, а в этом фрагменте речь о восьми днях) *и пакы же егда облегчи ми господь от великіа тоя боя болезни* (разрешение проблемы, данной в начале рассказа, которое с натяжкой можно было бы назвать побочным чудом) *и поставихъ ту церковь въ имя святаго иоанна златоустаго* (действие в реальности в благодарность за исцеление) *идѣ же мя поставиша у рѣцѣ на брезѣ*

святїи ангели церковь показующа и ктому невидими быша святїи ангели (отсылка к «видению», подтверждение божественной природы проводников Данила по раю) [ЖТАС: 489 об. 1 стб.]. В результате этого чуда Данил также получает исцеление.

Постчудесная «коммуникация» осуществляется между Данилом и святым: заглавный герой пересказывает своему духовному наставнику бывшее ему видение, описывает величие святого и напоминает о его обещании. В ответ на это Александр убеждает героя, что в том видении он в силу своей недостойности не мог обещать ему жизни в раю, а в его образе Данилу явились ангелы. Святой просит никому не сообщать об увиденном: *ты же чадо храни еже видѣ донъдеже въ животе семь* [ЖТАС: 490 л. 2 стб.]. Рассказ завершается хвалебной формулой и указанием на то, что чудо свершилось за семь лет до преставления святого. Следует подчеркнуть, что настолько красочных и сюжетно развитых «видений», имеющих в своей композиции череду эпизодов со сменой мест действия, ранее не было выявлено. Это гиперобъемный рассказ, который относится скорее к моночудесным, нежели к поличудесным, несмотря на наличие в проблемной «ситуации», разрешающейся в заключении рассказа, поскольку основное внимание агиограф отводит повествованию о чудесном путешествии по раю, а об «исцелении» сообщает как о факте при описании пробуждения героя после основного чуда.

В связи с анализируемыми в данном разделе жанровыми признаками можно сделать вывод о том, что рассказы о прижизненных чудесах в житии Александра Свирского характеризуются относительно большим объемом, подробным и последовательным описанием происходящего. Структурно-композиционной особенностью чудесных рассказов в данном агиографическом памятнике является пересказ чуда, представленный в рамках постчудесной «коммуникации» героев, содержательной особенностью – пространственно-временная динамика, смена хронотопов и повествователей.

3.1.3. Лингвостилистические показатели рассказов о прижизненных чудесах в преподобнических житиях XVI в.

Стилистика жанра «рассказ о прижизненном чуде» в составе житий Пафнутия Боровского и Александра Свирского также претерпевает ряд изменений, обусловленных тематическими, коммуникативно-прагматическими, содержательными и историко-лингвистическими особенностями. Обратимся к характерным лингвостилистическим чертам каждого из рассматриваемых в данном разделе житий.

Обращаясь к житию Пафнутия Боровского, в первую очередь остановимся на реализациях и репрезентациях базовых коммуникативно-прагматических параметров. Параметр «ситуация» по большей части представлен в экспозиции рассказа при характеристике «объекта»: *не обрѣтесе ничтоже во обители отъ малыхъ послѣднихъ рыбиць* [ЖтПБ: 27]; *нѣкогда ученику блаженнаго нападе болѣзнь оку еже обычною рѣчию преломъ нарицается* [ЖтПБ: 34]; *приведену бывшу бѣсному люте бесящуся яко юзы сокрушати ему и желѣза въ нихже связану ему суцу держиму рыкати же ему и ревети встѣхъ хотя зіяючи растерзавати* [ЖтПБ: 41].

В качестве «субъекта» в чудесных рассказах в ЖтПБ выступают подтипы – высшие силы, святой и святой с Божьей помощью. Языковыми средствами репрезентации подтипов являются субъектные формулы (*молитвами святаго исцѣленіе получи* [ЖтПБ: 29]); благодарственные формулы (*и много благодареніе воздавши богу и пречистѣи его матери и ихъ угоднику* [ЖтПБ: 34], *и по словеси святаго здравъ паки отѣиде въ путь свои слава и благодаря бога и святаго отца* [ЖтПБ: 43]); формулы благоволения (*богъ да пречистая богородица можетъ твоимъ ногамъ здравіе даровати, онъ же вѣру ятъ словеси блаженнаго, и съ радостію дѣлу касается, и абіе болѣзнь отбѣже* [ЖтПБ: 28] (в этом примере «субъектом» косвенно является и святой, т. к. чудо свершается после его обещания и ободрения, этот параметр получает выражение в указании на субъекта высказывания *словеси блаженнаго*)); субстантиват *святѣи* как грамматический субъект в сочетании с предикативными глагольными формами

(*вземъ святыи божественнии крестъ христовъ, знаменавъ того исцѣли и изгна отъ него бѣсы* [ЖтПБ: 41], *святыи же помиловавъ того и моливъ бога и пречистую его богоматере здрава сотвори его* [ЖтПБ: 42]). В рассказах о «видениях», «защите» и «наказаниях» в роли «субъекта» чуда выступают высшие силы, однако чаще всего эта реализация параметра представлена имплицитно. В ЖтПБ такой тип «субъекта» выражен вербально только в рассказе о «защите» и в одном тексте о «наказании», случившемся по причине нарушения установленного святым порядка: *отмсти рече богъ кровь гавранову* [ЖтПБ: 29].

При обозначении святого в качестве «субъекта» чуда наиболее частотными являются следующие номинации: *блаженнии, преподобнии, отецъ, святыи, угодник, блаженнии/великии/богоноснии/святыи отецъ, Пафнотіе*.

В рассказах о «наказании» и «изгнании бесов», которые наряду с «исцелениями» занимают ведущие позиции в данном житии, параметр «чудесное событие» получает разнообразные реализации: *великии отецъ ни мало покоснѣвъ исцѣливъ того и уцѣломудривъ свободи отъ бѣсованія <...> исцѣли и изгна отъ него бѣсы и опаливъ <...> оциститися отъ бѣса <...> свободихся отъ бѣса бѣжащу ему палиму* [ЖтПБ: 41]; *оттолъ вся мечтанія бѣсовъская безъ вѣсти быша, молитвами святаго и юннии отъ страсти свободися* [ЖтПБ: 44]; *восхотъ же главу свою отъ намеренія обратити на прямозрѣніе паки обрѣте ю криво зѣло утвержену и паки еже быти по естеству непревратну, еже прямо зрѣти* [ЖтПБ: 29]; *внезапу ударень бываетъ лукавствія духомъ и разслабленъ и онемленъ бывъ яко не владѣти тому собою ни глаголати языкомъ и нача трепертати и позоры страдати ужасни* [ЖтПБ: 43].

Для «видений» в ЖтПБ характерно изображение явления духа внешне отталкивающего, темного, несущего опасность, в отличие от божественных явлений, где рисуется светлый, поражающий сиянием и чистотой образ, приводящий в трепетный ужас от своего величия, представленных в ранее рассмотренных агиографических памятниках, – таких «видений» это житие вовсе лишено. Даже в том «видении», которые является вспомогательным в рассказе об «изгнании бесов», нет присущего более ранним примерам рассказов красочного,

почти волшебного изображения явившегося – в ЖтПБ святой рисуется скромно, аскетично: *зритъ нѣкоего страца низка возрастомъ и погорьблен, браду съду и велію имуща ризами зѣло худыми одѣяна* [ЖтПБ: 33]. Здесь вновь считывается строгость и даже суровость стиля жития Пафнутия Боровского.

В силу строгости подвижничества и ограниченной тематики чудесных рассказов описания чудес в ЖтПБ не изобилуют изобразительными средствами языка, свойственными в большей степени тематическому виду «видение». Даже в чудесных рассказах этого вида параметр «чудесное событие» не получает такого яркого языкового воплощения, которое встречаем в житиях предшествующей преподобнической традиции, например в житиях Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского. Из стилистических приемов, характерных для исследуемой жанровой формы, в ЖтПБ можно отметить сравнения при обозначении неизмеримого и непривычного: *и толико изведекоша множество рыбъ яко на всю свѣтлую седмицу доволно полагаху на трапезе братіи и вѣсмъ суцимъ во обители на обѣдь и вечерю* [ЖтПБ: 27]; *тѣло его яко единъ струпъ сліяся <...> струпъ же тѣлеси его отпаде яко чешуя* [ЖтПБ: 29]; *тои муринъ яко дымъ исчезе* [ЖтПБ: 31]; *наиде нанъ страхованіе отъ непріязни иногда яко звѣрь являшеся незнаемъ иногда же яко песь чернъ оводга же съдяцу ему въ кѣліи и округъ келіи яко медвѣдь хапая по стѣнамъ* [ЖтПБ: 44].

Антитеза как художественно-изобразительный прием, столь же существенный в плане раскрытия природы чудесного, встречается в данном житии намного реже, поскольку чудеса в ЖтПБ случаются по большей части не для помощи нуждающимся праведникам, а из-за прегрешений тех, кто ведет небогоугодный образ жизни. В этом случае причины случившегося всегда ясны: чудесное событие, нарушающее законы естества, не ввергает его свидетелей в трепетное состояние и расценивается как закономерное для данной ситуации. Подобная оценка объясняет и то, что в рассказах в рамках параметра «коммуникация» по большей части представлены не просьбы нуждающегося в помощи, а поучения, наставления, ободрения «объектов» чуда со стороны святого,

а также обличительные речи Пафнутия, обладавшего даром провидения и без слов прозревавшего намерение приходивших к нему за помощью или с раскаянием.

Композиционный формуляр представлен начальными формулами трех типов: 1) локализация во времени: *нѣкогда, иногда же, постигну нѣкогда празднику великому*; 2) обозначение «объекта»: *два нѣкая брата, инъ же нѣкіи старецъ, нѣкая жена боярыни, иному же принесену бывшу, инъ же нѣкіи ученикъ блаженнаго, инъ слуга нѣкоего князя*; 3) некоторое обстоятельство: *свершивъ же преподобнии Пафнотіе добре и все прочее обители устроение*.

Наиболее частотными являются начальные формулы, в которых обозначается «объект» чуда. При этом отсутствуют формулы, называющие источник чуда или свидетельство о нем.

Конечный формуляр представлен несколькими типами структурных и языковых единиц: 1) хвалебно-благодарственные формулы: *славя и благодаря Бога и святаго отца*; 2) субъектные формулы: *молитвами святаго исцѣление получи*; 3) результат чуда: *того исцѣли яко къ тому забыти ему яко бывши на немъ проказъ и согнитію и червемъ того ядуцимъ всего*; 4) поучение святого; 5) хвалебная характеристика святого; 6) пересказ другого чуда.

Среди конечных формул не выявлены свидетельства об источнике чуда, а также последствия чуда, в которых в предшествующей преподобнической агиографии обозначалось, что «объект» решает остаться в монастыре и постригается в иноки или же воздаст милостыню братии. Отсутствуют и формулы, характеризующие состояние «объекта», пережившего процессуальное чудо, свойственные «видениям». Специфичным для данного жития и новым для жанра «рассказ о прижизненном чуде» является завершение повествования хвалебными характеристиками святого и поучениями.

Житие Александра Свирского характеризуется еще большим отступлением от формульного воплощения коммуникативно-прагматических параметров. Почти две трети всех чудесных рассказов в этом агиографическом тексте являются «видениями», при этом «объектом» девяти из тринадцати «видений» становится святой. Для этого вида чуда характерна непроблемная реализация параметра

«ситуация», при которой описываются условия, необходимые для возникновения чудесного видения (молитва, уединение, темное время суток): *во едину ж убо ноць молящимся има единома нѣкое божіе явленіе явися глаголя* [ЖТАС: 445 об. 1 стб.]; *идушу ж убо некогда преподобному Александру от хижа своя къ езеру воды почерпъсти и давыдъскыя поюшу песни* [ЖТАС: 465 об. 1 стб.]; *бѣше же преподобныи в тои час въ отходѣнѣи своеи хлѣвинѣ творя обычныа мольбы и моленіа къ богу вънезапу прииде къ нему аггелъ господень* [ЖТАС: 474 об. 2 стб.]. Показательно, что в ряде рассказов отмечается свойственная именно этому памятнику письменности особенность: в экспозиции представлена не только «ситуация», необходимая для возникновения чудесного видения (молитва, уединение святого, темное время суток), но также вербализована «коммуникация», исходящая от «объекта» чуда, переданная с помощью молитвы, в которой сформулирована цель обращения святого к высшим силам: *преподобныи начатъ помышляти в себѣ глаголя гдѣ и како или на коем мѣсте церкви поставитися и много о сем моляше человеколюбца Бога да ему извѣститъ о семъ* [ЖТАС: 476 л. 2 стб.]; *часто възирая на образъ пресвятыа Богородица и глаголяше пречистая мати христа Бога моего ходатаице и заступъницѣ крѣпкая помощнице роду человеческому буди намъ недостоинымъ хожатаице присно молящися къ сыну своему и Богу нашему яко да призритъ на святое место сіе* [ЖТАС: 496 л. 1–2 стб.]. В ответ на мольбы святому указывается направление движения, место для возведения монастыря и церкви и отмечается его богоизбранная судьба – в чуде его просьба исполняется.

Особую роль в этом житии играют коммуникативное взаимодействие героев рассказов. Как уже отмечалось ранее, в повествовании представлены обширные диалоги святого с «объектами» чудес, когда он выступает «субъектом» чуда, а также «объектов» «видений» с высшими силами. Эти диалоги представлены прямой речью с обеих сторон. Например, во фрагменте под заглавием «*О видѣнїи святыа троїца еже преподобныи видѣ и слыша глаголанная къ нему в лето 7016*» повествуется о том, как во время молитвы Александру является Святая Троица с целью сподвигнуть его на построение церкви. При этом примечательно, что

сначала к святому обращается собственно Троица, а затем Бог, что эксплицируется в тексте с помощью личных местоимений и показателей числа глагольных форм: *зритъ же преподобнии три мужа въшедша она ж **имъша** и за десную руку **въстависта** и глаголяще <...> повѣдита ми кѣто **вы еста** <...> тождѣ глаголю тебѣ да созиждеши церкви и братию събери и монастырь съградивъ и келии постави яко **благоволишу ми** тобою и многы душа спасти и въ разумъ истинныи привести* [ЖтАС: 475 об. 1 стб. – 476 л. 2 стб.]. Далее приводится речь святого, в которой он называет себя недостойным такого божественного откровения, затем диалог продолжается: ***имша** и за десницу **востависта** его глаголящи стани на ногу своею възьмогаи і укрѣпися и сътвори все еже **повелѣхъ** ти преподобнии же александръ кѣ **господу глаголяше господи мои** <...> господь же рече кѣ преподобному възлюбленъне еже еси видель въ трехъ лицехъ глаголавша с тобою да воздвигнеши церкви въ имя отца и сына и святаго духа неразделимыя троица* [ЖтАС: 476 об. 1–2 стб.]. Действия и указания Бога (грамматический субъект) адресованы Александру (грамматический объект). Образ Троицы в диалоге передается в форме напоминания-разъяснения относительно триипостасной сущности Бога, что позволяет сделать вывод о том, что как видимое явление Троица уже не представлена в хронотопе рассказа – святой продолжает разговор только с Богом.

В рассказах о прижизненных чудесах в житии Александра Свирского представлена как предчудесная, так и постчудесная «коммуникация» героев, в последней дается свидетельство о чуде или его пересказ. При этом реализация параметра «чудесное событие» переплетается с реализацией параметра «коммуникация», поскольку само чудо становится более процессуально протяженным, в нем не столько описывается визуально-аудиальная составляющая «видений», сколько выражаются коммуникативные интенции «субъекта» и «объекта». В то же время текстовая реализации параметра «чудесное событие» занимает значительную часть текста, воплощаясь с помощью неограниченного комплекса разнообразных языковых средств, не поддающихся формуляризации.

Святой в качестве «субъекта» и «объекта» имеет следующие номинации: *отрокъ Амосъ, божественный юноша/Александр, блаженный, блаженный Александр, преподобный, преподобный отецъ Александр, святыи, преподобный старец, богодухновенный Александр, угодникъ, великий угодникъ, великий в чудесахъ старецъ Александр, наставникъ и свѣтильникъ*. Сам себя святой в третьем лице называет уничижительно: *человекъ грѣшенъ есть блядивъ и винопища* [ЖТАС: 493 л. стб. 2].

Чудеса в житии Александра Свирского насыщены изобразительными средствами, что объясняется большим числом «видений», в которых с помощью лексики соответствующей семантики воплощаются аудиальные и визуальные явления. В описании чудес закономерно преобладают сравнения: *яко перстомъ показаша мѣсто оно* [ЖТАС: 464 л. 1 стб.]; *умъ же перомъ мысленнымъ възнесъ на небо* [ЖТАС: 465 об. 2 стб.]; *елень твои къ восточнымъ странамъ яко мѣгла текѣи и к тому невидимъ бысть* [ЖТАС: 466 об. 2 стб.]. Любопытным в данном житии представляется воплощение сражения святого и полка бесов с помощью метафоры огненной перепалки: *яко мнѣти пламени велику исходити из устъ их <...> молитва бо святаго из устъ яко пламень изшедши абіе тѣхъ попали и невидимы сътвори* [ЖТАС: 474 об. 1 стб.].

Композиционный начальный формуляр представлен формулами следующих типов (наиболее частотными из них является первый): 1) локализация во времени: *времени ж нѣкоему минувъшу, и пакы ж убо въ ино въремя, въ времени ж учения достиже, по семь же, въ едину ж убо ноць*; 2) обозначение «объекта»: *бысть некий бояринъ, баше убо нѣкий муж*; 3) некоторое обстоятельство: *идуцу ж убо некогда преподобному*; 4) свидетельство о чуде: *ни же о семь подобаетъ умолчати, ни же сіе умолчю от чудес святаго*.

Конечный формуляр выражен языковыми единицами несколькими типами: 1) хвалебно-благодарственные формулы: *и прослави от сихъ Бога и благославенъ бывъ от святаго и отыдохъ въ домъ свои с миромъ, и отиде в домъ свои радуяся и славя Бога, благодаряще Бога о сихъ*; 2) субъектные формулы: *и тако братіамъ покои приемлюци и молитвами преподобнаго Александра*; 3) результат чуда: *абіе*

тѣхъ попали и невидимы сътвори, блаженнии Александръ на том мѣсте крестъ въдрузивъ; 4) состояние объекта: и всю ноцъ бдяще и молящися дондеже время бѣяше утрени; 5) свидетельство о чуде: и сіа дозде да съкратимъ настоящее ж да глаголется.

Общим лингвостилистическим признаком для обоих житий выступает появление субъектной формулы нового типа: *по пророчеству святаго*. Эта формула приходит на смену формуле *по словеси святаго*, представленной в житиях, рассмотренных в предыдущей главе.

3.2. Прижизненные чудеса в составе житий Христа ради юродивых

Юродство как тип святости широко и многогранно представлено в русской православной культуре и закономерно нашло отражение в русской агиографии. Жития юродивых появляются в отечественной литературе с XIV века, совпадая по времени с угасанием княжеской святости, а их расцвет приходится на XVI век [Федотов 1989: 162]. В эти жития, как и в преподобнические, включены рассказы о чудесах, как посмертных, так и прижизненных [Рогожникова, Хоменко 2023].

Отличительными признаками юродства как типа святости являются, по Г. П. Федотову, «аскетичное поправление тщеславия», «притворное безумие и безнравственность ради поношения от людей, обличение их греховности и аморальности», «служение миру в своеобразной проповеди», что определяет соотносимый с юродивыми дар пророчества. «Прозрение духовных очей, высший разум и смысл являются наградой за поправление человеческого разума подобно тому, как дар исцелений почти всегда связан с аскезой тела, с властью над материей собственной плоти» [Федотов 1989: 162-164]. Примечательно, что чудотворение, не входя в круг обязательных признаков юродивых, отмечено во многих агиографических текстах о них, а в совокупности с другими характеристиками этого типа святости определяет ряд особенностей в тематике и реализации жанровых признаков чудесных рассказов.

Предметом изучения в данном разделе являются тематические, структурно-семантические, коммуникативно-прагматические и

лингвостилистические особенности рассказа о прижизненным чуде в составе житий и жизнеописаний русских юродивых, а также возможные изменения в проявлении его жанровых признаков.

Отметим, что в последние годы проявляется устойчивый интерес к литературе о юродивых, в частности к лексическим особенностям этого типа агиографии [Крючков, Богатырева 2017; Куркина 2021; Сизиков 2018], к средствам языкового воплощения образов юродивых в произведениях классиков [Пушкина 2018; Скуридина, Вязовская 2018] и современных писателей [Котова 2019; Пронин 2021], а также к феноменологии юродства в целом [Ильин 2022; Туминская 2017].

Тем не менее чудеса в составе житий юродивых до сих пор не привлекали пристального внимания ученых-филологов и не были рассмотрены с лингвистических позиций. В качестве материала исследования в рамках настоящей диссертации избраны первая («легендарная») и Тучковская редакции жития Михаила Клопского (далее – ЛР и ТР ЖтМК), житие Василия Блаженного (ЖтВБ) и Иоанна Блаженного, изданные во второй половине XIX века, и житие Ксении Петербургской (ЖтКБ), изданное в начале XXI века. Из всех указанных источников в качестве наиболее репрезентативных в отношении прижизненных чудес нами выделены ЖтМК и ЖтВБ.

3.2.1. Прижизненные чудеса в житии Михаила Клопского

Герой ЖтМК – Михаил Клопский – является одним из первых русских юродивых, подвижничество которых стало предметом описания в агиографии. Клопского традиционно относят к этому лику святости, однако Г. П. Федотов отмечает, что в житии читатель не видит «юродства в собственном смысле слова. Св. Михаил является провидцем, а его жития собранием "пророчеств" <...> Лишь причудливость формы, символическая театральность жестов, с которыми связаны некоторые из его пророчеств, могли быть истолкованы как юродство» [Федотов 1989: 166].

Житие святого Михаила известно в трех редакциях: Первой (так называемой Легендарной), Второй и Тучковской. «В. О. Ключевский называл Первую редакцию редакцией "Чудес", а вторую – редакцией "Пророчеств"», – пишет литературовед-медиевист Л. А. Дмитриев [Дмитриев 1999. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3917>]. Третья редакция была создана В. М. Тучковым по поручению будущего митрополита всея Руси Макария в рамках обобщающего мероприятия по составлению Великих Миней Четых. «Тучков придал тексту Ж. более пышный, торжественный характер, и оно приобрело под его пером значение не местного, а общерусского произведения. Это был текст, отвечающий уже всем канонам агиографического жанра», – характеризует памятник письменности и литературный талант его автора Л. А. Дмитриев [Там же]. В настоящей работе к сопоставительному изучению привлечены Первая (А) и Тучковская редакция жития Михаила Клопского, при этом основное внимание уделяется второму тексту как варианту, литературно обработанному и соответствующему агиографической традиции в части отражения событий, воплощения героев и жанрово-стилистического своеобразия.

В состав Тучковской редакции ЖтМК входит девять прижизненных чудес: «изведение источника» (1), «материализация необходимого» (1), «исполнение просимого» (1), «исцеление» (2), «наказание» (4). В данном житии содержится и благоухание от испутившего дух тела святого. Но данное явление представлено не как рассказ о чуде, а в виде факта – отсутствуют лингвистические показатели внезапности чудесного события, обычно происходящего в момент разлучения души с телом: *видѣвшия святого къ Господу отшедша <...> и благоуханіа многа испущающа* [ТР ЖтМК: 46]. Примечателен еще один фрагмент текста, повествующий о захоронении гроба с мощами святого. Формально он соответствует жанровым установкам чудес. Так, в нем представлена проблемная «ситуация» (святой почил в январе, когда земля охвачена морозом и копать могилу очень тяжело) и разрешение этой «ситуации», противоречащее естественным обстоятельствам данного времени года: *повѣда игумень архієпископу, идѣже святыи обычай имѣяше стояти во время святаго пѣнїя, и повелѣша ту копати*

гробъ, – и обрѣтоша землю яко посреде льта, нимаго отъ студени померзшу [ТР ЖтМК: 46]. Однако квалифицировать это чудо как прижизненное не представляется возможным, равно как и отнести его к какому-либо из выделенных нами тематических видов. Несмотря на то что данный рассказ расположен в основной части жития, святой уже не представлен в нем при жизни. Решение вопроса о жанровой и тематической квалификации станет возможным при дальнейших исследованиях на более обширном агиографическом материале – в этом мы видим перспективу настоящего исследования.

Как уже отмечалось, характерной чертой юродивых является прозорливость. Так, два из четырех «наказаний» в ЖтМК происходят вслед за обличительной речью святого, являясь подтверждением его прозорливости. В качестве синонимов для обозначения прозорливости в ходе анализа целесообразно использовать термины «пророчество», «провидение», «обличение», «разоблачение» в зависимости от «ситуации» чудесного рассказа.

Следует заметить, что в житиях юродивых также проявляется тенденция к рубрикации текста. Это позволяет более качественно сопоставить чудеса и пророчества. Так, в ЖтМК часть рассказов, в которых говорится о даре провидения святого, в заглавии имеет номинацию чуда (*Ино чудо о дву вельможяхъ, Чудо святаго о попь*); один рассказ – номинацию пророчества (*О разбойницѣхъ пророчество святаго*); еще один – номинации пророчества и чуда (*О нѣкоем вельможи, Григоріи именемъ, пророчество и чудо святаго*). Другие рассказы снабжены тематическим названием по модели «о чем-либо»: *О изведениіи кладезя молитвами святаго, О умноженіи потребныхъ въ монастырь, О архіепископѣ Евфиміи*. В то же время в тексте жития выявлены фрагменты, озаглавленные как пророчества, но не относимые нами к чудесным рассказам: *Пророчество о рожденіи Великаго Князя Ивана и взятіи Великаго Новѣграда, О Новгородцѣхъ пророчество святаго* [ТР ЖтМК: 45].

Для разрешения вопроса о том, любое ли пророчество можно назвать чудом и правомерно ли вообще считать пророчество чудом, к изучению привлечена Первая А редакция ЖтМК. «Повесть о Михаиле Клопском», первая, или так

называемая легендарная редакция жития, по замечанию Л. А. Дмитриева, созданная в 1478-1479 гг., основана на новгородских преданиях и является собранием увлекательных рассказов из жизни юродивого [Дмитриев 1999: 512]. В легендарной редакции озаглавлены всего четыре фрагмента жития, в Тучковской – шестнадцать. В результате сопоставления заголовков в двух редакциях ЖтМК выявлены следующие соответствия рассказов и их оглавлений (см. Таблица 7) [Рогожникова, Хоменко 2023].

Таблица 7 – Сопоставление заглавий в редакциях жития Михаила Клопского

Легендарная редакция	Тучковская редакция
<i>Чюдо 1-е, иже уродиваго Христа ради, ежесть на Клопско на Веряжи. Прихожение Михайла, уродивого Христа ради, къ святѣй Троицѣ на Клопско при Феодосии, нареченнѣмъ на владычество</i>	<i>О пришествіи святаго въ монастырь, глаголемый Клопскій</i>
<i>Чюдо 2-е, о разбойникѣх</i>	<i>О разбойницѣхъ пророчество святаго</i>
<i>Чюдо 3-е о Михайлѣ. Како позналъ князь Костянтинъ его</i>	<i>О приходѣ князя Константина въ монастырь и о видѣніи святаго имени</i>
<i>Чюдо о кладязѣ</i>	<i>О изведеніи кладезя молитвами святаго</i>

Из приведенных в таблице данных следует, что в Тучковской редакции лишь в одном заголовке есть языковой признак жанровой отнесенности дальнейшего повествования – *пророчество*, в остальных случаях заголовков имеет тематический характер. В легендарной же редакции все четыре рассказа обозначены как чудеса. Вместе с тем, чудо первое и третье по нашей классификации не относятся к чудесным рассказам, поскольку в них не идет речи о нарушении естественных

законов мира с целью помощи «объекту» чуда, его информирования или наказания. Аналогичная особенность справедлива для соответствующих фрагментов Тучковской редакции. Даже несмотря на то что в заголовке *О приходѣ князя Константина въ монастырь и о видѣніи святого имени* встречаем указание на видение, в тексте отсутствует подтверждение чудесной природы узнавания Михаила князем: *святой вземъ книгу <...> и начатъ чести. Слышавъ же князь чтуща святого, пришедъ близь, воззръ нань и поклонися ему, глаголя: «Почто, чадо, имене своего не повѣси? Се есть Михаилъ, сынъ Максимовъ»* [ТР ЖтМК: 39]. Эпизоды, которые в Легендарной редакции озаглавлены как чудеса, под пером образованного книжника, осуществляющего минейную редакцию, лишались этого статуса, поскольку концептуально не соответствовали ему.

Существенное разногласие в определении сущности явления и предмета повествования видится нам в рассказах о разбойниках. По сюжету трое неких мужчин оказались возле обители, где жил святой. Игумен Свято-Троицкого монастыря Феодосий велел пригласить их на трапезу, после чего выяснилось, что их сопровождает еще тридцать вооруженных мужчин. Далее в редакциях повествование расходится. В легендарной старший над вооруженными не стал есть хлеба вовсе и *нача сердцемъ стонати*. Еще двое, хоть и вкусили хлеба, разболелись. Одному из них Михаил Клопский велел постричься в монахи, а другого отпустил с наставлением не грешить. В Тучковской же редакции двое из призванных на трапезу воителей не стали есть, на что святой вопрошал о причинах отказа от еды и сам же отвечал на вопрос: *врагъ встѣя въ сердца ваша*. Михаил обличает мужчин, они же *абіе отъ слова святого ужасошася и въ недугъ тяжкъ оба впадоша* [ТР ЖтМК: 40]. Таким способом показано свершение чудесного наказания за нечистоту сердца, соотносимого в русском средневековье с душой. Чудесным выступает не само пророчество святого, а подтверждение его слов с помощью происходящего «наказания». В редакции Тучкова за «наказанием» следует рассказ об «исцелении» одного из недужных и обещание об исцелении второго.

Так, пророчество, в котором лишь сообщается судьба человека или события будущего, требует подтверждения. Это подтверждение может реализоваться в чуде, как в рассмотренном примере, а может быть обозначено как факт: *князь же бѣгунъ третицею бываеть и Великій Новъградъ достигъ, житія конецъ пріять, по пророчеству святаго* [ТР ЖтМК: 45]. В текстах второго типа акцент переходит на провидческую речь святого, в которой он подробно рассказывает о том, что совершается в этот же момент, но в удаленном месте, или же о том, что произойдет в будущем.

Коммуникативно-прагматический и содержательный анализ текстов позволяет заключить, что фрагменты житий, в которых подтверждение провидческой речи юродивого происходит сразу вслед за ней или по прошествии малого времени при жизни святого, а также получает более объемное вербальное воплощение, нежели само предречение, являются чудесными рассказами. Как правило, такие рассказы относятся к «наказаниям». Пророческая речь в них сопоставима с обещанием святого в рассказах о «материализации необходимого», однако, в отличие от обещания, пророчество нельзя назвать «средством свершения чуда». В связи с этим два текста в ТР ЖтМК, содержащие провидческую речь святого, логично отнести к чудесным независимо от вынесенного в заглавие тематического определения («*О разбойницъхъ пророчество святаго*»), остальные же фрагменты не имеют чудесного элемента, поэтому являются собственно пророчествами [Рогожникова, Хоменко 2023].

Отличительной чертой чудес в ТР ЖтМК в сравнении с преподобническими чудесами является роль святого в чудотворении и коммуникации с другими героями. Если преподобный в определенный момент сам становится игуменом монастыря и совмещает в себе роли чудотворца и отца братии, являясь для иноков опорой и нравственным ориентиром, то в житии Михаила Клопского эти роли распределяются между святым и игуменом Феодосием. Так, в рассказах о прижизненных чудесах в ЖтМК «объект» чуда или его посредник сообщает о проблемной «ситуации» Феодосию, а Михаил, зная о затруднительных обстоятельствах благодаря дару провидения, либо по собственной воле совершает

ритуальные действия для свершения чуда, либо напутствует игумена и других иноков к этому. Такое коммуникативное распределение обнаружено в рассказах об «изведении источника» и о «материализации необходимого»: *во единъ же отъ дній изыде пономарь къ рѣцѣ, глаголемой Веряжи <...> и зреть святого, пишуца словеса книжная на песцѣ, и шедъ, повѣда игумену <...> Феодосій изыде к берегу рѣки <...> и обрѣте на песцѣ написано сице: чашу спасенія пріиму и имя Господне призову; на семь мѣстѣ источникъ истечетъ неизчерпаемый! Видѣвъ же сія игумень, удивися, и шедъ, призва блаженнаго Михаила <...> и рече: что се есть <...> повелѣ блаженному помолитися <...> и внезапно потрясеса мѣсто и изыде вода выспрь яко трубою [ТР ЖтМК: 39-40]; игумень же Феодосій прискорбенъ бывъ нужы ради приходящихъ, егда како не возмогутъ сами препитатися, яко житницамъ истощеваемымъ и житу маляуща, блаженный же Михаилъ <...> начатъ молити игумена, да повелитъ невозбранно подаяти приходящимъ вареное жито <...> видѣвши же сія бартія, и начаша роптати на игумена и на святаго. Блаженный же, вземъ игумена и братію, и иде к житницамъ; и видѣвъ же житница множащася и толику житу сушу, яко никогд же не умалену, ни емлему отъ нихъ [ТР ЖтМК: 40].*

Сходным образом святой развеивает сомнения игумена в одном рассказе об «исцелении» после «наказания», когда Феодосий боится отмщения разбойников, если один из них – расслабленный – станет иноком: *блаженный же Михаилъ повелѣ возложити нань ангельскій образъ глаголя: сей убо братъ намъ будетъ [ТР ЖтМК: 40]; приняв постриг, наказанный недугом разбойник здравъ бысть, а его бывший сообщник оздравѣ и покинул обитель.*

За помощью непосредственно к святому обращаются лишь в двух чудесных рассказах. Один из них, повествующий о «наказании» и последующем «исцелении», представлен в главе *О нѣкоем вельможѣ, Григоріи именемъ, пророчество и чудо святаго*. «Объектом» чуда становится заглавный герой. В. М. Тучков характеризует его как человека властного и недружелюбного: *многи села и стяжанія имѣющу, еще же во градѣ старѣйшинство имѣя и симъ величася, многи пакости дѣяше монастырю [ТР ЖтМК: 43].* Григорий объявляет

земли вокруг монастыря своими и запрещает святому пасти там стада и рыбачить в близлежащих водоемах, в противном случае угрожая расправой: *аще ли же преслушаеши повелѣнія моя и егда обряцу или на селѣ пасущихъ, или въ рѣцѣ ловитву дѣющихъ, аще и живы оставлю я, но руками и ногами владѣти не имуть* [ТР ЖтМК: 43]. В ответ святой предсказывает, что тот сам пострадает, если исполнит обещанное, *яко не положи Бога помощника себе и упова на множество богатства своего* [ТР ЖтМК: 43]. Так воплощается образ грешника, которого постигает кара небесная: Григорий, обнаруживая рыболовов, избивает одного из них, но сам падает в реку и оказывается парализованным. Когда его привозят в обитель, святой не только отказывает Григорию в помощи, но и запрещает пускать его в монастырь и принимать подаяние от просящих за него. При этом просьба героя о помощи в данном рассказе не эксплицирована. Далее за Григория просит архиепископ, но Михаил непреклонен – настолько он *ревнив по Бозѣ*. Долго приходится «объекту» чуда скитаться по монастырям, раскаиваясь в своих грехах, пока вместе с ним к Михаилу не приходит иерей, уважаемый святым, в результате *святый же не яко прежде, но съ любовію пріять вельможу* [ТР ЖтМК: 43]. Исцеление Григория происходит не одномоментно, а постепенно, поэтапно, что подчеркивает тяжесть его прегрешения. Святой много поучает его, наставляя на путь истинный. Рассказ завершается хвалебно-благодарственной формулой с новым лексическим вариантом: *хвалословенія Богу воздаваше и того угоднику* [ТР ЖтМК: 44].

В рассказе об «исполнении просимого» за помощью обращаются к святому, и это единственное чудо, совпадающее по своим содержательным признакам и коммуникативно-прагматическим параметрам с чудесами преподобных. В этом рассказе представлена борьба со стихией: во время строительства каменной церкви во имя Святой Троицы на озере случилась сильная буря, ветер мешал строителям вести работы, *зидцы же, оскорбившися, придоша ко святому, повѣдающе коснѣніе дѣлу. Святый же отвѣща: не скорбите, братіе, яко можетъ Богъ невидимо постѣшествовати на совершенія святаго Своего жилища. Самъ же блаженный помолися: молитвою святого буря утолися и*

бысть вѣтръ покоень [ТР ЖтМК: 41]. Параметр «чудесное событие» репрезентирован в новой языковой формуле *буря утолися и бысть вѣтръ покоень*.

В житии Михаила Клопского, написанном Тучковым, святой становится «субъектом» чуда в четырех рассказах о прижизненных чудесах из девяти представленных. Святой в качестве «субъекта» эксплицирован как с помощью грамматического субъекта предложений, так и в благодарственных и субъектных формулах, а высшие силы преимущественно вторым способом: *самъ же блаженный помолися; молитвою святого буря утолися и бысть вѣтръ покоень* [ТР ЖтМК: 41], *славя Бога и его угодника блаженнаго Михаила* [ТР ЖтМК: 40]. Для чудес юродивых можно выделить еще один способ словесного оформления субъектной формулы, которая включает в себя датив и генетив в роли посессива: *по пророчеству святаго*.

В чудесах с пророчествами «чудесное событие» воплощается при упоминании разоблачительной речи святого: *и абіе отъ слова святаго ужасошася и въ недугъ тяжкъ оба впадоша* [ТР ЖтМК: 40]; *внезапу весь ослабѣ по пророчеству святаго; святой же рече ему, яко вбѣсноватися имаши, понеже на святая дерзнулъ еси. И отъ того часа възбѣснѣ поплъ* [ТР ЖтМК: 42].

Примечательно, что в ЖтМК святой не становится «объектом» чудес, он только совершает их или предупреждает о них. В последнем случае «субъектом» закономерно выступают высшие силы.

3.2.2. Прижизненные чудеса в поздних житиях юродивых

В житии Василия Блаженного выявлены пять видов чудес и шесть рассказов о прижизненных чудесах: два чудесных «наказания», одно из них с последующим «исцелением», а также «исполнение просимого» с вспомогательным «видением» и «тушение огня», ранее выявленное только в житии Кирилла Белозерского. Рассмотрим последнее чудо подробнее.

«Тушение огня» представлено в составе поличудесного рассказа. По сюжету Иван Грозный, узнав о блаженном, призывает его к себе на именины. Но Василий,

вместо того чтобы выпить из чаши за здоровье царя, трижды выливает содержимое в окно. Царь разгневался на святого за такой поступок, но Василий объяснил его тем, что таким образом он тушил огонь, который в тот момент охватил Новгород. После этих слов святой сбежал из царских палат Ивана Грозного, отправившего за ним погоню, и *въ виду народа и самого царя пробѣжалъ по рѣкѣ, как по сухому пути* [ЖтВБ: 14]. Далее царь отправил слуг в Новгород, чтобы удостовериться, был ли пожар, на что получил положительный ответ, подкреплявшийся свидетельствами новгородцев о явлении неизвестного, тушившего огонь, а еще через какое-то время новгородцы признали в святом спасшего их незнакомца.

Примечательно, что собственно тушение огня представлено в тексте безотносительно к реализации коммуникативно-прагматического параметра «чудесное событие». Сначала тушение передается в форме объяснения действий святого: *«Не кипятись, Иванушка, сказалъ юродивый разгнѣвавшемуся на него царю; въдай, что изліянемъ сего питія, угасилъ я пламя, которымъ объять былъ весь Новгородъ; и престало запаленіе»* [ЖтВБ: 13-14]. Затем о тушении огня сообщается как о факте при описании дознания у новгородцев: *по словамъ Новгородцевъ действительно былъ пожаръ въ Новгородъ <...> время пожара совпадало со временемъ царскихъ имянинъ* [ЖтВБ: 13-14]. Чудесным показан побег святого, однако это побочный мотив, не имеющий отношения к основной теме чудесного рассказа и не являющийся полноценным чудом.

В рассмотренном комплексном поличудесном рассказе наиболее соответствующим жанровому образцу прижизненного чуда в композиционном и коммуникативно-прагматическом планах оказывается «видение»: *Новгородцы во время пожара видѣли какого то чловѣка, который имѣлъ при себѣ водоносъ и заливалъ огонь. Лишь только онъ явился, пламя пожара вскорѣ потухло* [ЖтВБ: 14-15]. «Видение» в данном эпизоде является «средством свершения» чуда по отношению к «тушению огня», однако для событий, описываемых в начале рассказа и происходивших в палатах царя, оно не выполняет данной функции. При этом события представляются довольно буднично, фактологически: чудо не

ввергает никого в ужас или восторг, оно не оценивается как явление, нарушающее законы естества, но констатируется как свидетельство очевидцев.

В языке и стиле рассказа, как и в целом в тексте жития, отражается смешение русских и церковнославянских средств выражения. Специфическими языковыми средствами являются разговорные слова и конструкции, в частности при передаче прямой речи святого: *пробѣжалъ по рѣкѣ; Не кипятись, Иванушка*. Выразительные средства воплощения природы чудесного и жанровых параметров представлены довольно скупо, в частности в традиционном для прижизненных чудес приеме сравнения: *пробѣжалъ по рѣкѣ, как по сухому пути*.

«Видение» в качестве вспомогательного чуда в рамках поличудесного рассказа выявлено также во фрагменте, повествующем о помощи во время морской бури. Рассказывается, что по Каспийскому морю на корабле плыли персы и среди них несколько русских православных людей. Когда началась буря, последние стали рассказывать своим спутникам о святом, который способен управлять водной стихией и угоден Богу, после чего свершилось чудо: *можетъ избавить от потопленія нашъ корабль и спасти насъ отъ погибели. Въ то время, когда они разговаривали такимъ образомъ предъ ними на водѣ какъ бы на твердомъ мѣстѣ явился человекъ весь обнаженный; онъ взялъ за руль корабля и началъ управлять имъ. Вътеръ мало по малу началъ утихать; наконецъ волны прекратились совершенно* [ЖтВБ: 26]. В преподобнической агиографии рассказы аналогичного содержания отнесены нами к тематическому виду «исполнение просимого», поскольку в них вербализована просьба о помощи, обращенная к святому или Богу. Здесь же чудо происходит после рассказа о святом, характеристики его как повелителя волн. В связи с этим данный текст логичнее отнести к выделяемому И. В. Стародумовым тематическому виду «спасение утопающих». Возможно, привлечение к изучению большего числа житий рассматриваемого лика святости приведет к уточнению тематической классификации прижизненных чудес, а в группе «исполнение просимого» – к выделению видов с более узкой тематикой.

В рассматриваемом рассказе любопытна и характеристика персов, чей корабль попал в бурю: автор называет их *невѣрными*, но благодаря православным спутникам они все равно удостаиваются чудесной помощи.

Кроме данных текстов, «видения» упоминаются косвенно как объяснение поведения святого: *нѣкоторые изъ находившихся были свидѣтелями видѣнія, бывшаго св. Василію <...> Стояль блаженный Василій предъ храмомъ Богоматери и проливалъ горькія слезы, моляся Богу* [ЖтВБ: 11]. При этом «видения» в ЖтВБ не имеют развернутого текстового воплощения, присущего им в составе преподобнической агиографии [Рогожникова, Хоменко 2023].

Дважды в житии Василия Блаженного представлена тематическая группа «наказание». Поучительный характер прижизненных чудес отмечается самим автором жития, предваряя один из таких рассказов: *Будучи вообще снисходителенъ къ слабостямъ ближнихъ блаженный Василій иногда употреблялъ свою чудодѣйственную силу для наказанія явной несправедливости, наглой обиды ближняго безстыдной ложью и вразумленія забывающихъ Бога и идущихъ противъ своей совѣсти* [ЖтВБ: 19]. Далее рассказывается о том, как святой получил шубу в подарок от богатого вельможи, а встречный прохожий, позавидовав ему, прикинулся мертвым, лежа на земле. Его сообщники стали упрашивать святого дать им что-нибудь якобы на погребение друга, не оставившего ничего после себя. Святой отдает шубу со словами: *писано въ псалмахъ: лукавнующіе потребятся*. Когда сообщники хотели порадовать своего товарища, он не смог разделить ликования, так как *быль уже мертвъ на самомъ дѣлѣ* [ЖтВБ: 22].

В следующем рассказе о «наказании» три женщины смеялись над наготой святого и за это были лишены зрения. Одна из них, осознав свое прегрешение, попросила прощения *въ своей винѣ противъ него. Блаженный умилился надъ нею и возвратилъ ей зрѣніе, дунувши на ея глаза* [ЖтВБ: 22]. Она просила и за других женщин, и *всѣ ослѣпленныя имъ женщины получили исцѣленіе* [ЖтВБ: 23]. В последнем примере также указывается «субъект» чуда, которым в данном случае является сам святой, хотя обычно в наказаниях проистекают от высших сил,

а «объектом» данного вида чуда в ЖтВБ становятся *злые люди, завистники и наглые невѣжды*.

Как видим, репрезентация параметра «чудесное событие» в приведенных рассказах отличается простотой и неизощренностью языковых средств (*дунувши на ея глаза; мертвъ на самомъ дѣльѣ*). При этом рассказы лишены субъектных и хвалебно-благодарственных формул, что свидетельствует об упрощении стилистики чудесных рассказов и сокращении способов репрезентации коммуникативно-прагматических параметров.

В житии Василия Блаженного также представлен эпизод, в котором говорится о благоухании от тела святого. Однако здесь, как и в предыдущем житии, проявление благословения святого свыше выражено довольно сдержанно, даже фактологически: *народъ стекался со всей Москвы поклониться удрученному подвигами тѣлу праведного, не только не предавшемуся разложению, но и распространявшему вокруг себя обильное благовоніе* [ЖтВБ: 28]. Так ароматическое явление утрачивает чудесность, поскольку уже не оценивается «объектом» чуда как таковое.

В житие Иоанна Блаженного обнаружен лишь один чудесный рассказ об «исцелении». Однако он примечателен тем, что «коммуникация» и чудо иницируются самим святым, без запроса «объекта», а также тем, что в качестве «средства свершения чуда» выступает испытание – специфичная именно для «исцелений», но редкая для данного параметра реализация. По сюжету Иоанн встречает на мосту через Москву-реку некоего Григория, у которого уже два года, как онемела нога: *блаженный Иоаннъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ и сталъ между прочимъ спрашивать о его болѣзни. Во время этого, какъ бы нечаянно онъ наступилъ ему на ногу, которая въ тоже время сдѣлалась здоровою* [ЖтИБ: 8]. Попросив Григория рассказать о случившемся протоиерею Покровской церкви, Иоанн использует это чудо для подтверждения своей святости в глазах церковного деятеля, которому он в предыдущем эпизоде жития наказал похоронить себя по преставлении [Рогожникова, Хоменко 2023].

Чудесное пророчество – единственный вид прижизненных чудес, который встречается в житии Ксении Петербургской. В нем выявлены два текста, вынесенные в раздел «Рассказы о чудесах». В первом рассказывается о том, как Ксения, навещая знакомую, у которой была дочь-невеста, сообщает обеим, что будущий муж девушки в настоящий момент хоронит свою жену, после чего героини отправляются в указанное Ксенией место и попадают на похороны женщины, чей муж позже становится супругом героини – как и предрекала блаженная.

Второй рассказ начинается с эпизода, не связанного с дальнейшим повествованием: Ксения приходит в дом некоего купца и, подойдя к зеркалу, говорит, что оно хорошее, но *поглядеться не во что* [ЖтКП: 9]. Вслед за этими словами зеркало падает и разбивается. Формально это чудо, однако на данный момент исследования, в отсутствие необходимой эмпирической базы (большого количества сходных текстовых единиц) квалификация его затруднительна. Гипотетически такой вид чудес можно обозначить как «самоуничтожение неугодного».

Далее в тексте второго рассказа говорится о визите блаженной к другой знакомой, которой Ксения предрекает ребенка и сообщает место, где она его найдет. Примечательно, что в обоих рассказах святая сообщает об объекте и месте его обретения в аналогичной форме – фразой с пространственным противопоставлением: *Ты тут кофе распиваешь, а твой муж на Охте жену хоронит* [ЖтКП: 8]; *Ты вот чулки тут штопаешь, а тебе Бог сына послал. Иди скорее на Смоленское* [ЖтКП: 9].

Однако важно отметить тот факт, что в жизнеописании Ксении Петербургской чудесные рассказы не предъявлены как чудеса. Если структурно и компонентно сопоставлять их с прижизненными чудесами преподобных, то становится очевидно, что даже при наличии эксплицированной проблемной «ситуации» «объект» не только не сообщает «субъекту» о своей потребности, но даже не имеет намерения просить его о помощи. Следовательно, «субъект» не совершает никаких ритуальных действий, не использует «средства свершения»

чуда и не производит его вовсе. Параметр «чудесное событие» лишен реализации, т. к. чудо не происходит и ничто не нарушает естественного хода событий.

Эти рассказы, вероятнее всего, повествуют о стечении обстоятельств, которое удовлетворяет чьим-то не вербализованным в тексте, но следующим из контекста, интересам: девушка на выданье узнает об овдовевшем мужчине, бездетная женщина узнает об осиротевшем ребенке, что не нарушает естественного положения вещей в мире. Сомнительно утверждать, что смерть женщин, в обоих случаях приведшая к устройению счастья героинь, может быть названа чудом.

События в этих рассказах описаны фактологически, бытовым языком, без противоречий логике и природному началу. Как отмечает И. В. Грекова, выявляя эволюцию агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте, общая черта жизнеописаний святых нового времени заключается в том, что фактическая составляющая важнее изобразительности языка, а чудеса характеризуются ослаблением мистического начала [Грекова 2014: 178]. Отсутствие формально выраженного чудесного компонента не позволяет квалифицировать эти фрагменты как жанровую форму рассказа о прижизненном чуде [Рогожникова, Хоменко 2023].

Отметим, что чудесные пророчества сходны по своей структуре с чудесами о «материализации необходимого», в которых «средством» чуда становится обещание святого о пополнении запасов провизии, получающее подтверждение в чуде. Однако параметр «ситуация» в этих видах чудесного рассказа различается: в пророчествах ситуация непроблемная – у объекта чуда нет необходимости просить помощи у субъекта (в нашем случае у святого), т. к. объект не находится в бедственном состоянии или затрудненных обстоятельствах. Наоборот, коммуникация исходит от святого, который предрекает недоброе будущее грешнику или счастливую судьбу праведнику. Последнее сближает чудесные пророчества с видениями [Рогожникова, Хоменко 2023].

В сводной Таблице 8 с обобщены данные по тематическому распределению прижизненных чудес в составе всех рассматриваемых житий юродивых.

Таблица 8 – Количество и видовое распределение чудесных рассказов в житиях юродивых

Вид (тема)	ТР ЖтМК	ЖтВБ	ЖтИБ	ЖтКП	Всего
1. Изгнание бесов	-	-	-	-	-
2. Оживление	-	-	-	-	-
3. Исцеление	2	1	1	-	4
4. Исполнение просимого	1	1	-	-	2
5. Материализация необходимого	1	-	-	-	1
6. Наказание	4	2	-	-	6
7. Видение	-	1	-	-	1
8. Защита	-	-	-	-	-
9. Благоухание	-	-	-	-	-
10. Крик младенца в утробе	-	-	-	-	-
11. Освоение грамоты	-	-	-	-	-
12. Изведение источника	1	-	-	-	1
13. Тушение огня	-	1	-	-	1
14. Пророчество				2	2
Всего видов	5	5	1	1	8
Всего рассказов	9	6	1	2	16

Выводы по главе 3

Сравнительно-сопоставительный анализ текстовых, тематических, структурно-семантических, коммуникативно-прагматических и лингвостилистических особенностей рассказов о прижизненном чуде в составе житий преподобных святых, написанных в XVI в., а также житий Христа ради юродивых святых XVI–XXI вв., и преподобнической агиографии XII–XV вв. позволил выявить динамику исследуемого агиографического субжанра.

1. Рассматриваемая жанровая форма представлена в составе преподобнической агиографии XVI в. ограниченным тематическим репертуаром чудес. Из тринадцати выявленных нами видо-тематических вариантов в обоих житиях преподобных реализуются лишь шесть. Каждое житие характеризуется специфическим комплексом видов чудес, обусловленным образом святого и характером его подвижничества. В житии Пафнутия Боровского преобладают «исцеления», «изгнания бесов», «наказания» и «видения», при этом два «видения» имеют демонологическое содержание. В этом агиографическом памятнике содержательные и жанровые характеристики чудес согласуются с общей установкой жития на строгость в характере подвижничества. В житии Александра Свирского преобладают «видения», видо-тематические варианты с проблемной «ситуацией» представлены малым количеством текстов, отсутствуют «наказания» и «защита». Это свидетельствует о том, что в ЖТАС на первое место выходит не вспомогательная функция чуда, а демонстративная: здесь важнее чудо как откровение, а не как помощь нуждающемуся.

2. Провидческим даром святого Пафнутия, описанном в житии, определяется такая особенность в реализации коммуникативно-прагматического параметра «коммуникация», как отсутствие вербализации просьбы нуждающегося в помощи – одного из жанрообразующих признаков чудесных рассказов с проблемной «ситуацией». При этом как в предчудесной, так и в постчудесной «коммуникации» представлены обличающие и поучающие наставления святого. Систематически повторяющиеся в композиции чудесных рассказов в составе данного памятника фрагменты, повествующие об обличении и поучении святым

«объекта» чуда, становятся важным композиционным элементом структуры прижизненных чудес Пафнутия Боровского. В них эксплицируется назидательная интенция рассматриваемого жанра.

Относительно лингвостилистических особенностей рассказов следует отметить сокращение репертуара языковых формул, оформляющих начало и конец рассказа, субъектных формул, а также выразительных средств, воплощающих в тексте природу чудесного. Стиль рассказов характеризуется строгостью изложения, скупостью репертуара выразительных средств при передаче чудесных событий, относительной краткостью рассказов, смещением акцента с языковой репрезентации параметра «чудесное событие» на обличающие характеристики героев рассказов и императивные конструкции с наставлениями святого. Характерно, что в житии Пахомия Боровского появляются разговорные элементы при описании бытовых подробностей.

3. В житии Александра Свирского отступление от сложившегося в предшествующей преподобнической агиографии образца прижизненного чуда проявляется в реализациях коммуникативно-прагматических параметров «субъект» и «объект» чуда. Святой в одиннадцати случаях представлен как «объект» чуда, которое осуществляется «высшими силами», и лишь в шести текстах выступает в качестве «субъекта», единожды являясь также «объектом». Роль святого в прижизненном чудотворении меняется: он по большей части испытывает его на себе, становясь «объектом» благословения свыше, сам же творит чудо лишь в дополнение к своим поучениям. Таким образом, нарушается соответствие тематического вида чуда и связанных с ним параметров «ситуация» и «чудесное событие». В житиях предшествующих периодов такие нарушения отмечены нами как исключения. Акцент в чудесных рассказах смещается с чудотворения святого на коммуникацию с героями, в которой они узнают устройство мира, нормы богоугодного поведения и моральные ориентиры для всех, кто стремится к спасению души и желает получить поддержку высших сил.

4. В обоих житиях обнаружены фрагменты, тематически совпадающие с рассказами о прижизненных чудесах в более ранних житиях преподобных, однако

в агиографии XVI в. не получающие развития чудесного начала. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что при сохранении обязательных тематических элементов в составе жития (построение церкви или изведение источника) изменяется подход к отображению описываемых событий. Ранее сопровождавшиеся чудесной помощью высших сил и святого, эти эпизоды в житиях Пафнутия Боровского и Александра Свирского представлены как рядовые события из жизни преподобных.

5. В сравнении с рассмотренными преподобническими житиями XVI в. в агиографии иного лика святости – житиях и жизнеописаниях юродивых – динамику субжанра «рассказ о прижизненном чуде» можно охарактеризовать как более явную. В них также представлен ограниченный тематический круг рассказов: наиболее воспроизводимыми являются чудеса «исцеления», «наказания», «исполнения просимого». В качестве специфического вида чуда для житий юродивых определено чудесное «пророчество», выступающее вспомогательным чудом при «наказаниях» или исполнении желаемого (чудесная природа последнего на данном этапе исследования не определена однозначно). «Видение» оказывается исключительно вспомогательным чудом, а «благоухание» утрачивает элемент чудесного события и не функционирует в рассмотренных житиях в форме чудесного рассказа. Наиболее вариативно прижизненные чудеса представлены в агиографических текстах XVI в., далее число прижизненных чудес сокращается и к XXI в. становится минимальным.

6. В реализации и репрезентации коммуникативно-прагматических параметров и коммуникативной ситуации внутри рассказов выявлены изменения. Юродивые хоть и остаются «субъектом» прижизненных чудес, однако к ним реже, чем к преподобным, приходят за помощью. Герой этого лика святости либо сам знает о проблеме благодаря дару провидения, либо становится свидетелем сообщения о ней другому церковному лицу и, желая облегчить положение, инициирует положительное чудо. Так, предчудесная «коммуникация» вновь становится прерогативой святого, а не нуждающегося в помощи. Предчудесная «коммуникация», инициируемая «объектом» чуда, представлена лишь в связи с

чудесами-«наказаниями», которые в свою очередь происходят после обличения «объекта» юродивым.

7. Показательно, что в житиях юродивых святой не становится «объектом» чуда, но продолжает выступать его «субъектом» наряду с высшими силами. При этом к XIX в. прижизненные чудеса юродивых утрачивают субъектные и хвалебно-благодарственные формулы, что свидетельствует об упрощении стилистики чудесных рассказов и сокращении способов репрезентации коммуникативно-прагматических параметров. Упрощается также структура рассказов, сокращается их размер, а параметр «чудесное событие» постепенно лишается той магически-мистической реализации, свойственной чудесам преподобных святых. Чудесные рассказы повествуют о событиях, которые более не оцениваются наблюдающими их как нарушающие естественные законы природы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании в рамках жанрово-стилистического и коммуникативно-прагматического подходов осуществлено комплексное изучение жанровой специфики рассказа о прижизненном чуде, входящего в состав житий русских преподобных святых и Христа ради юродивых, написанных (либо опубликованных) в период с XII по XXI вв.

Чудо – явление или событие, нарушающее всем известные законы природы и оценивающееся общностью людей как таковое, – в представлении христианина вызвано вмешательством в человеческий мир Бога, который производит это вмешательство самостоятельно или посредством святого угодника. Чудо становится важным элементом в раскрытии образа святого, оно подтверждает и утверждает его богоизбранность, в чувственной форме демонстрируя это всем сопричастным христианской культуре, укрепляя их в вере. Аналогичным целям чудо служит и как составная часть агиографической литературы.

Агиографическое чудо появляется в древнерусской культуре вместе с житийной литературой во времена принятия христианства и наследования из византийской культуры традиционных религиозных жанров, к которым относилось и житие. Чудеса в составе житий являются целостными, композиционно завершенными фрагментами, что позволяет идентифицировать их как особую жанровую форму. Житие включает в себя прижизненное чудо в качестве субжанра – текстовой единицы, которая утрачивает свою функциональную самостоятельность и не может существовать автономно: жанровые интенции рассказа о прижизненном чуде заданы общей прагматической направленностью агиографической литературы.

Для описания специфики изучаемого диахронического речевого жанра, относящегося к церковно-религиозной сфере, в жанрово-стилистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах и моделирования рассказа о прижизненном чуде в настоящей диссертационной работе выработана, обоснована и применена методика комплексного жанрового анализа. Методическим

основанием для данной методики послужило понятие внутритекстовой коммуникации, предложенное коллективом авторов – А. А. Чувакиным, Е. В. Демидовой и Э. В. Малыгиной [Чувакин, Демидова, Малыгина 2015]. На основе внутритекстовой коммуникации и ролей ее участников определены семь коммуникативно-прагматических параметров, или конститутивных элементов, рассматриваемого жанра, позволяющие раскрыть его специфику: «объект», «субъект», «ситуация», «чудесное событие», «коммуникация», «средство свершения» и «свидетель» чуда. Эти параметры явились жанрообразующими признаками рассказа о прижизненном чуде в сочетании с текстовыми, тематическими, композиционными, структурно-содержательными и лингвостилистическими показателями.

Текстовые показатели определяют положение прижизненных чудес в житии: рассказы представлены в основной части повествования и сообщают о событиях, происходивших при жизни святого, могут выделяться в главы или же следовать за другими событиями в непрерывном континууме жития.

Тематические показатели свидетельствуют о разнообразии видов чудес. В результате тематического анализа выявлены тринадцать видов прижизненных чудес и соответствующих им видо-тематических вариантов чудесных рассказов: «изгнание бесов», «исцеление», «оживление», «исполнение просимого», «материализация необходимого», «наказание», «защита», «видение», «благоухание», «крик младенца в утробе», «освоение грамоты», «изведение источника», «тушение огня». Среди представленных выделены единичные темы и темы, определяемые в работе как регулярные, – воспроизводящиеся как минимум в двух из множества рассматриваемых житий.

Рассказы о прижизненных чудесах подвергаются описанию по семи уже обозначенным коммуникативно-прагматическим параметрам. Основу жанра формируют «объект», «ситуация», в которой он оказался (проблемная или непроблемная), «чудесное событие», разрешающее «ситуацию» первого типа или становящееся возможным в «ситуации» второго типа, а также «субъект», который выступает производителем чуда. Совокупность этих четырех параметров

позволяет идентифицировать фрагмент жития как чудесный рассказ. Параметр «коммуникация» служит для отражения условий и целей общения героев повествования, в этом параметре реализуется большая часть коммуникативных интенций жанра. «Средство свершения» и «свидетель» чуда являются дополнительными, факультативными параметрами и могут отсутствовать в рассказе в зависимости от его видо-тематической отнесенности.

Коммуникативно-прагматические параметры имеют ограниченный ряд типичных реализаций. Так, параметр «субъект» характеризуется реализациями двух типов: святой и высшие силы; параметр «ситуация» в своей реализации обусловлен видом чуда (недуг для «исцеления», смерть для «оживления» и «благоухания», прегрешение или богохульство для «наказания» и т. д.); в качестве «объекта» выступают человек, вещество, стихия и пространство; «коммуникация» имеет подтипы предчудесной и постчудесной; реализациями параметра «средство свершения» чуда выступают молитва, ритуальные действия и атрибуты, испытание, другое чудо и др.; «свидетель» лишен подтипов, т. к. априори является человеком. Наиболее вариативным в этом отношении выступает параметр «чудесное событие», типы реализации которого коррелируют с реализациями параметра «ситуация» и видом чуда и являются взаимообусловленными.

Каждому виду чуда свойствен определенный комплекс реализаций коммуникативно-прагматических параметров: «субъектом» «видений» и «наказаний» неизменно выступают высшие силы, «объектом» «исцелений» и «оживлений» может стать только человек, в то время как «объектом» в рассказах о «материализации необходимого», как правило, является некоторое вещество и лишь в качестве исключения – человек. Комплекс реализаций коммуникативно-прагматических параметров для каждого вида чуда формирует коммуникативно-прагматическую модель видо-тематического варианта рассказа о прижизненном чуде. Сформированы девять моделей – для каждого регулярного вида чуда.

Композиция и структура рассказов обусловлены параметром «ситуация», а именно его непроблемной или проблемной реализацией. Первый тип характерен

для рассказов о «видениях», «благоухании» и «крике младенца в утробе» – в таких рассказах выделяется три структурные части, в каждой из которых представлены реализации определенных коммуникативно-прагматических параметров. Второй тип отражен в рассказах всех остальных видо-тематических вариантов, в них выделяется до пяти частей.

Лингвостилистическими показателями, позволяющими идентифицировать рассказы о прижизненных чудесах, являются языковые репрезентации коммуникативно-прагматических параметров (наиболее разнообразным из них является параметр «чудесное событие»), грамматические и лексические показатели времени (они позволяют передать последовательность событий и подчеркнуть их причинно-следственные связи, а также такой важный признак чуда, как внезапность), субъектные и хвалебно-благодарственные формулы, начальные и конечные формулы, сигнализирующие о границах жанра, а также сравнение и антитеза как два изобразительных средства, которые позволяют раскрыть природу чуда.

Таким образом, субжанр «рассказ о прижизненном чуде» представляет собой повествование о событиях, явлениях и знамениях: 1) совершившихся в отношении человека, предмета, вещества или пространства, 2) наблюдаемых или переживаемых человеком или группой людей, 3) нарушающих естественные законы природы и оценивающих их свидетелями как противоестественные и оттого ужасающие, 4) имевших место при жизни святого, 5) источником которых явились высшие силы, представленные Богом, Богородицей, Святой Троицей, ангелами или же самим святым, а результатом – помощь в разрешении или избежании затруднительных обстоятельств, сообщение информации, побуждение к действию, указание на богоугодное или небогоугодное в поведении и образе мыслей христианина.

Рассматриваемый агиографический субжанр предназначался для формирования у адресата положительного образа святого с целью укрепления его авторитета, для воспитания добродетели и предписания праведного образа жизни. На текстовом уровне эти целевые установки эксплицированы в репрезентациях

параметра «коммуникация», в которой агиографом смоделированы ситуации общения мирян, иноков и высших сил со святым, а также представлены коммуникативные интенции участников этого общения. Кроме того, целеустановки жанра «рассказ о прижизненном чуде» воплощаются в характеристиках святого и «объектов» чуда; для последних важным является соотнесение характеристики с видом чуда: праведники поощряются спасительным чудом, а грешники и богохульники караются наказующим чудом.

Обобщая полученные результаты, констатируем: рассказ о прижизненном чуде, появившийся в древнерусской литературе как один из элементов ансамблевого жанра жития, благодаря своей сюжетно-смысловой организации, ряду структурных, жанровых, стилистических и коммуникативно-прагматических признаков, является особым жанровым образованием. Возникший в составе преподобнических житий, рассказ о прижизненном чуде развивается тематически и стилистически, в XV в. оформляется в своем образцовом виде и усваивается более поздней житийной литературой, посвященной жизни подвижников идентичного лика святости, а также Христа ради юродивых.

С XVI в. отмечается динамика жанровых признаков рассказа о прижизненном чуде, которая проявляется в отступлении от установившихся коррелятивных связей между реализациями коммуникативно-прагматических параметров, видо-тематической отнесенностью рассказов и их структурно-содержательными особенностями. Так, если в рассказах с проблемной «ситуацией» в составе древнерусских и старорусских житий обязательным элементом структуры являлась предчудесная «коммуникация», реализацией которой служила вербализованная просьба нуждающегося в помощи, обращенная к святому, то с XVI в. этот параметр указанную реализацию утрачивает. Выявленное изменение обусловлено такой особенностью героев житий, как дар провидения, который позволяет им узнавать о проблемных обстоятельствах, требующих чудесного разрешения, без вербализации проблемы «объектом» чуда. В житиях юродивых эта особенность позволяет выделить еще один, вспомогательный, вид чуда – «пророчество».

Лингвистические, социально-исторические и мировоззренческие изменения, отмечающиеся в период с XII по XXI вв., отразились в развитии и преобразовании жанра «рассказ о прижизненном чуде», в рамках которого с течением времени происходит переход от мифологического изображения чуда к фактологическому. Этот постепенный процесс проявляется в сокращении используемых агиографами тематических разновидностей прижизненных чудес, упрощении структуры рассказов, «обмирщении» их содержательных особенностей, угасании лингвостилистического разнообразия воплощаемых коммуникативно-прагматических признаков жанра.

Проблема сопоставления реализации и репрезентации жанрового образца на разных этапах развития агиографии и в различных ее видах в зависимости от типа святости героя жития является актуальной и, при расширении эмпирической базы, может стать предметом дальнейших исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЖтАС – Житие Александра Свирского
 ЖтВБ – Житие Василия Блаженного
 ЖтИБ – Житие Иоанна Блаженного
 ЖтКБ – Житие Кирилла Белозерского.
 ЖтКП – Житие Ксении Петербургской
 ЖтМК – Житие Михаила Клопского
 ЖтПБ – Житие Пафнутия Боровского
 ЖтСР – Житие Сергия Радонежского.
 ЖтФП – Житие Феодосия Печерского.
 ЛР ЖтМК – Легендарная редакция Жития Михаила Клопского
 ТР ЖтМК – Тучковская редакция Жития Михаила Клопского

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Житие Александра Свирского // РНБ, Погод. 874, XVI в. (443 об.–514 об.) [URL: <https://project.phil.spbu.ru/scat>].
2. Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века. – С. 132-217.
3. Житие преп. Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным : по рукописи Ин-та кн. Безбородко / издал А. Кадлубовский. Нежин : Типо-Лит. Венгера, 1898. 52 с.
4. Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 6: XIV – середина XV века. – С. 254-411.

5. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 1: XI–XII века. – С. 352–433.
6. Памятники старинной русской литературы, издаваемые Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко. Выпускъ четвертый: Повѣсти религиозного содержанія, древнія поученія и посланія, извлеченныя изъ рукописей Николаемъ Костомаровымъ. СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1862. С. 36–51.
7. Повесть о житии Михаила Клопского // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 7 : Вторая половина XV века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1999. С. 218–231.
8. Рассказы о чудесах Блаженной Ксении Петербургской: Житие. Акафист. Молитвы. М. : Неугасимая лампада : Артос-Медиа, 2005. 60 с.
9. Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради юродивые московские чудотворцы. М. : Манухин, 1867. 40 с.

Научная и учебная литература

10. Аверина, С. А. Агиография Древней Руси как литературный жанр / С. А. Аверина // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2021. – № 3(15). – С. 75–83.
11. Аверина, С. А. К жанрово-стилистической характеристике севернорусской агиографии: (На материале севернорусских житий XVI в.) / С. А. Аверина // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1990. – С. 61–70.
12. Аверина, С. А. О принципах организации агиографического текста / С. А. Аверина // Язык и текст. Проблемы исторического языкознания. – СПб. – 1998. – Вып. 5. – С. 40–49.
13. Аверинцев, С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации / С. С. Аверинцев // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 104–116.

14. Аверинцев, С. С. Чудо / С. С. Аверинцев // Новая философская энциклопедия в 4-х томах / Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – 736 с.
15. Адрианова-Перетц, В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси / В. П. Адрианова-Перетц // ТОДРЛ. – Л., 1964. – С. 41–71.
16. Андреева, Е. А. Молитвы в составе «жития Михаила Ярославича Тверского» / Е. А. Андреева // Герменевтика древнерусской литературы. – 2022. – № 21. – С. 225–238.
17. Аксенова, М. В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий / М. В. Аксенова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 3(31). – С. 170–176.
18. Анисимова, Е. Е. Коммуникативно-прагматическая характеристика типа текста «политический плакат» / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – 1991. – № 3. – С. 72–79.
19. Анисимова, Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Анисимова Татьяна Валентиновна. – Краснодар. – 2000. – 46 с.
20. Антропова, Н. А. Рассказы о чудесах в произведениях Аввакума и Епифания как социальный феномен / Н. А. Антропова // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 13. / отв. ред. Д. С. Менделеева. – М.: Знак, 2008. – С. 711–752.
21. Астапов, С. Н. Чудо как коммуникативный акт / С. Н. Астапов // Религия и Коммуникация : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 18–20 апреля 2019 года / Под редакцией С. И. Шатравского. – Минск: Издательский дом «Ковчег», 2019. – С. 149–153.
22. Афиногенов, Д. Е., Руди, Т. Р. и др. Житийная литература / Д. Е. Афиногенов, Т. Р. Руди // Православная энциклопедия. – М., 2000. – Т. 19. – С. 283–345. URL: <https://www.pravenc.ru/text/182317.html>

23. Балашова, Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2022. – 832 с.
24. Басте, З. Ю. Особенности коммуникативно-прагматического потенциала художественного текста писателя-билингва К. И. Натхо / З. Ю. Басте, М. П. Ахиджакова // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 5. – С. 65–73.
25. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940–1960 гг. – 732 с.
26. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
27. Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) / Б. И. Берман // Художественный язык средневековья / Отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1982. – С. 159–182.
28. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): дис. ... д-ра филол. наук / Бобырева Екатерина Валерьевна. – Волгоград. – 2007. – 465 с.
29. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры / Е. В. Бобырева // Знание. Понимание. Умение. – М., 2008. – № 1. – С. 162–167.
30. Богданова, О. Ю. Заголовок как элемент текста / О. Ю. Богданова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2007. – № 1. – С. 116–119.
31. Богинская, О. А. Речевые жанры: идентификационные признаки и классификационные критерии (на примере жанра «приговор») / О. А. Богинская // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2(45). – С. 33–43.
32. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова. – Томск, 1992. – 313 с.
33. Бондаренко, Ю. Б. К вопросу о соотношении категорий «речевой жанр» и «дискурс» (на примере жанра биографии) / Ю. Б. Бондаренко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 2. – С. 112–120.

34. Бугаева, И. В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы / И. В. Бугаева // Стилистика текста: Межвуз. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. В. Плисов. – Н. Новгород, 2005. – С. 3–11.
35. Бугаева, И. В. Теолингвистика: теология+лингвистика? / И. В. Бугаева // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века: в 6 т. Т. 2. Лингвистический анализ на грани методологического срыва / ред. Д. Шумска, К. Озга. – Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – С. 293–300.
36. Ваганова, К. Р. Розыскной деловой документ XVII–XIX вв.: жанрово-стилистические и коммуникативно-прагматические особенности: дис. ... канд. филол. наук / Ваганова Ксения Ринатовна. – Омск. – 2012. – 258 с.
37. Вежбицка, А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи. – 1997. – Вып.1. – С. 99–111.
38. Вежбицка, А. речевые жанры в свете элементарных смысловых единиц / А. Вежбицка // Антология речевых жанров: монография / под ред. В. В. Дементьева, Т. В. Шмелевой, отв. редактор К. Ф. Седов. – Москва: Лабиринт, 2007. – С. 68–81.
39. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – Москва: Русские словари, 1996. – 416 с.
40. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов – М.: Наука, 1959. – 654 с.
41. Волкова, Е. В. Профессиональная языковая личность врача в медиадискурсе (коммуникативно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук / Волкова Евгения Владимировна. – Томск. – 2021. – 264 с.
42. Волынкина Светлана Вадимовна. Речевые жанры похвалы и комплимента в бытовой сфере общения и коммуникативной среде телевизионного ТОК-ШОУ : дис. ... канд. филол. наук / Волынкина Светлана Вадимовна. – Красноярск. – 2009. – 230 с.
43. Гаврилова, Е. С. Лингвистическое выражение противопоставления / Е. С. Гаврилов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 3. – С. 141–144.

44. Гадамский, А. К. О жанрах религиозного языка в русской и польской теолингвистике / А. К. Гадамский // Стил. – Београд, 2009. – № 8. – С. 107–118.
45. Гак, В. Г. Языковые преобразования : монография / В. Г. Гак. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
46. Гладкая, Н. В. К вопросу о коммуникативно-прагматическом и социокультурном потенциале мемов в интернет-коммуникации / Н. В. Гладкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2022. – № 4. – С. 28–32.
47. Голошубина, О. К. Комплексное моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере»: дис. ... канд. филол. наук / Голошубина Олеся Константиновна. – Омск. – 2017. – 175 с.
48. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви / Е. Е. Голубинский: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. – 606 с.
49. Гончарова, Л. М. Профессиональный монологический текст/дискурс в учебно-научной сфере (Композиционный и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук / Гончарова Любовь Марковна. – М. – 2001. – 189 с.
50. Гончарова, М. А. Реализация коммуникативно-прагматического потенциала языковых единиц в современной художественной литературе / М. А. Гончарова // Семантика и прагматика дискурса : межвузовский сборник научных статей / Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. – Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2010. – С. 38–44.
51. Горелов, И. Н. Основы психоллингвистики : Учебное пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Лабиринт, 1998. – 256 с.
52. Греймас, А. Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика: сб. ст. / сост., вст. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 483–550.

53. Грекова, И. В. Жизнеописание святого: проблема определения жанра / И. В. Грекова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4. – С. 37–39.

54. Грекова, И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / Грекова Инга Валерьевна. – Кемерово. – 2014. – 211 с.

55. Гречаная, А. И. Церковно-религиозный стиль в системе стилей современного русского литературного языка / А. И. Гречаная // ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ науки : сборник статей Международной научно-практической конференции: в 3-х частях, Пермь, 25 июля 2016 года / Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Том Часть 3. – Пермь: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2016. – С. 76–78.

56. Гуревич, А. Я. Exemplum / А. Я. Гуревич // Словарь средневековой культуры. Ред. Гуревич А. Я. Словарь средневековой культуры. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 594–597.

57. Давыденков О. Догматическое богословие: учеб. пособ. / О. Давыденков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. – 173 с.

58. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.

59. Дементьев, В. В., Седов, К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. – 107 с.

60. Демченков, С. А. Христианство в литературе и культуре Древней Руси: учебное пособие. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 110 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=429703 (дата обращения 10.03.2019).

61. Демченкова, Н. М. Коммуникация в социокультурной сфере: курс лекций / Н. М. Демченкова – Минск: Современные знания, 2009. – 117 с. – URL: <https://studfile.net/preview/5585029/> (Дата обращения: 25.02.2020)

62. Демьянов, В. Г. О переписывании книг в Древней Руси / В. Г. Демьянов // Русская речь. – М., 1973. – № 5. – С. 157–160.

63. Дехган, Х. М. Речевой жанр просьбы в кругу императивных жанров / Х. М. Дехган // Преподаватель XXI век. – 2013. – № 4-2. – С. 357–368.
64. Дмитриев, Л. А. Жанр севернорусских житий / Л. А. Дмитриев // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. 27. – Л.: Наука, – 1972. – 467 с.
65. Дмитриев, Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. / Л. А. Дмитриев. – Л., 1973. – 303 с.
66. Дмитриев, Л. А. Иродион / Л. А. Дмитриев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. – Л., 1988.
67. Дмитриев, Л. А. Повесть о житии Михаила Клопского. Комментарии / Л. А. Дмитриев // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 7. – С. 512–515. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3917>
68. Дмитриева, Е. Г. Религиозно-нравственный идеал в современных агиографических текстах: лингвистическая характеристика / Е. Г. Дмитриева // Научный диалог. – 2018. – № 12. – С. 64–74.
69. Дорохова, Д. А. Коммуникативно-прагматические особенности юридического дискурса / Д. А. Дорохова, О. А. Шутова // Междисциплинарный научно-практический форум ученых-филологов, Севастополь, 10–12 мая 2018 года. – Севастополь: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2018. – С. 224–227.
70. Духанина, А. В. Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод, комментарии, исследование А. В. Духаниной. Москва – Брюссель: Conference Sainte Trinite du Patriarcate de Moscou ASBL; Екатерининский мужской монастырь, 2015. – 637 с.
71. Духанина, А. В. Изучение языка и поэтики Епифаниевской редакции Жития Сергия Радонежского в свете текстологии / А. В. Духанина // ТОДРЛ, т. 65. – СПб., 2017. – С. 265–281.
72. Духанина, А. В. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола): дис. ... канд. филол. наук / Духанина Александра Владимировна. – М. –2008. – 396 с.

73. Духанина, А. В. Рукописная традиция Епифаниевской редакции жития Стефана Пермского / А. В. Духанина // Комплексный подход в изучении Древней Руси : Сборник материалов X Международной научной конференции. Приложение к Журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», Москва, 09–13 сентября 2019 года. – Москва: Издательство «Индрик», 2019. – С. 79.

74. Егошкина, В. А. Русский развлекательный радиийный дискурс: коммуникативно-прагматический и жанрово-стилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Егошкина Виолетта Александровна. – Омск. – 2020. – 283 с.

75. Елагина, Ю. С. Коммуникативно-прагматические характеристики профессионального компьютерного дискурса (на материале англоязычных текстов) / Ю. С. Елагина. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2022. – 142 с.

76. Еремин, И. П. К характеристике Нестора как писателя / И. П. Еремин // ТОДРЛ, т. XVII. – М. – Л., 1961. – С 54–64.

77. Еремин, И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И. П. Еремин. – Л.: Изд-во Ленинградского унт-та, 1987. – 326 с.

78. Еремин, И. П. Литература Древней Руси / И. П. Еремин. – М. – Л.: Наука, 1966. – 266 с.

79. Жарова, И. Ю. Функциональное назначение чудес в «Проскинитарии» Арсения Суханова и «Житии» Протопопа Аввакума / И. Ю. Жарова // Вестник славянских культур. – 2012. – № 3. – С. 50–57.

80. Живов, В. М. Святость Краткий словарь агиографических терминов / В. М. Живов. – Москва : Гнозис, 1994. –110 с.

81. Журавлева, К. А. Коммуникативно-прагматические тактики, реализованные с помощью использования притч, в «Слове» Даниила Заточника / К. А. Журавлева // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации : Материалы участников IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Усурийск, 21 февраля 2019 года / Ответственный редактор А. А. Новикова. – Усурийск: Дальневосточный федеральный университет, 2019. – С. 100–105.

82. Завальников, В. П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии (проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Завальников Владимир Петрович. – Омск. – 2003. – 29 с.

83. Звездин, Д. А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка (на примере текстов второй половины XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Звездин Дмитрий Александрович. – Челябинск. – 2012. – 20 с.

84. Зиньковская, А. В. Английский драматургический текст в коммуникативно-прагматическом аспекте / А. В. Зиньковская // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 1(30). – С. 92–95.

85. Злобин, А. А. Святительское Житие в древнерусской агиографической литературе (на примере «жития Стефана Пермского» Епифания Премудрого) / А. А. Злобин // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : сборник материалов VI Международной научно- практической конференции, Елабуга, 21 октября 2022 года / ФГАОУ «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Елабужский институт. – Елабуга: Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт, 2022. – С. 89–92.

86. Зубов, В. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») / В. П. Зубов // ТОДРЛ, т. IX. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. – М. – Л., АН СССР, 1953. – С. 145–158.

87. Иванова, М. В. Древнерусские жития конца XIV-XV вв. как источник истории русского литературного языка. / М. В. Иванова. – М., 1998. – 230 с.

88. Иванова, М. В. Лексика «Жития Стефана Пермского», написанного Епифанием Премудрым: дис. ... канд. филол. наук / Иванова Мария Валерьевна. – М. – 1986. – 212 с.

89. Иванова, М. В. Ряд предметный и ряд словесный в «Житии Михаила Клопского» / М. В. Иванова // Известия ОЛЯ. – 1997. – № 5. – С. 30–38.

90. Изотов, А. И. Церковнославянский язык и церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка / А. И. Изотов // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка : Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, Оренбург, 22–24 ноября 2018 года / Оренбургский государственный педагогический университет. Том Часть 1. – Оренбург: ООО «Издательство "Оренбургская книга"», 2018. – С. 145–150.

91. Ильин, А. Н. Путь юродивого как идеал аскезы / А. Н. Ильин // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 5 (97). – С. 57–60.

92. Исламова, И. Ф. Уличное объявление как речевой жанр (на примере уличных объявлений города Уфы): дис. ... канд. филол. наук / Исламова Ирина Фларитовна. – Уфа. – 2009. – 211 с.

93. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Издание 6-е, дополненное. – Москва : Издательство ЛКИ, 2012. – 299 с.

94. Ицкович, Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук / Ицкович Татьяна Викторовна. – Екатеринбург. – 2016-а. – 387 с.

95. Ицкович, Т. В. Категория темы в тексте жития / Т. В. Ицкович // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2013. – № 2 (18). – С. 52–59.

96. Ицкович, Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы / Т. В. Ицкович // Жанры речи. – 2016-б. – № 1(13). – С. 87–93.

97. Ицкович, Т. В. Религиозный функциональный стиль русской речи / Т. В. Ицкович // Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2023. – С. 86–101.

98. Каган-Тарковская, М. Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке (жития Адриана и Ферапонта Монзенских, Трифона Вятского, Симона Воломского, Серапиона Кожеозерского, Арсения Новгородского, Никандра Псковского) / М. Д. Каган-Тарковская // ТОДРЛ / Российская академия наук.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Гл. ред. серии Д. С. Лихачев, Ред.: А. А. Алексеев, М. А. Салмина. – Т. 49. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 122–132.

99. Кадлубовский, А. Житіє преподобнаго Пафнутія Боровского, писанное Вассіаном Санинымъ (вступительная статья) / А. Кадлубовский // / издал А. Кадлубовский. Нежин : Типо-Лит. Венгера, 1898. – С. 1–19.

100. Кадлубовский, А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых / А. П. Кадлубовский. – Варшава, 1902. – 389 с.

101. Казакова, Т. А. Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Казакова Тамара Анатольевна. – М. – 1989. – 32 с.

102. Камчатнов, А. М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений / А. М. Камчатнов – М.: Академия, 2008. – 688 с.

103. Кантунова, М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кантунова Мария Александровна. – Новосибирск. – 2012. – 26 с.

104. Карасик, В. И. Концептуализация чуда / В. И. Карасик // Поволжский педагогический вестник. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 25–33.

105. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

106. Карбасова, Т. Б. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб в работе над Житием Сергия Радонежского / Т. Б. Карбасова // ТОДРЛ, т. 65. – СПб., 2017. – С. 282–300.

107. Каширин, А. А. Авторские телепрограммы как объект коммуникативно-прагматического исследования / А. А. Каширин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 7(172). – С. 151–155.

108. Клинова, Ю. С. Коммуникативно-прагматическая функция эмоциональной и эстетической информации в тексте научной статьи /

Ю. С. Клинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2021. – № 19. – С. 41–46.

109. Клосс, Б. М. Избранные труды. Том 1. Житие Сергия Радонежского / Б. М. Клосс. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 568 с.

110. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М.: Наука, 1988. – 512 с.

111. Кобец, Е. В. Коммуникативно-прагматическая специфика политического дискурса (на материале речей А. И. Лебеда): дис. ... канд. филол. наук / Кобец Елена Валерьевна. – Абакан. – 2012. – 245 с.

112. Коваль, О. В. Стратегии и тактики в рамках речевого жанра / О. В. Коваль, Ф. Михай // Вестник КГПИ. – 2017. – № 2. – С. 44–51.

113. Кожемякин, Е. А. Религиозный дискурс / Е. А. Кожемякин // Дискурс-Пи. – 2013. – № 3 (13). – С. 124.

114. Кожина, М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М. Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стыль. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 9–32.

115. Кожина, М. Н. Стыль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение / М. Н. Кожина // Stylistyka. – Opole, 1999. – Вып. 8. – С. 5–36.

116. Колесников, В. В. Политический дискурс топливно-энергетического комплекса: коммуникативно-прагматический аспект / В. В. Колесников, А. В. Логинов // Отечественная филология. – 2023. – № 5. – С. 59–70.

117. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 296 с.

118. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 2. Добро и зло / В. В. Колесов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 304 с.

119. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 3. Бытие и быт / В. В. Колесов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 400 с.

120. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Колесов. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 512 с.
121. Колесов, В. В. История русского языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Колесов. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
122. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 312 с.
123. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 640 с.
124. Коломейченко, С. В. Стиль «Жития Стефана Пермского»: дис. ... канд. филол. наук / Коломейченко Светлана Владимировна. – Архангельск. – 2012. – 261 с.
125. Комарова, З. И. Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики / З. И. Комарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1(292). – С. 66–71.
126. Коновалова, О. Ф. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. / О. Ф. Коновалова // ТОДРЛ, т. XIV. – М.-Л., 1958. – С. 205–211.
127. Копытов О. Н. Литературные жанры как объект лингвистики: семантико-семиотический подход / О. Н. Копытов // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст: матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 95-годдзю заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь, доктара філалагічных навук, прафесара Міхася Яўгенавіча Цікоцкага; пад агул. рэд. В. І. Іўчанкава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – С. 380–388.
128. Коренева, Ю. В. Концептосфера агиографии и религиозный дискурс / Ю. В. Коренева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – №5. – 40–43.

129. Косицкая, Ф. Л. Речевой жанр как единица контрастивного анализа / Ф. Л. Косицкая // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 4(55). – С. 101–105.

130. Котова, А. П. Образ святого в романе Е. Водолазкина «Лавр» / А. П. Котова // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство : межвуз. сб. / отв. ред. А. В. Курочкина. – Уфа : Башк. гос. ун-т, 2019. – Вып. X. – С. 94–99.

131. Крысин, Л. П. Церковно-религиозный стиль / Л. П. Крысин // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет ; Под редакцией А. П. Сквородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 732–733.

132. Крючков, В. П., Богатырева У. А. Дискурс русского православного юродства: коммуникативно-речевая стратегия и тактика / В. П. Крючков, У. А. Богатырева // XXV Страховские чтения : материалы Всерос. науч. конф. Саратов : Перо, 2017. – С. 124–130.

133. Кузьмин, А. Г. Когда Нестор писал Житие Феодосия: (К вопросу об авторе «Повести временных лет») / А. Г. Кузьмин // Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. Т. 61: Вопр. лит. и методики ее преподавания. – Рязань, 1970. – С. 255–263.

134. Куркина Л. В. О некоторых глаголах эмоциональной сферы в «Житии Андрея Юродивого» // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности : сб. ст. к 70-летию академика А. М. Молдована. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. – С. 135–148.

135. Кусков, В. В. Жанры и стили древнерусской литературы XI – перв. полов. XIII века: автореф. дис. ... д-ра филолог, наук / Кусков Владимир Владимирович. – М. – 1980. – 45 с.

136. Кусков, В. В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI перв. полов. XIII века / В. В. Кусков // Вестник МГУ. Серия 9: Филология.– 1981. – №1. – С. 3–12.

137. Лаевская, Т. Е. Эволюция вторичных речевых жанров в условиях интернет-среды (на материале жанра аннотации) / Т. Е. Лаевская // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2020. – № 5(108). – С. 44–51.

138. Левшун, Л. В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон / Л. В. Левшун // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2006. – № 4(26). – С. 40–42.

139. Лебедева, Н. Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) / Н. Б. Лебедева // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: в 3 ч. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. – Ч. II. – С. 91–100.

140. Лебедева, Н. Б. Жанровое имя как фактор стабилизации речевого жанра (на материале жанра дневника) / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 437. – С. 29–35.

141. Лиханов, М. В. Речевой жанр экскурсионной метки: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лиханов Максим Владимирович. – Кемерово. – 2018. – 26 с.

142. Лихачев, Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы / Д. С. Лихачев // Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986. – С. 79–95.

143. Лихачев, Д. С. Изображение людей в житийной литературе конца XIV–XV века / Д. С. Лихачев // ТОДРЛ, т. XII. / Отв. ред. И. М. Еремин. – М. –Л., 1956. – С. 105–115.

144. Лихачев, Д. С. Избранные работы: В 3 т. Т. 1: О себе. Развитие русской литературы; Поэтика древнерусской литературы. Монографии / Д. С. Лихачев. – Л.: Худ. лит., 1987. – 656 с.

145. Лихачев, Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.) / Д. С. Лихачев. – М. – Л. 1962. – 172 с.

146. Лихачев, Д.С. Некоторые задачи изучения южнославянского влияния в России / Д. С. Лихачев. – М. – Л., 1958. – 66 с.

147. Лихачев, Д. С. Принцип ансамбля в древнерусской эстетике / Д. С. Лихачев // Культура Древней Руси: посвящается 40-летию научной деятельности Николая Николаевича Воронина. – М.: Наука, 1966. – С. 118–120.

148. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили / Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1973. – 254 с.

149. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1970. – 523 с.

150. Лихачева, Е. С. Второе южнославянское влияние: история и современное состояние проблемы / Е. С. Лихачева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 3 (108). – С. 197–211.

151. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.

152. Магомедова, А. В. В поисках утраченной веры: контрастность как коммуникативно-прагматическая доминанта повести Л. Андреева «Иуда Искариот» / А. В. Магомедова // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-2. – С. 118–119.

153. Максимов, Ю. В. Понятие чуда в христианстве и исламе / Ю. В. Максимов // Альфа и омега. – 2001. – № 27. URL: <https://www.pravmir.ru/ponyatie-chuda-v-hristianstve-i-islame-2/> (дата обращения 1.03.2019).

154. Мануйлова, Н. А. Коммуникативно-прагматический подход к изучению художественного текста в иностранной аудитории / Н. А. Мануйлова // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сборник научных трудов. Том Выпуск 2. – Москва : «КДУ», Университетская книга, 2018. – С. 268–270.

155. Матвеева, Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г. Г. Матвеева. – Ростов на Дону : Южный федеральный университет, 1984. – 130 с.

156. Матхаузерова, С. Две теории текста в русской литературе XVII в. / С. Матхаузерова // ТОДРЛ, т. 31. – Л., 1976. – С. 271–284.

157. Матхаузерова, С. Древнерусские теории искусства слова / С. Матхаузерова. – Прага, 1976. – 178 с.

158. Макашова, В. В. Понимание педагогического дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте / В. В. Макашова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. – 2022. – № 40. – С. 142–146.

159. Медведев, А. А. Изображение посмертных чудес в святительских житиях (на материале житий святых Петра, Алексия и Ионы московских) / А. А. Медведев // Вестник славянских культур. – 2014. – №2 (32). – С. 151–157.

160. Медведев, А. А. Поэтика святительских житий (на материале житий святых Петра, Алексия и Ионы московских): дис. ... канд. филол. наук / Медведев Александр Анатольевич. – М. – 2017. – 214 с.

161. Мечковская, Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

162. Минеева, С. В. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции: дис. ... д-ра. филол. наук / Минеева Софья Викторовна. – М. – 2002. – 294 с.

163. Минеева, С. В. Истоки и традиции русского агиографического жанра / С. В. Минеева // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 2000. – № 1. – С. 20–31.

164. Миргородская, А. Ю. Коммуникативно-прагматические аспекты научного дискурса / А. Ю. Миргородская // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. – 2021. – Т. 56, № 2. – С. 110–115.

165. Митина, Ю. В. Лексика с религиозной семантикой и ее стилистические функции в житийных памятниках XV в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Митина Юлия Викторовна. – М. – 2000. – 17 с.

166. Михалева, Е. Использование метода коммуникативно-прагматического анализа текста в практике судебной лингвистической экспертизы / Е. Михалева // Polish Journal of Science. – 2020. – № 25-3(25). – С. 66–68.

167. Мишланов, В. А. О месте церковнославянского языка в русском лингвокультурном пространстве / В. А. Мишланов // Филологические заметки. – 2014. – Т. 1. – С. 1–15.

168. Молодыхенко, Е. Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления / Е. Н. Молодыхенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 57. – С. 79–102.

169. Ниживинская, О. В. Принципы коммуникативно-прагматического описания английского медиадискурса / О. В. Ниживинская // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 50–56.

170. Новоселов А. Л. Представления о чудесах в картине мира древнерусских летописцев XII – XVI вв.: дис. ... канд. истор. наук / Новоселов Александр Леонидович. – Казань, 2023. – 232 с.

171. Овчинникова, Н. В. Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Овчинникова Наталья Владимировна. – Тверь. – 2006. – 18 с.

172. Ольшевская, Л. А. Киево-Печерский патерик. Текстология, литературная история, жанровое своеобразие: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ольшевская Лидия Альфонсовна. – М. – 1979. – 23 с.

173. Орлова, Н. В. Дискурсивное переключение как лингвокреативный прием (на материале комических жанров масс-медиа) / Н. В. Орлова // Известия Восточного института. – 2022. – № 4(56). – С. 93–103.

174. Орлова, Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра / Н. В. Орлова // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 51–56.

175. Орлова, Н. В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность: (На материале «Книги отзывов и предложений») / Н. В. Орлова // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 227–235.

176. Ормаханова, Е. Н. Коммуникативно-прагматические аспекты диалогического повтора в телевизионном дискурсе / Е. Н. Ормаханова // Национальная Ассоциация Ученых. – 2015. – № 3-4(8). – С. 53–55.

177. Панова, Е. А. Структура предисловий переводной и оригинальной древнерусской агиографии (жития и похвальные слова на память святым подвижникам XI–XV вв.): дис. ... канд. филол. наук / Панова Евгения Александровна. – Омск. – 2021. – 199 с.

178. Пауткин, Алексей Аркадьевич (1956-). Беседы с летописцем : Поэтика раннего рус. летописания / А. А. Пауткин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2002 (Тип. ордена Знак Почета изд-во МГУ). – 285 с.

179. Петров, Н. И. Чудо как исторический факт: к постановке вопроса / Н. И. Петров // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. – 2017. – Вып. 8. – С. 177–203.

180. Понамарева, Н. В. Коммуникативно-прагматические особенности немецкого прозаического романа XV–XVI вв.: дис. ... канд. филол. наук / Понамарева Надежда Валерьевна. – СПб. – 2016. – 215 с.

181. Попова, Т. И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте / Т. И. Попова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. – 220 с.

182. Прокофьев, Н. И. «Видения» как жанр в древнерусской литературе / Н. И. Прокофьев // Вопросы стиля художественной литературы: Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1964. – Т. 231. – С. 35–57.

183. Прокофьев, Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI веков / Н. И. Прокофьев // Литература Древней Руси. – М., 1975. – Вып. 1. – С. 5–37.

184. Прохоров, Г. М. Святые в истории Руси X–XVIII вв. / Г. М. Прохоров // ТОДРЛ, т. 54. – СПб., 2003. – С. 78–98.

185. Пронин, А. В. Особенности языка юродивых в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» / А. В. Пронин // Актуальные проблемы современной

филологии : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2021. С. 51–53.

186. Пушкина, В. А. Трансформация образа юродивого в русской культуре и его трактовка в повести А. И. Герцена «Доктор Крупов» / В. А. Пушкина // Интертекстуальность художественного дискурса : материалы Всерос. науч. конф. Астрахань : Астрах. гос. ун-т, 2018. С. 84–88.

187. Рабенко, Т. Г. Речевой жанр с позиций лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личное письмо») / Т. Г. Рабенко // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 189–199.

188. Райскина, В. А. Устная профессиональная коммуникация: социокультурные и коммуникативно-прагматические аспекты средневековой рекламы / В. А. Райскина // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 2. – С. 219–236.

189. Рамазанова, А. Р. Коммуникативно-прагматические аспекты текстов рекламы / А. Р. Рамазанова // Актуальные проблемы исследования и преподавания тюркских языков и литературы : BEYNƏLXALQ ELMİ KONFRANS, Sumqayıt, 20–21 мая 2021 года. – Sumqayıt: Сумгаитский государственный университет, 2021. – Том 4. – С. 724–728.

190. Ремнева, М. Л. История русского литературного языка / М. Л. Ремнева. – М., 1995. – 400 с.

191. Ремнева, М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв: Учебное пособие / М. Л. Ремнева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 336 с.

192. Рогалева, О. С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (Коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): дис. ... канд. филол. наук / Рогалева Ольга Сергеевна. – Омск. – 2005. – 187 с.

193. Рогожникова, Т. П. Агиографический топос в житийных текстах Великих Четых Миней: синхронический и диахронический аспекты / Т. П. Рогожникова // Вестник Омского университета. – Омск, 2000. – №4. – С. 84–87.

194. Рогожникова, Т. П. Грамматика старорусского агиографии: концептуальный анализ / Т. П. Рогожникова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (29). – С. 40–46.

195. Рогожникова, Т. П. Житие как объект исследования: концептуальный и прагматический аспекты / Т. П. Рогожникова // Филологический ежегодник. – Омск, 2008. – С. 87–92.

196. Рогожникова, Т. П. Проблема стиля в старорусской книжности (XVI в.) / Т. П. Рогожникова // Научный потенциал. – 2012. – №1. – С. 9–12.

197. Рогожникова, Т. П. Язык житийных текстов конца XV – середины XVI вв. (на материале «Макариевского цикла»): дис. ... док. филол. наук / Рогожникова Татьяна Павловна. – СПб. – 2003. – 347 с.

198. Рогожникова, Т. П., Хоменко, М. В. Жанр прижизненного чуда в русской агиографии: коммуникативно-прагматический аспект / Т. П. Рогожникова, М. В. Хоменко // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. – 2020. – №1 (26). – С. 74–77.

199. Рогожникова, Т. П., Хоменко, М. В. Репрезентация «субъекта» как жанрового признака прижизненного чуда (на материале древнерусской и старорусской агиографии) / Т. П. Рогожникова, М. В. Хоменко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2 (31). – С. 130–135.

200. Рогожникова, Т. П., Хоменко, М. В. Специфика жанра «рассказ о прижизненном чуде» в составе житий русских юродивых / Т. П. Рогожникова, М. В. Хоменко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2023. – № 1 (38). – С. 78–83.

201. Рыженков, А. Н. Чудо: исторический, литературный и богословский аспекты (по материалам русской агиографии XVII века): дис. ... канд. богословия / Рыженков Алексей Николаевич. – М. – 2022. – 187 с.

202. Рынковой, И. В. Феномен чуда / И. В. Рынковой // Вестник МГУКИ. – 2010. – №3. – С. 46–52.

203. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 235 с.

204. Седов, К. Ф. Анатомия жанров бытового общения / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. – Саратов, 1998. – Вып. 27. – С. 9–20.

205. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 40–52.

206. Селиверстова, М. А. Композиция стихотворения: коммуникативно-прагматический аспект (рождественский И. «чайка») / М. А. Селиверстова // ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ в НАУКЕ в СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ : сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4 частях, Волгоград, 05 июня 2017 года. Том Часть 2. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. – С. 37–39.

207. Серебрянский, Н. И. Древнерусские княжеские жития: обзор редакций и тексты / Н. И. Серебрянский. – ЧОИДР, 1915 г., № 3. Окр.: М.: 1915 г. – 494 с.

208. Серман, И. Чудо и его место в исторических преданиях XVII–XVIII веков / И. Серман // Русская литература. – 1995. – №2. – С. 106–119.

209. Сизиков, А. В. Формы прошедшего времени в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого»: дис. ... канд. филол. наук / Сизиков Александр Владимирович. – СПб. – 2018. – 447 с.

210. Силина, В. Б. Тексты новгородских берестяных грамот в коммуникативно-прагматическом аспекте / В. Б. Силина // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : Материалы Международной научной конференции. В 2-х частях, Псков, 26–28 апреля 2012 года / Ответственный редактор Н. В. Большакова. Том Часть II. – Псков: Псковский государственный университет, 2012. – С. 64–70.

211. Скуридина С. А., Вязовская В. В. Именование юродивых в произведениях Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова / С. А. Скуридина, В. В. Вязовская // Русская речь. – 2018. – № 2. – С. 73–83.

212. Смирнова, В. В. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров: дис. ... канд. филол. наук / Смирнова Виктория Викторовна. – М. – 2006. – 254 с.

213. Смолина, А. Н. Духовный эпистолярный русский православного монашества XX – начала XXI века: типология жанровых форм, их риторико-стилистическая организация, речевой этикет: дис. ... д-ра филол. наук / Смолина Анджелла Николаевна. – Красноярск, 2021. – 569 с.

214. Соболева, А. Е. Житие Александра Свирского: от Великих Миней Четых до первого печатного издания / А. Е. Соболева // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Документы и материалы». – СПб., 2016. – Вып. 3. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь в российской истории и культуре: к 510-летию со дня основания обители. – С. 55–72.

215. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие / А. В. Соколов – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.

216. Соколова, С. А. Вставные конструкции в художественном тексте: структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности / С. А. Соколова // Благословенны первые шаги... : Сборник работ молодых исследователей / Под редакцией С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2019. – С. 87–92.

217. Соловьева, Т. Н. Мотивы исповеднического жития в переводном византийском святительском житии / Т. Н. Соловьева, Е. В. Камарская, Т. Ю. Малышева // Проблемы гуманизации и гуманитаризации образования в России : Материалы I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Лесниково, 26 января 2018 года. – Лесниково: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, 2018. – С. 30–34.

218. Стародубцева, Н. А. Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода / Н. А. Стародубцева // Научный диалог. – 2018. – № 12. – С. 152–165.

219. Стародумов, И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Стародумов Игорь Васильевич. – Омск. – 2009. – 21 с.

220. Стародумов, И. В. Истоки, эволюция и типология жанра чуда в древнерусской агиографии / И. В. Стародумов // Литература, фольклор: текст, проблемы и методы исследования: сборник научных трудов, посвященный 60-летию Филологического факультета КГУ. – Курган, 2013. – С. 38–45.

221. Стаценко, А. С. К постановке вопроса о жанре: жанр и стиль / А. С. Стаценко, Н. В. Пешева // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования : Сборник материалов VIII Международной научно-практической очно-заочной конференции, Краснодар, 24 октября 2023 года. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2023. – С. 199-206.

222. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание : учебник / И. П. Сусов. – М., 2007. – 379 с.

223. Сысоева, В. В. Коммуникативно-прагматический потенциал рекламных текстов (на примере современного немецкого языка) / В. В. Сысоева // Актуальные проблемы образования в России и за рубежом: лингвистический, методический, педагогический аспекты : Материалы VI Международной научно-практической заочной конференции, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, 30 июня 2013 года / Ред. коллегия: Л. А. Иванова, Т. А. Полуянова. – Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова: Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, 2013. – С. 40–45.

224. Ткачева, Ю. Г. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного текста / Ю. Г. Ткачева // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 3-5. – С. 105–110.

225. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.

226. Топоров, В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Том II. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.) / В. Н. Топоров. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 864 с.

227. Трофимова, Н. В. Чудеса в древнерусском воинском повествовании / Н. В. Трофимова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2011. – № 4. – С. 72–79.

228. Трубникова, Ю. В. Проблемы реализации жанра делового письма в современной деловой коммуникации: коммуникативно-прагматический, структурный и нормативный аспекты / Ю. В. Трубникова // Филология и человек. – 2019. – № 2. – С. 99–111.

229. Туминская, О. А. Русское юродство в свете монашеского служения / О. А. Туминская // Вестн. Рус. христ. гуманитар. академии. – 2017. – Т. 18. – № 3. С. 44–56.

230. Ужахова, Т. О. Особенности коммуникативно-прагматического построения текстов, имеющих научно-популярный компонент в составе общественно-политического дискурса / Т. О. Ужахова // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета / Ингушский государственный университет. Том Выпуск 3. – Магас : Южный издательский дом, 2005. – С. 441–452.

231. Урумашвили, Е. В. Прагматические аспекты анализа художественного текста / Е. В. Урумашвили // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 2(46). – С. 40–44.

232. Федорова, Е. А. Речевые жанры исповеди и проповеди в житии старца Зосимы (по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») / Е. А. Федорова, С. А. Бесогонова // Социальные и гуманитарные знания. – 2019. – Т. 5, № 3(19). – С. 268–275.

233. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – М.: «Наука», 1997. – № 5 (сентябрь-октябрь). – С. 102–120.

234. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – Париж, 1989. – 242 с.
235. Фрумкин, К. Г. Теории чуда в эпоху науки / К. Г. Фрумкин // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. 5 (№ 3). – С. 153–172.
236. Хабиров, Р. Р. Коммуникативно-прагматический аспект исследования медиатекста (на материале спортивных текстов Республики Башкортостан): дис. ... канд. филол. наук / Хабиров Рустам Раилович. – Уфа. – 2016. – 196 с.
237. Хоменко, М. В. Жанрово-стилистические признаки рассказа о прижизненном чуде (на материале русских житий) / М. В. Хоменко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2023. – № 4 (41). – С. 116–120.
238. Хоменко, М. В. Жанры прижизненного и посмертного чуда: к проблеме дифференциации / М. В. Хоменко // Молодежь третьего тысячелетия : сб. науч. статей / отв. ред. П. В. Прудников. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. – С. 195–199.
239. Хоменко, М. В. Жанровое своеобразие прижизненного чуда (на материале древнерусской и старорусской агиографии) / М. В. Хоменко // Молодежь третьего тысячелетия: сборник научных статей / отв. ред. Т. Ф. Ящук. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – С. 1126–1130.
240. Хоменко, М. В. Рассказы о прижизненных чудесах в составе Жития Пафнутия Боровского: общая жанровая характеристика / М. В. Хоменко // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – №1 (49). – URL: <https://rulb.org/archive/1-49-2024-january/10.18454/RULB.2024.49.30> (дата обращения: 25.01.2024).
241. Хоменко, М. В. Структура рассказов о прижизненных чудесах святых: коммуникативно-прагматический анализ / М. В. Хоменко // Русская речевая культура и текст : материалы XII Международной научной конференции, Томск, 20–21 мая 2022 года. – Томск: Томский центр научно-технической информации, 2022. – С. 12–17.

242. Черкасс, И. А. Типология речевых жанров: флирт как непрямой речевой жанр / И. А. Черкасс // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 6. – С. 241–251.

243. Чернобров, А. А. Религиозная культура и религиозный дискурс / А. А. Чернобров // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 1. – С. 172–181.

244. Чистова, Е. В. Трансформация речевого жанра в русскоязычном сегменте Интернета (на материале жанров кинорецензии и жалобы): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чистова Елена Васильевна. – Москва, 2021. – 164 с.

245. Чувакин, А. А. Творчество В. М. Шукшина в пространстве коммуникации: монография / А. А. Чувакин, Е. В. Демидова, Э. В. Малыгина // Под общ. ред. А. А. Чувакина ; АлтГУ. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2015. – 132 с.

246. Шахматов, А. А. Несколько слов о Несторовом житии Феодосия / А. А. Шахматов // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. – СПб., 1896. – Т. 64. Кн. 1. – С. 46–65.

247. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М., 1960. – 377 с.

248. Шерстяных, И. В. Специфика воплощения концепта в речевом жанре (на примере речевого жанра «Разговор по душам») / И. В. Шерстяных // Казанская наука. – 2017. – № 4. – С. 79–82.

249. Шерстяных, И. В. Теория речевых жанров. Лекционно-практический курс для магистрантов / И. В. Шерстяных. – М.: Флинта, 2013. – 547 с.

250. Шмелева, Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? / Т. В. Шмелева // Антология речевых жанров: монография / под ред. В. В. Дементьева, Т. В. Шмелевой, отв. редактор К. Ф. Седов. – Москва: Лабиринт, 2007. – С. 62–68.

251. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36422406>.

252. Шутова, О. А. Коммуникативно-прагматические особенности поучающих речевых жанров / О. А. Шутова // Традиции и инновации в изучении и преподавании филологических дисциплин в вузе и школе : коллективная монография. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом МИРАКЛЬ», 2016. – С. 274–296.

253. Щавелев, С. П. «Чудо» в пределах и за пределами разума / С. П. Щавелев // Наука. Искусство. Культура. – Белгород, 2015. – Вып. 1. – С. 82–92.

254. Яблонский, В. Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографический литературный очерк / В. Яблонский. – СПб, 1908. – 442 с.

255. Яхонтов, И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник [Текст] / И. Яхонтов. – Казань, 1881. – 377 с.

Словари, энциклопедии, справочники

256. Арутюнова, Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 389–390.

257. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: 1966. – 606 с.

258. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. / В. И. Даль – 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб.: Товарищество М. О. Вольфа, 1903–1909. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения 2.03.2019).

259. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова – М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/word/chudo.html> (дата обращения 2.03.2019).

260. Живов, В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов / В. М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 1994. – 113 с.

261. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия: В 4 выпусках. / Труд и издание архимандрита Никифора. Вып. 1-4. – Москва, 1891–1892.
262. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. И нетитут научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
263. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. РАН, Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2002. – 944 с.
264. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. I: XI – перв. полов. XIV века. – Л.: Наука, 1987; Т. II: втор. полов. XIV–XVI век. – Л.: Наука, 1988–89; Т. III: XVII век. – СПб., 1992–1993. – 577 с.
265. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения 2.03.2019).
266. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1999. – 2 т.
267. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коммуникативно-прагматические модели тематических вариантов рассказа о прижизненном чуде

1. «Изгнание бесов»

1) «ситуация»: проблемная – в некотором замкнутом пространстве поселяются бесы и наносят ущерб обладателю этого пространства;

2) «объект»: а) жилое или хозяйственное помещение; б) человек, мучимый бесами, (бесноватый);

3) «субъект»: святой, святой с божьей помощью;

4) предчудесная «коммуникация»:

- условия «коммуникации»: а) к святому приходит и обращается за помощью инок, имеющий какое-либо отношение к месту, охваченному бесовской силой; б) человека приводят к святому, и святой, видя бесноватого, сам понимает, с какой целью он приведен, и предпринимает необходимые действия для его исцеления;

- цель «коммуникация»: просьба об изгнании бесов из объекта, осуществляемая посредником объекта;

5) «чудесное событие»: изгнание бесов совершается в присутствии святого после прочтения молитвы и применения других средств или дистантно по молитве и данному святым обещанию;

6) «средство свершения»: обычно молитва, реже крестное знамение и вода;

7) «свидетель»: населяющие помещение или окружающие человека люди, выражены имплицитно;

8) постчудесная «коммуникация» (при наличии): сообщение объекта о виденном в бесности.

2. «Оживление»

1) «ситуация»: проблемная – человек умер раньше некоторого времени:
а) больной, которого несли к святому на излечение, умер по дороге к нему, б) до причащения святых тайн;

2) «объект»: умерший человек;

3) «субъект»: святой с божьей помощью;

4) предчудесная «коммуникация»:

- условия «коммуникации»: о смерти человека святому сообщает посредник, он не просит его об оживлении умершего, но вовлекает его в сочувственное эмоциональное состояние, вследствие чего святой молится Богу об умершем;

- цель «коммуникации»: сообщение о преждевременной смерти человека;

5) «чудесное событие»: происходит само собой как следствие сокрушительной мольбы святого о душе умершего, при этом святой и умерший могут находиться в разных помещениях;

6) «средство свершения»: молитва;

7) «свидетель»: посредник или некто из братии;

8) постчудесная «коммуникация»: сообщение посреднику о том, что «объект» жив, запрет на распространении информации о чуде, повеление и наставление святого.

3. «Исцеление»

1) «ситуация»: проблемная – некий человек страдает от болезни или недуга совсем недавно или в течение некоторого времени;

2) «объект»: человек, мучимый болезнью или недугом;

3) «субъект»: святой, святой с божьей помощью;

4) предчудесная «коммуникация»:

- условия «коммуникации»: обычно больной обращается к святому за помощью непосредственно или через посредника: а) больной

приходит к святому или его приносят, просит лично или просят за него (в зависимости от заболевания); б) страждущий посылает к святому за помощью, посредник возвращается от святого с освященными атрибутами; 3) (редко) излечение происходит не по инициативе больного в условиях видения (святой является и исцеляет больного во сне);

- цель «коммуникации»: просьба об исцелении от болезни или об избавлении от недуга;

5) «чудесное событие»: чудесное исцеление происходит по молитве святого в его присутствии или дистантно, иногда используются священные предметы и жесты.

6) «средство свершения»: молитва, святая вода, крест, жесты, хлеб;

7) «свидетель»: совпадает с «объектом», иногда с «субъектом» и окружающими;

8) постчудесная «коммуникация» (при наличии): сообщение о чуде.

4. «Исполнение просимого»

1) «ситуация»: проблемная – человек оказывается в положении, которое нарушает его деятельность или препятствует удовлетворению его богоугодных желаний и потребностей;

2) «объект»: человек, находящийся в затруднительном или нежелательном положении; стихия, во власти которой оказался человек;

3) «субъект»: святой, святой с божьей помощью, Бог;

4) предчудесная «коммуникация»:

- условия «коммуникации»: нуждающийся человек обращается к «субъекту» чуда лично или через посредника с просьбой о разрешении проблемного положения, в котором он оказался; просьба о помощи может быть имплицитной, в таком случае человек сообщает святому (в таких тестах в роли «субъекта» может быть только святой) о затруднительном обстоятельстве, а святой уже сам понимает, что ему нужно сделать;

- цель «коммуникации»: просьба о разрешении сложившихся обстоятельств, об исполнении желания;
- 5) «чудесное событие»: устранение проблемного положения, исполнение богоугодных желаний «объекта»;
  - 6) «средство свершения»: иногда присутствует в текстах со святым в роли «субъекта», в каждом случае разное;
  - 7) «свидетель»: «объект», нуждающийся в помощи, один или вместе с окружением;
  - 8) постчудесная «коммуникация» (при наличии): сообщение о чуде, благодарность «субъекту».

5. «Материализация необходимого»

- 1) «ситуация»: проблемная – нехватка ресурсов (вещественных или человеческих);
- 2) «объект»: человек, вещество/предмет: ресурсы, необходимые для деятельности и жизнедеятельности (еда, мука, хлеб, вино, мед, масло, деньги, люди);
- 3) «субъект»: высшие силы, «высшие силы при косвенном участии святого»;
- 4) предчудесная «коммуникация»:
  - условия «коммуникации»: а) если «субъектом» чуда являются «высшие силы при косвенном участии святого», то обычно некий человек извещает святого об отсутствии или нехватке чего-либо необходимого, после чего святой поучает и наставляет пришедшего, велит молиться и ждать или проверить количество запасов еще раз; б) если «субъектом» чуда являются высшие силы, то чудо происходит по просьбе святого или без нее.
  - цель «коммуникации»: просьба о помощи в пополнении ресурсов;

5) «чудесное событие»: материализация необходимого может происходить по-разному: а) ресурс пополняется извне: некто привозит или приносит необходимое из-за пределов монастыря, человеком, сподвигнутым Богом или божьи посланником; б) ресурс пополняется сам собой: в сосуде появляется вино, в бочке – мед, сусек наполняется мукой, поедаемый хлеб не убывает;

б) «средство свершения»: молитва;

7) «свидетель»: отдельные иноки или вся братия, святой;

8) постчудесная «коммуникация»: сообщение о чуде, запрет святого на распространение информации о чуде, повеление и поучение святого.

6. «Наказание»

1) «ситуация»: проблемная – один или несколько человек имеют малую веру в святого или в Бога – небогоугодный образ мыслей;

2) «субъект»: Бог;

3) «объект»: человек и его имущество (вещество или предмет);

4) предчудесная «коммуникация»: сообщение святому о проблеме, наставление или поучение святого;

5) «чудесное событие»: человека внезапно постигает недуг, имущество оказывается оскверненным;

б) «цель чуда»: демонстрация неправоты «объекта» или его обладателя;

7) «свидетели»: участники ситуации;

8) постчудесная «коммуникация» – сообщение о чуде.

7. «Видение»

1) «ситуация»: непроблемная;

2) «объект»: один человек, несколько или большая общность людей;

3) «субъект»: высшие силы: Бог, Богородица, ангелы, почившие святые, божественный огонь;

4) предчудесная «коммуникация» (при наличии): молитва «объекта»;

5) «чудесное событие»: само чудо является коммуникацией, возникает из ниоткуда (без каких-либо очевидных для «объекта» на то причин) визуальное и/или аудиальное явление, облеченное в некий образ или безобразное; «субъект» с помощью визуальных и аудиальных явлений вовлекает «объекта» в сферу своего влияния для сообщения некоторой информации вербальным или невербальным способом;

6) «цель чуда»: откровение, сообщение «объекту» некоторой информации или демонстрация избранности человека или места Богом;

7) «свидетель»: совпадает с «объектом» или отсутствует;

8) постчудесная «коммуникация»: сообщение о чуде, запрет святого на распространение информации о чуде.

8. «Защита»

1) «ситуация»: проблемная – покушение на жизнь и/или имущество святого и братии;

2) «субъект»: высшие силы: Бог, Богородица, ангелы;

3) «объект»: человек и населенное помещение: святой, его подопечные и обитель;

4) «чудесное событие»: сохранение невредимости «объекта», защита;

5) «средство свершения»: чудесное видение (если присутствует);

6) «цель чуда»: ограждение «объекта» от воздействия вражеских сил;

7) «свидетель»: покусившийся недоброжелатель и его посланники.

8) постчудесная «коммуникация»: сверка информации, сообщение о чуде; просьба святого.

9. «Благоухание»

1) «ситуация»: непроблемная – посвящение души святого Богу или ее отход к нему;

2) «субъект»: Бог;

3) «объект»: братия и миряне;

- 4) «чудесное событие»: распространение благовонного аромата в церкви и за ее границами;
- 5) «цель чуда»: прославление святого, свидетельство о приятии его Богом.
- 6) «свидетель»: совпадает с «объектом».